

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный журнал

2013 № 3

Главный редактор: **Печников Андрей Павлович**, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Заместитель главного редактора: **Прошников Денис Владимирович**, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Алексеев Кирилл Васильевич, кандидат филологических наук, доцент (г. Рязань)

Артемьев Николай Семёнович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань)

Ветютнев Юрий Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград)

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва)

Горшунов Денис Николаевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Казань)

Жаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент (г. Челябинск)

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов)

Матузов Николай Игнатьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов)

Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (г. Саратов)

Пантюхина Инга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань)

Придворов Николай Антонович, доктор юридических наук, профессор (г. Тамбов)

Придворова Мария Николаевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Учредитель Прошников Денис Владимирович

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77 – 41561** от 13.08.2010 г.

Выходит 1 раз в квартал

ISSN 2220-5500

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 82319

Сайт журнала: www.jur-science.ru

Почтовый адрес редакции:

390044, г. Рязань, а/я 58

jur-science@mail.ru

ООО «Издательство «Концепция»

390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17 корп. 1

conception.rzn@gmail.com

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Свободная цена

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Беспалько В.Г.

Общая характеристика и принципы
синайского уголовного законодательства
(по материалам книги
Исход Ветхого Завета) 4

Забзлюк Д.Е.

Становление орденского права в контексте
анализа организационно-правовой структуры
духовно-рыцарских орденов 12

Комлева Е.В.

Природоантропосоциальный феномен
ядерной энергии: иррациональность
и рациональность 17

Лошкарев Н.В.

К вопросу о классификации
легальных дефиниций 28

Свирин Ю.А.

Конспирологический подход
к ответственности в праве 33

Серёгин В.А.

Соотношение княжеской и вечевой власти
в публично-правовой организации
балтийских славян 37

Халиков А.Н.

Правовой статус человека в обществе
и государстве 40

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Калашников С.В.

К вопросу о формировании гражданского
общества в современной России 45

Соловьев С.Г.

К вопросу о разработке Кодекса
нормативных правовых актов
муниципального образования 51

Степанченко В.И.

О предпосылках разработки Конституции
Российской Федерации 1993 года
и изменениях в нормах Конституций СССР
и РСФСР в 90-е годы прошлого века 58

Цалиев А.М.

Законодательное и организационно-
практическое обеспечение создания
и развития конституционных (уставных)
судов в субъектах РФ 66

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Козлов Д.В.

Право использования чужого земельного
участка собственником расположенной
на нем недвижимости 72

Третьякова Е.С.

Историко-правовой анализ процесса
формирования основных направлений
взаимодействия государств по вопросам
гражданского права с участием
Российской империи 79

Шматенко А.А.

Деяние как элемент объективной стороны
неправомерных действий при банкротстве
(ч. 1 ст. 195 УК РФ) 85

ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Глухов А.В.

Договорная компенсация при увольнении
в контексте злоупотребления правом 91

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО,

Борисов С.В.

Уголовно-правовые нормы
об ответственности за преступления
экстремистской направленности:
проблемы правотворчества 97

Долгополов К.А.

Принцип индивидуализации наказания
как один из принципов
уголовного права 103

Мусаев Х.А.

Обстановка совершения преступления
в российском уголовном праве 106

Шмыков Д.В.

Обстоятельства общего характера,
а также обстоятельства, непосредственно
способствующие совершению преступлений,
связанных с распространением
порнографических материалов
или предметов..... 110

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО,
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

Валеев Р.М.

Защита людей в случае бедствий
(вопросы кодификации)..... 113

Гаптрахманова А.В.

Международно-правовые основы
обеспечения безопасности полетов
гражданской авиации
международной организацией
гражданской авиации (ИКАО)..... 117

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН,
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ**

Демичев Д.М.

Конституционно-правовая практика проведения
референдумов в Республике Беларусь121

Мартыненко И.Э.

Уголовная ответственность за преступления
против культурного наследия: опыт
установления в странах СНГ128

**ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ**

Мартышкин В.Н.

Реабилитирован посмертно...
(личный и профессиональный подвиг
выдающегося мордовского правоведа
Тимофея Васильева
(к 116-летию со дня рождения))137

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРИНЦИПЫ СИНАЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (по материалам книги Исход Ветхого Завета)

БЕСПАЛЬКО Виктор Геннадиевич

Аннотация: в статье с позиций современной уголовно-правовой доктрины исследуются священные тексты второй книги Библии (Исход) на предмет установления основных религиозно-правовых идей, ставших принципами синайской редакции Моисеева уголовного права.

Annotation: in the article, under the attitude of the current criminal law doctrine, there investigates the sacred texts of the second Book of the Bible (Exodus) to disclose the major religious and legal ideas that have become the principles of the Sinai version of the Criminal Law of Moses.

Ключевые слова: уголовное право, ветхозаветное уголовное право, древнееврейское уголовное право, Моисеево уголовное право, Библия и уголовное право, библейская история уголовного права, принципы уголовного права.

Key words: criminal law, Old Testament criminal law, Hebrew criminal law, Criminal Law of Moses, Bible and criminal law, Bible history of the criminal law, criminal law principles.

Синайская редакция Моисеева уголовного права представляет собой относительно систематизированный свод уголовно-правовых (как по форме, так и содержанию) норм, зафиксированных во второй книге Ветхого Завета (Исход), авторство которых в христианской религиозно-правовой доктрине приписывается непосредственно Богу, а их письменная фиксация в Книге Завета и обнародование – еврейскому пророку Моисею, ставшему богоизбранным проводником законов Божиих в общество сынов Израилевых. Конечно же, древнее ветхозаветное уголовное право на этапе его зарождения не знало такого уровня проработки содержания правовых норм и их систематизации, который присущ уголовному праву Новейшего времени. Все развитые уголовно-правовые системы большинства современных государств состоят из двух основных частей – общей и особенной. Общая часть уголовного права представляет собой совокупность юридических норм, образующих институты преступления и наказания, определяющих основные принципы уголовной ответственности и другие положения, общие для всех видов преступлений и всех лиц, совершивших преступления. Соответственно особенная часть уголовного закона представляет собой совокупность норм, в которых определяются юридические признаки отдельных видов преступных деяний и устанавливаются виды и размеры наказаний за совершение каждого из них. Безусловно, исследуя синайское законодательство, преждевременно говорить о стройной системе его ко-

дификации, она является весьма условной, так как в описываемые в книге Исход времена еврейский народ находился еще на пути к своей будущей государственности, а правовая система Древнего Израиля по сути только начинала формироваться, эволюционировав из формы устного обычного права в более совершенную писанную форму права религиозного: «И пришел Моисей, и пересказал народу все слова Господни и все законы... И написал Моисей все слова Господни... И взял книгу завета, и прочитал вслух народу...» (Исх. 24, 3–4, 7).

Процитированные строки книги Исход являют собой, во-первых, описание появления первого в библейской истории еврейского народа письменного источника права, преимущественно уголовного. Во-вторых, они как бы прообразуют собой обязательные сегодня для принятия и вступления в силу уголовного закона формально-юридические требования или условия: 1) наличие письменной формы выражения и закрепление в единой официальной книге – кодексе; 2) обнародование содержания юридических норм. В-третьих, нельзя не отметить не только законоустановительный, но и священный для сынов Израилевых характер записанной Моисеем Книги Завета, свиток которой хранился одесную ковчега Завета, то есть рядом с главной иудейской святыней – священными скрижалями Десяти заповедей.

«И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Господь, сделаем... и будем послушны» (Исх. 24, 3, 7) – в данных фрагментах библейского текста говорится, по

сути, о принятии, признании закона населением, его социальной легитимации. Тем самым, как нам кажется, прообразуются: 1) обязательность уголовного закона для всех и для каждого; 2) интеллектуально-волевой характер уголовного закона, то есть, с одной стороны, общественное признание или осознание социальной необходимости самого бытия такого закона, а также, с другой стороны, осознанная необходимость его соблюдения.

При этом сама форма синайского законодательства – Завет (договор) – не является уникальной. Она была весьма распространенной в период позднего бронзового века (1550–1200 годы до н.э.), особенно в области международного права, и предполагала включение в Завет следующих формальных элементов: именование автора, преамбулу, требования, документирование, указание свидетелей или свидетельств заключения завета, проклятия и благословения¹.

В 1904 году русский богослов П. Аксенов писал о процессе возникновения синайского права следующее: «Полагая в измене культуре саморазложение Израиля, предрекая ему внутреннюю дряхлость вследствие уклонения от Иеговы, Моисей начертывает такую систему кары, которая является с значением уголовной, тем не менее выше обычной уголовной»². Как нам кажется, автор рассуждал здесь, руководствуясь позитивистскими представлениями о праве, и потому поставил синайское законодательство, с одной стороны, между обычным и государственным правом (учитывая его форму), и, с другой стороны, выше позитивного уголовного права (учитывая его божественную природу и сакральное значение).

Между тем, синайское законодательство представляет собой, с точки зрения предмета правового регулирования, сложный комплекс норм канонического и церковного, гражданского и семейного, и главным образом уголовного права, которые институционно никак не отграничены друг от друга в священных библейских текстах. Поэтому, во-первых, говорить о системе синайского уголовного права можно лишь условно, анализируя его с помощью юридического инструментария сегодняшнего дня, достижений уголовно-правовой доктрины Новейшего времени. Во-вторых, анализ уго-

ловно-правовых норм закона, данного Израилю Богом через пророка Моисея на священной горе Синай, все-таки позволяет сделать кое-какие обобщения, выявить определенные закономерности в их структуре и содержании, которые условно можно назвать «Общей частью синайского уголовного кодекса». Среди таких общих положений, прежде всего, хотелось бы выделить принципы – основные религиозно-правовые идеи, которым подчинено все синайское уголовное законодательство и которые пронизывают каждую его норму без всякого исключения.

1. Божественная природа и сакральный характер уголовного права древнего Израиля. Священное Писание однозначно указывает на то, что единственным Творцом данного закона является Бог – «Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить» (Иак. 4, 12). По смыслу книги Исход пророк Моисей является лишь избранным Господом проводником Его воли, призванным донести содержание закона Божия до Израиля. Какое-либо личное участие Моисея в создании данных норм даже не подразумевается. В свете сказанного представляются не совсем корректными формулировки «Моисеево уголовное право», «Моисеево законодательство», «закон, данный Моисеем» и т.п., хотя они уже давно стали общепотребительными и в книгах Библии³, и в богословской литературе⁴, и в трудах представителей юридической науки⁵.

Божественная природа синайского уголовного закона предполагает также его обязательность для всех и каждого, незыблемость, непререкаемый авторитет и верховенство по отношению к обычаям, морали и другим социальным нормам, ибо высшая сила или санкция данного закона заключается в том, что он от Господа, заповедавшего: «У Меня отмщение и воздаяние» (Втор. 32, 35). Многие ученые-правоведы Нового времени, раскрывая истоки происхождения уголовных законов современных государств, говорят о них, как о наследниках богоустановленного синайского уголовного законодательства. Так, например, выдающийся русский юрист Н.С. Таганцев (1843–1923), характеризуя древнейший источник уголовно-правовых норм, писал в 1902 году: «В туманной глубине веков скрыт источник

¹ См.: Дрейн Дж. Путеводитель по Ветхому Завету. М.: Триада, 2007. С. 70–71.

² Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб.: Тип. П. Сойкина, 1904. С. 7.

³ См., например: 1 Езд. 7, 6 и др.

⁴ См., например: Аксенов П. Указ. соч. С. 9 и др.

⁵ См., например: Тер-Аккопов А. Законодательство Моисея: общая характеристика // Рос. юстиция. 2003. № 9. С. 40–42 и др.

права, на его колыбель набрасывается мистический полог, божеское происхождение права. Право – это завет откровения, при громах и молнии данный на священной горе, народу избранному»⁶.

Божественная природа синайского уголовного закона означает и его превосходство над земными уголовными законами, его непреходящее во времени значение для человечества. Русский библиист А.П. Лопухин (1852–1904) по этому поводу заметил: «Синайское законодательство в своих основных началах давалось на все будущие времена. Оно заложило основу истинной нравственности и человеческого достоинства в мире... Простые, но глубокие и вечные истины о духовном и личном Боге, о почтении к родителям, о целомудрии, о святости человеческой жизни и его собственности, о чистоте совести – все эти истины открыты или утверждены были на Синае в наследие всем последующим векам... Десятисловие же провозглашено было Самим Богом и с таким неотразимым величием и такую изумительную простотой, что возведенные в нем истины сразу становились достоянием всего народа, долженствовавшего распространить их на все человечество»⁷.

Таким образом, Бог для Израиля того времени – единственный Царь, единственный Законодатель и единственный Судья. В этом и выражается сущность теократии, при которой не только уголовные, но и «все основные законы исходили непосредственно от Самого Иеговы и все видимые правители народа были лишь орудиями в исполнении божественной воли в направлении народной жизни»⁸. «Посему, – как сказано апостолом Павлом, – закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» (Рим. 7, 12).

2. Ограниченность законом применения насилия. Законность. Сам факт появления и существования синайского закона, его письменная фиксация Моисеем и объявление обязательным для Израиля – все это свидетельствует о попытке ограничения в нормах права оснований легального применения насилия среди сынов Израилевых только за деяния, которые собственно предусмотрены этим за-

коном. Тем самым синайский уголовный кодекс стал преградой на пути произвола в применении силы, удерживающей сынов Израилевых от самодурства и самосуда, необузданной кровной мести, характерных для периода дикости, а еврейское общество – от саморазрушения.

Представляется, что именно здесь кроются исторические и нравственно-религиозные корни принципа законности, являющегося главенствующим в системе принципов российского и зарубежного уголовного права. Что же касается значения принципа законности для религиозно-правовой системы Древнего Израиля, то наиболее ярко и образно оно было показано русским философом Б.П. Вышеславцевым (1877–1954), который писал: «Нет сомнения в том, что древнееврейскую систему ценностей можно выразить как "закон". Жизнь "в законе" (*εὐνομος βίωσις, βίος νομικός*) есть <...> высшая цель каждого израэлитянина. "Гимн закона" (*εὐνομος ὕμνος*) – в этом идеал еврейского народа»⁹. Наиболее же точным выражением как значимости, так и содержания принципа законности в синайском уголовном праве, его связи с иными уголовно-правовыми принципами (виновности и справедливости и др.) представляются нам слова Самого Законодателя, обращенные к Израилю: «Удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого; ибо Я не оправдаю беззаконника» (Исх. 23, 7).

3. Равенство преступивших уголовный закон на фоне социального неравенства потерпевших от преступных посягательств. Синайский уголовный закон, устанавливая наказание за то или иное преступление, не делает каких-либо исключений как в сторону послабления, так и в сторону ужесточения характера уголовной ответственности для той или иной социальной группы. Им установлена равная мера уголовной ответственности за одинаковое преступление для всех и каждого.

В данной связи А.П. Лопухин в 1887 году отмечал: «Дотоле существовали в этом отношении только такие законы, в которых притеснитель налагал иго на подчиненных, сильный и богатый угнетал слабого и бедного. Теперь впервые провозглашены были законы общественного равенства. Иегова освободил всех израильтян от рабства египетского, всех сделал свободными, и потому среди них все должны

⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. Т. 1. М. : Наука, 1994. С. 65–66.

⁷ Лопухин А.П. Библиейская история Ветхого Завета. Киев : О-во любителей православ. лит. : Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 2005. С. 216.

⁸ Там же. С. 227.

⁹ Вышеславцев Б.П. Мораль и закон // Русская философия права. Антология / сост. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. СПб. : Алетея, С.-петерб. ун-т МВД России, 1999. С. 418.

быть равными между собой»¹⁰. Не случайно в тексте книги Исход многократно встречаются указания Господа еврейскому народу о непритеснении и неугнетении пришельцев, *«ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской»* (Исх. 22, 21).

На равенство субъектов ответственности перед синайским уголовным законом обращал внимание в своем труде и П. Аксенов. В частности, он указывал, что «закон Синайский вместе с тем проводит принцип равенства и одинаковости наказаний. Требование Моисеем неминуемой кары преступнику без различия лиц позволяет утверждать, что о законах Моисея нельзя совсем сказать обычной формулы: законы – паутина, в которой вязнут мухи и которую прорывают большие шмели. Никаких изъятий в наказуемости виновных у Моисея нет; напротив quasi привилегированное сословие левитов как в ”грехах неведения и ошибки” было более ответственно – наравне с обществом – принося в жертву тельца за станом (Лев. IV, 3–21); так и в грехах иного рода левиты наказывались сравнительно гораздо строже: ”соблудившая дочь священника налагает на отца бесчестие, которое может быть смыто только смертью ея с позорной церемонией – сожжением” (Лев. XIX, 1, 9)»¹¹.

Однако вместе с тем синайский уголовный кодекс совершенно недвусмысленно разводит по разные стороны преступления против свободного еврея и раба: сначала в тексте закона Моисей описывает преступные посягательства против человека свободного, а затем – против невольника. При этом гораздо более строго, что вообще характерно для рабовладельческого общественного устройства, наказываются преступления, совершаемые в отношении свободного еврея, нежели невольника (Исх. 21, 18–20, 26–27, 32 и др.).

Опирающиеся на систему новозаветных христианских ценностей более поздние религиозно-правовые системы такого социального неравенства уже не знают. Не случайно считается, что христианская мораль внесла серьезную лепту в разложение рабовладельческого строя в Европе. Действующее уголовное законодательство России и других демократических государств исходит из принципа всеобщего равенства граждан перед законом и судом.

4. Виновность. Содержание синайского уголовного законодательства примечательно и тем, что в нем отчетливо наблюдается прооб-

раз современного принципа вины, прописанного практически во всех действующих уголовных законах. В диспозициях ветхозаветных уголовно-правовых норм мы не только находим неоднократные упоминания о вине, но и обнаруживаем ее четкое разделение на две формы: 1) умысел, который кроется за употребляемыми в синайском законе словами *«злоумышлял», «с намерением»* (Исх. 21, 13–14); 2) неосторожность, для обозначения которой используется выражение *«не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его»* (Исх. 21, 13).

При этом в рассматриваемом законе встречаются и такие положения, которые кажутся противоречащими принципу вины и логически вытекающему из него принципу личной уголовной ответственности, если придерживаться современных представлений о понятии, содержании и значении вины в уголовном праве: *«Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои»* (Исх. 20, 5–6). Тем более примечательно, что данное законоположение о вине настойчиво повторяется. В частности, в гл. 34 книги Исход можно еще раз прочитать о Боге, что Он есть *«наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода»* (Исх. 34, 7). И все это кажется еще более странным и непонятным, когда в одной из следующих книг Моисеевых обнаруживается практически обратное положение девтеронимической редакции Моисеева уголовного права, в полной мере соответствующее современному представлению о содержании принципа вины и личного характера уголовной ответственности: *«Отцы не должны быть наказываемы смертию за детей, и дети не должны быть наказываемы смертию за отцов; каждый должен быть наказываем смертию за свое преступление»* (Втор. 24, 16).

Опираясь на последнюю цитату из Священного Писания, советский востоковед И.Ш. Шифман (1930–1990) полагал, что все-таки «ветхозаветный законодатель уже пришел к принципу личной ответственности», что «даже кровная месть ограничивается личностью непосредственно убийцы», что «в своих установлениях законодатель учитывает наличие или отсутствие умысла при совершении преступления»¹², то есть форму и степень вины. Тогда

¹⁰ Лопухин А.П. Указ. соч. С. 216–217.

¹¹ Аксенов П. Указ. соч. С. 34.

¹² Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир: (Ветхий Завет как памятник литературной и общественной мысли Передней Азии). М.: Политиздат, 1987. С. 131–132.

как современный британский христианский писатель А. Томпсон исходит из отсутствия в синайском и более позднем деликтном праве принципа индивидуальной ответственности, ибо «Бог не мог преждевременно предложить идею личной ответственности людям, которые привыкли понимать ее в коллективном смысле», для которых «границы "личности" отдельного человека расширены во времени и пространстве... она вбирает в себя членов семьи человека, его племя, его народ... выходит за пределы срока жизни отдельного человека, потому что продолжает оказывать влияние и после его смерти»¹³. То есть народу Израиля и синайскому праву в полной мере присущи племенное сознание и коллективная ответственность, характерные для родовой общины.

Среди других толкований рассматриваемых строк Священного Писания наиболее последовательной нам показалась позиция соотечественника П. Аксенова, который, в отличие от других авторов, не закрывал глаза на видимое в процитированных фрагментах Пятикнижия противоречие и попытался его преодолеть посредством следующей цепочки рассуждений: «Угроза гневом Божиим за нечестие родителей карой на их детей, по-видимому, – несправедливейшее и жесточайшее осуждение ни в чем неповинных, какое-то необузданное мщение. Но, прежде всего, достаточно сказать, что эта угроза гневом Божиим не юридическое установление. Понимать же здесь суд Самого Божества должно таким образом. Карающий перст Божий, на жертву Котораго обрекаются дети за родителей, понимаемый в смысле естественно-психологическом, означает то, что нечестие-преступность в некотором роде передается наследственно... Во взглядах на нечестие-преступность в Библии, у пророков можно подметить двойственность: то нечестие несмываемо, то оно вполне изгладиво. ... Эта дилемма, есть ли виновность только личная или родовая, вследствие своего практического значения, особенно полно решается у Прор. Иезекииля в том смысле, что нравственно ответствен каждый только за себя, но ни за родителей дети, ни за детей родители не отвечают (XVIII, 1–24). Однако слова Моисея о гневе Бога до третьего и четвертого рода, как бы ни понимать их, в моральном ли, в психологическом ли значении, для верующих представляли

собой большую сдерживающую силу на случай колебаний»¹⁴.

Автор Толковой Библии А.П. Лопухин вовсе односложно разъяснил данный непростой для понимания фрагмент ветхозаветного повествования: «Иегова наказывает детей за вину отцов, не безвинных детей за преступления предков, что несогласно с Писанием (Втор. 24:16; Иер. 31:30; Иез. 18:1–32), а тех детей, собственная преступность которых (*ненавидящих меня*) коренится в виновности их отцов»¹⁵. В этой связи и у современного российского теолога Д.В. Щедровицкого можно прочесть следующее: «И карает Бог только ненавидящих Его, тех, которые повторяют грехи отцов. Нельзя отсюда делать вывод, что человек наказывается за вину других, в данном случае своих предков»¹⁶. Таким образом, по А.П. Лопухину и Д.В. Щедровицкому изложенное ими уяснение фрагмента текста книги Исход о наказании детей за вину отцов подводит читателей Библии к пониманию того, что он не только не противоречит принципу виновной ответственности в уголовном праве, но и утверждает этот принцип.

5. Справедливость. Право и справедливость суть не только однокоренные слова, но и тесно связанные друг с другом явления, хотя и имеющие разную природу: право – формальную, юридическую, а справедливость – нравственную, этическую. Следует отметить, что синайское уголовное право тоже зиждется на идее справедливости, ибо установивший его всеправедный Бог не может быть несправедливым. Он, как указал апостол Павел в послании к римлянам, «воздаст каждому по делам его», «ибо нет лицемерия у Бога» (Рим. 2, 6, 11). Другое дело, что подчас эта ветхозаветная справедливость носит просто абсолютный или буквальный характер, и ее содержание во многом рознится с современными представлениями о справедливости. Наиболее наглядным свидетельством такого положения дел может послужить следующий фрагмент библейского текста: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, уши за уши» (Исх. 21, 23–25).

¹⁴ Аксенов П. Указ. соч. С. 10.

¹⁵ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. Ветхий Завет : в 5 т. Т. I : Пятикнижие; Исторические книги. М. : ДАРЪ, 2008. С. 465–466.

¹⁶ Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М. : Теревинф, 2003. С. 402–403.

¹³ Томпсон А. Библия без цензуры: Ключ к самым загадочным текстам Ветхого Завета. М. : Эксмо, 2010. С. 153–155.

Таким образом, принцип справедливости в синайском уголовном праве отождествляется с принципом талиона (от лат. *lex talionis*) – известным многим, в том числе и варварским, правовым традициям принципом назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна воспроизводить вред, причиненный этим преступлением. Здесь, конечно же, налицо упрощенное представление о справедливости, которое, с другой стороны, представляется вполне закономерным и допустимым в условиях начального этапа становления писаного права Израиля, сохранившего определенную преемственность более древним нормам народных обычаев, привычных для общественного сознания.

А.П. Лопухин также видел в указанном принципе талиона «уступки укоренившимся взглядам израильского народа, низкому уровню его нравственного развития, одним словом, его "жестокостью"» и указывал, что «без отношения к этому обстоятельству часто остались бы непонятными истинный смысл и значение того или иного закона»¹⁷. Хотя в другом своем труде автор дополняет изложенную мысль о принципе талиона следующим его нравственным обоснованием: «Зло, причиненное одним евреем другому, должно быть наказано таким же злом – возмездие простое, чувствительное и способное с силой предупреждать преступление»¹⁸. Еврейское же толкование рассматриваемых строк Ветхого Завета основано на том, что его содержание вовсе не исключает денежную компенсацию в размере причиненного вреда¹⁹.

Интересный подход к оценке идей справедливости, правды, содержащихся в синайском законодательстве, обнаруживается у И.Ш. Шифмана, хотя он и расходится с иудейским и христианским религиозным мировоззрением. По его мнению, действительно «в основе ветхозаветных законов лежит представление о правде-справедливости», но она в ту эпоху мыслилась «мифологическим существом, порождаемым космическим первоэлементом и олицетворяющим вселенский миропорядок и всеобщую гармонию», «она определяет и направляет действия Яхве, но она же должна быть основой и существования власти (прежде всего царской

власти) и суда»²⁰. Потому «Пятикнижие буквально переполнено увещаниями вершить правду и справедливость», потому «любое нарушение правды, т.е. отступление от мирового порядка, могло иметь, как полагали, далеко идущие катастрофические последствия для всего мироздания», потому юридическим последствием отступление от справедливости стала «беспощадная суровость наказаний: как правило, это смерть, т.е. удаление преступника из мира живых в потусторонний мир»²¹. На наш взгляд, данное суждение несколько грешит избыточной сакрализацией справедливости-правды, характерной, например, для древнеегипетской мифологии, но не усматривающейся, во всяком случае так очевидно, в древних книгах Ветхого Завета.

б. Гуманизм. Ученые-богословы и правоведы Нового и Новейшего времени крайне противоречиво оценивают синайское уголовное законодательство с точки зрения его соответствия гуманистическим идеалам. Так, например, кандидат богословия П. Аксенов в начале XX века подчеркивал «гуманность Моисеева законодательства», его «естественно-психологический, человечнейший характер», «возвышенность, человечность синайского закона»²². Тогда как кандидат юридических наук Н.С. Федосова в конце XX века, напротив, утверждала, что эти нормы «в большинстве своем кровавы и аморальны, противоречат самой главной идее христианства – любви к ближнему и человеколюбию»²³.

В свете обозначенных разногласий в оценке синайского уголовного законодательства и характерной для него системы наказаний²⁴ с точки зрения идей гуманизма представляется уместным привести здесь соответствующие рассуждения английского экзегета Дж. Дрейна: «Людям, привыкшим к ценностям западной демократии, законы еврейской Библии, изложенные в книгах Исход, Левит и Числа, кажутся суровыми и не слишком разумными. Но, как ни странно, народ Израиля воспринимал эти предписания совершенно иначе: он знал, что Бог требует почитания и соблюдения положе-

²⁰ Шифман И.Ш. Указ. соч. С. 130.

²¹ Там же. С. 130–131.

²² Аксенов П. Указ. соч. С. 7.

²³ Федосова Н.С. Уголовное право и религия: Проблемы взаимодействия и взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 14–15.

²⁴ См. подробнее: Беспалько В.Г. Сущность и система наказаний в синайском уголовном законодательстве (по материалам книги Исход) // Публичное и частное право. 2012. № 1 (XIII). С. 56–67.

¹⁷ Лопухин А.П. Указ. соч. С. 279–280.

¹⁸ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета С. 474.

¹⁹ См.: Рабби Аарон Пэрри. Еврейские писания. М.: АСТ, 2009. С. 108.

ний Закона, но не считал эти заповеди столь уж тяжким бременем. Напротив, люди исполняли их с величайшей радостью, поскольку помнили, что предшествовало огню и дыму на горе Синай, и видели в Законе Божьем выражение Божьей любви. Соблюдение заповедей и ритуалов служило свободным волеизъявлением любви и благодарности народа, получившего неожиданные и ничем не заслуженные милости»²⁵.

Немецкий ученый О. Кайзер, в свою очередь, указывает, что «требуемое от Израиля послушание закону является не причиной, но оправданием его существования в качестве народа Божьего и ответом на любовь, которой его прежде возлюбил Бог. Оно также не является причиной спасения, но побуждает Бога к тому, чтобы спасти Израиль в своем милосердии»²⁶.

В развитие такого понимания гуманистических начал синайского законодательства христианское богословие учит, что оно всецело пронизано любовью Божией к человеку и постановлено Господом как Законодателем из этой великой любви к человеку как твари Божией для приготовления его к будущему спасению от гибели во грехе.

Кроме того, по нашему мнению, при оценке гуманности или негуманности синайского уголовного права нужно помнить, что гуманистические идеалы, выступающие критерием такой оценки, не являются категорией постоянной, раз и навсегда данной. Их содержание в ветхозаветные и новозаветные времена существенно отличается, равно как и представления о гуманизме, имевшие место, например, в период глубокого Средневековья и в Новейшее время с характерным для него господством системы либеральных ценностей.

Близкая к подобного рода суждениям аргументация наличия жестоких запретов в ветхозаветном уголовном праве обнаруживается в размышлениях А. Томсона, который уверен в том, что «жестокость в Ветхом Завете имеет прежде всего человеческое, а не божественное происхождение», что «ветхозаветный Бог был жестоким только потому, что имел дело с жестокими людьми»²⁷. Как пишет автор, «во всем Древнем мире наказания были достаточно су-

ровыми, причем все народы считали, что их одобряют боги», а поскольку ветхозаветные люди были склонны к насилию, Бог должен был с этим считаться и говорить с ними на языке насилия. Ветхий Завет одобряет обычаи, которые кажутся нам просто варварскими, однако мы можем увидеть, как Бог использует эти обычаи ради того, чтобы человек восходил к высшему»²⁸. Поэтому в целом на общем историческом и «культурном фоне народов, окружавших Израиль, законы, переданные народу Божьему, отличаются великой человечностью. Бог принял этот народ с его жестокими обычаями, перенятыми от окружающих, и начал приближать его к себе»²⁹. То есть синайское уголовное право отражает преступные нравы людей, а не характер Бога, постановившего строгий закон.

Равно как и современный законодатель не стал бы запрещать многие деяния, если бы они не стали распространенными в обществе и не представляли в силу своей распространенности серьезной угрозы для общественной безопасности. Между тем, сама по себе излишняя суровость законодательства, на наш взгляд, не столько противостоит, сколько потворствует росту преступности, легализуя жестокость. Как писал еще в XVIII веке известный своими антиклерикальными настроениями мыслитель Вольтер, «евреи оправдывали свои первые преступления, ссылаясь на жестокие законы своего Моисея»³⁰.

Как бы то ни было, в любом случае можно уверенно говорить, что несмотря на всю суровость постановленного на Синае уголовного законодательства, оно не лишено гуманистических начал, чем в известной мере прообразует принцип гуманизма, присущий современному уголовному праву. Во-первых, как и любой современный уголовный закон, синайский кодекс также защищает человека, личность от преступных посягательств, запрещая причинять вред его жизни, здоровью и другим личным благам. Во-вторых, в нормах данного закона наблюдаются некоторые проявления гуманизации наказаний, к которым современный российский правовед С. Шаляпин относит: 1) учреждение института городов-убежищ, в которых преступник мог укрыться от преследова-

²⁵ Дрейн Дж. Указ. соч. С. 15–16.

²⁶ Цит. по: Введение в Ветхий Завет / под ред. Э. Ценгера (Серия «Современная библеистика»). М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2008. С. 96.

²⁷ Томпсон А. Указ. соч. С. 169, 171.

²⁸ Томпсон А. Указ. соч. С. 107, 169.

²⁹ Там же. С. 41.

³⁰ Вольтер. Из «Философского словаря»; Бог и люди; Вопросы о чудесах / пер. с фр.; вступ. ст. С. Артамонова; примеч. А. Коробочко. М.: Мир книги: Литература, 2010. С. 247.

ния, но оказывался при этом в изоляции от общества (по сути, в ссылке); 2) ограничение количества ударов при телесных наказаниях; 3) право выкупа и т.п.³¹

В завершение анализа принципов синайской редакции Моисеева уголовного права хотелось бы отметить, что христианская правовая концепция исходит из того, что на земле не существует другого такого древнего памятника права, как Декалог и основанный на нем синайский кодекс, которые не только не остались в далеком прошлом, но и спустя тысячелетия

в неизменном виде продолжают эффективно регулировать поведение людей как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Таким образом, «пределы духовного действия Законодательства Моисея не имеют ограничений по времени, месту и кругу лиц; через духовную сферу оно влияет и на содержание современного законодательства»³². Отсюда очевидная преемственность принципов современного уголовного права древним отправным религиозно-правовым идеям, на которых построено синайское уголовное законодательство.

³¹ См.: Шаляпин С.О. Уголовная и религиозная санкции: взаимовлияние, история и перспективы // Религия и право. 2005. № 2 (38).

³² Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М. : Норма, 2009. С. 95.

СТАНОВЛЕНИЕ ОРДЕНСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТРУКТУРЫ ДУХОВНО-РЫЦАРСКИХ ОРДЕНОВ

ЗАБЗАЛЮК Дмитрий Евгеньевич

***Аннотация:** данная статья посвящена исследованию организационно-правовой структуры духовно-рыцарских орденов на примере ордена госпитальеров и ордена тамплиеров. В статье дана характеристика организационной структуры вышеуказанных монашеско-рыцарских братств, правовых основ деятельности орденов в форме уставов, статутов, канонических и церковных норм, а также делается попытка формулирования основных постулатов орденского права.*

***Annotation:** the given article is dedicated to the study of the organizational and legal structure of the spiritual and chivalry orders on the example of the Hospitaller Order and the Templar Order. The characteristic of the organizational structure of the mentioned monastic and chivalry brotherhoods, legal framework of the Orders activities in the form of Statutes, canonic and church norms has been given in the article. An attempt to formulate the main postulates of Order Law has been made.*

***Ключевые слова:** католическая церковь, крестоносное движение, духовно-рыцарский орден, орден госпитальеров, орден тамплиеров, каноническое право.*

***Key words:** catholic church, crusade movement, spiritual and chivalry order, hospitaller order, templar order, canonic law.*

Постановка проблемы. К середине XI века католическая церковь постепенно превращается в мощную организацию, которая, опираясь на огромные земельные и денежные ресурсы, пытается утвердиться во главе всего феодального общества. Будучи главным творцом идеологической и государственно-правовой доктрины, Церковь начинает осознавать необходимость политического единства и объединения средневекового феодального мира, внедряя свой план по созданию теократического феодального государства во главе с папой.

Именно поэтому Церковь всеми возможными силами и способами приспособляется к эволюции общества и обеспечивает его необходимыми духовными лозунгами. Адекватно оценивая ситуацию, которая сложилась в Европе в конце XI века, и опираясь на свой колоссальный авторитет, папство намеревается организовать и возглавить движение европейцев на Восток с целью освобождения от мусульман главной христианской святыни – города Иерусалима. Следует отметить, что эта идея нашла свою реализацию в эпоху Крестовых походов, которые продолжались почти двести лет.

В эпоху Крестовых походов Церковь вырабатывает новую форму организации, которая должна была обеспечить успех крестоносного движения и утвердить личный авторитет и господство в Новом мире – духовно-рыцарские

ордена, наиболее известными из которых и ключевыми, с точки зрения их правотворческой деятельности, были орден госпитальеров и орден тамплиеров и немного спустя – Тевтонский орден.

Состояние исследования проблемы. Первые попытки научного освещения крестоносного движения XI–XIII веков и участия в нем духовно-рыцарских орденов затрагивали в своих трудах известные зарубежные исследователи XIX – начала XX века, такие как Д. Аддисон, А. Винтерфельд, Ж. Делавиль, В. Карьер, Х. Корзон, Ж. Лизеран, Э.-Ж. Леонард, С. Лерой, Ж. Мишле, А. Петел, М. Портер, Э. Теннисон, Р. Финке и др.

Новая волна интереса к указанным проблемам пришла на середину XX века, что выразилось в трудах Дж. Вильямса, Дж. Гилкриста, Р. Гроссета, Ч. Дарраса, Л. Далиеза, П. Дешампса, А. Дуггана, Э. Жерара, П. Кузина, Э. Ламберта, А. Латтрелла, Р. Мак Махона, С. Моррисона, А. Оливера, Р. Оурсела, Р. Перну, Ж. Пике, Э. Хуме и др.

Современная историография проблемы представлена в основном западными учеными, такими как: М. Барбер, Ж. Бордонов, М. Бейджент, П. Виймар, А. Демурже, Ф. Кардини, Т. Кэйтли, Б. Куглер, Э. Лавис, Д. Ле Блебек, Ж. Ле Гофф, Д. Легман, Р. Лей, Г. Линкольн, Р. Ли, М. Лобе, М. Мельвиль, Р. Мишо, И. Отт, Л. Райли-Смит, Дж. Райли-Смит, А. Рамбо,

Ж. Ришар, Д. Робинсон, Ж. Руа, К. Хилленбрандт и др.

Советская историография не очень увлеклась изучением данной проблемы, так как сама идея Крестовых походов и участие в них духовно-рыцарских орденов в основном воспринималась как акт бессмысленной агрессии и насильственного завоевания территории Ближнего Востока, не говоря уже про такой термин, как «орденское право». Можно выделить разве что исследования российских историков и правоведов, в частности, Д. Александрова, А. Андреева, А. Доманина, Э. Жаринова, С. Жаркова, М. Заборова, Л. Карсавина, П. Корявцева, В. Матузовой, А. Назаренка, В. Пашуто, Р. Печниковой, Ф. Успенского, М. Шеймана и др.

На Украине существует значительная брешь в исследовании как проблематики крестоносного движения, так и участия в нем духовно-рыцарских орденов. Что касается исследований в области орденского права, то оно в отечественных научных трудах практически вообще не представлено. Но все же следует отметить, что частично данную тематику в своих научных изысканиях затрагивали О. Головки, В. Идзьо, Т. Каляндрук, М. Котляр, Н. Крестовская, Р. Лукинова, О. Масан, В. Мудревич, А. Федорук, Ю. Ячейкин и др.

Основные положения статьи. Главной силой армии крестоносцев было рыцарство, расцвет которого приходится на XI–XIII века, то есть на период Крестовых походов. По нашему мнению, именно рыцарство должно было, по замыслу папы римского, стать той главной основополагающей силой, которая должна была сыграть решающую роль в реализации идеи крестоносного движения на Восток, а в случае необходимости стать на защиту и самой Церкви.

Конечно, кроме освобождения Иерусалима, рыцарей вела вперед еще и погоня за землями, богатством, а иногда и банальная жажда наживы. Хотя все же не следует забывать, что «господствующим в Средние века было религиозное настроение»¹, а большинство крестоносцев, которые были глубоко верующими людьми, желали искупить свои грехи тяжелым и опасным походом.

Наконец, надо констатировать тот факт, что «во время крестовых походов западное

рыцарство объединилось... Начали вырабатываться правила общественного поведения... Идеалы рыцарства широко распространились по всей Западной Европе, стали служить предметом наследования для всех западноевропейских народностей, и, таким образом, объединили все рыцарство в одну общую семью, с одинаковыми понятиями и стремлениями»².

Для того чтобы утвердить внешнее и внутреннее политическое положение государств крестоносцев, были созданы особенные военно-монашеские организации – ордены тамплиеров и госпитальеров³.

Главными задачами обоих духовно-рыцарских орденов являлись, во-первых, защита паломников на пути в Иерусалим и в самых святых местах, а, во-вторых, борьба против мусульман.

И все-таки существовала одна важная проблема, которая заключалась в том, что «каноническое право, как и общественное мнение, запрещали монахам проливать кровь и рассматривали акт смерти, даже в бою, как убийство»⁴. Но Крестовые походы были объявлены католической церковью «священной войной» против неверных, и именно поэтому папа римский «оправдывал» убийства мусульман.

Если вести разговор про качественный состав орденов госпитальеров и тамплиеров, то необходимо констатировать тот факт, что членами этих братств были, в большинстве, богатые и знатные феодалы, а также глубоко верующие люди, которые жертвовали всеми мирскими благами ради защиты паломников, христиан, Церкви. На фоне большинства представителей рыцарства, которые участвовали в Крестовых походах, ордены госпитальеров и тамплиеров, по нашему мнению, были воплощением всех рыцарских идеалов.

Значительная часть паломников в Святую землю, как из числа простого люда, так и среди феодалов, гибла от нападений мусульман, голода, отсутствия питьевой воды, многочисленных болезней. Именно тогда на пути в Святые места и в самом Иерусалиме, а также практически по всей Европе, одновременно с увеличением роста числа паломников, возникает целая сеть так называемых «госпиталей» (от лат.

² Рыцарские ордена: с крестом и мечом. М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. 384 с. С. 90

³ Заборов М.А. Папство и Крестовые походы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 262 с. С. 118.

⁴ Мельвиль М. История ордена тамплиеров / пер. с фр. Г.Ф. Цыбулько; науч. ред. М.Ю. Медведев. СПб.: Евразия, 2000. 416 с. С. 57.

¹ Петровъ М.Н. Лекції по всемірній історії. Т. II: Історія Середніх віків. Ч. II. СПб., 1908. 148 с. С. 2.

«hospitalis» – гостеприимный), где паломники могли бы отдохнуть и получить первую помощь.

Постепенно госпиталь св. Иоанна в Иерусалиме расширился. Исцеленные братьями милосердия знатные рыцари жертвовали ордену земли и поместья, как в Палестине, так и в Европе, а зачастую и сами становились членами братства. Так рождались будущие командорства и большие приорства ордена... В начале XII века госпиталь св. Иоанна – это уже прославленный по всему Восточному Средиземноморью мощный центр, который способен принимать до двух тысяч путешественников и больных⁵.

Впрочем, постепенно к чисто благотворительным целям госпиталя, а именно: обеспечению пилигримов крышей над головой и питанием, заботе про освобожденных из мусульманского плена, уходу за больными, погребению умерших – добавляются и другие функции, в частности, защита «благочестивых путешественников» от многих опасностей, которые сопровождали их в Палестине⁶.

Следует отметить, что за двадцать лет госпиталь св. Иоанна в Иерусалиме перерос из монашеской благотворительной организации в мощное и хорошо организованное военизированное формирование.

Высшие церковные иерархи давали орденам значительные привилегии, выводя их из подчинения местной светской и духовной власти, право собирать церковную десятину в свою пользу. Священники духовно-рыцарских братств были подотчетны только капитулу ордена и Великому магистру. Так, например, «в 1143 г. папа Иннокентий II выдал специальную буллу, по которой Орден иоаннитов (орден госпитальеров. – *авт.*) не подчинялся ни духовной, ни светской власти – а только непосредственно римскому папе»⁷. Аналогичные привилегии были отданы и ордену тамплиеров. Благодаря булле 1139 года папы Иннокентия «Omne Datum Optimum» («Всякий дар совершенен» – лат.), орден де-юре выходил из-под юрисдикции епископальной власти, тем самым становился фактически автономной организацией.

И это было не случайно. С самого начала главный понтифик и его окружение понимали, насколько мощное орудие власти оказалось в их руках. Ордены постепенно превращались, по сути, в церковную полицию в форме регулярных военизированных формирований, первую профессиональную армию, которая была готова без лишних колебаний выступить на защиту Церкви.

Таким образом, духовно-рыцарские ордена стали важным элементом государственной доктрины католической церкви, которая намеревалась объединить весь христианский мир под своим началом.

Хотелось бы остановиться на отдельных положениях, что были заложены в уставах и многочисленных иерархических статутах и которые можно трактовать, как формирование специфического орденского права, поскольку данные нормативные документы являли собой синтез канонического и церковного права, а также основных положений уставов монашеских орденов с неимоверно строгими правилами поведения.

Духовно-рыцарские ордена имели четкую иерархическую структуру: члены ордена, как правило, делились на три группы – братьев-воинов, капелланов (священников), братьев-служителей. Во главе ордена стоял Великий магистр (гроссмейстер), который избирался пожизненно и утверждался папой, владевшим верховной властью над орденами. В подчинении Великого магистра (гроссмейстера) находились определенные должностные особы: начальник провинции (приор), маршал, командоры, коннетабли и т.п. Периодически созывался генеральный капитул (собрание должностных лиц ордена), который имел законодательную власть⁸.

Так, к примеру, в ордене госпитальеров Великий магистр совместно с восемью столбами – начальниками Наций (Прованса, Оверны, Франции, Арагона, Кастилии, Италии, Англии и Германии) – управлял генеральным капитулом ордена.

Начальники Наций, в сущности, исполняли функции руководителей министерств, которые в рамках своих полномочий решали четко определенные Уставом и статутами задачи, связанные непосредственно с организацией и управлением военных подразделений ордена, которые уже тогда были прообразом профес-

⁵ Печникова Р.Ю. Мальтийский орден в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1990. 172 с. С. 11.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А. История Мальтийского ордена XI–XX веков. М.: SPSL: Русская панорама, 1999. 464 с. С. 39.

⁸ Рыцарские ордена: с крестом и мечом. С. 27

сиональной армии; контролем над финансовой сферой и торговыми операциями; внешними отношениями с другими орденами и государствами; нормотворческим процессом; осуществлением судебной деятельности и т.д.

Подобное конституционно закрепленное распределение высших постов между разными нациями позволяло достичь умелой и действенной концентрации сил при одновременном учете национальных особенностей, что не в последнюю очередь способствовало усилению ордена⁹.

Со временем, в процессе развития и трансформации ордена, по сути, в первом в мире орденском государстве, Постоянный совет ордена начал состоять из четырех разных советов. Так, например, «Ординарный совет, куда входил Великий магистр, его лейтенант, мальтийский епископ, настоятель церкви святого Иоанна, восемь ковенгуальных бальи и их лейтенанты, провинциальные приоры и капитулярные бальи, орденский казначей, его лейтенант и сенешаль Великого магистра, утверждал прием в кавалеры, распределял раздачу командорств и пенсионов, а также решал другие важные вопросы. В Полный совет поступали на рассмотрение дела, которые решались на Ординарном и Уголовном совете. В Тайном совете рассматривались дела политические, которые требовали быстрого решения. В Уголовном совете рассматривались дела про преступления кавалеров и других чинов ордена»¹⁰.

Следует отметить, что особенное привилегированное положение орден госпитальеров, правопреемником которого стал Мальтийский орден, сохранил до сегодняшнего дня, в соответствии с которым он является полноценным членом международно-правового сообщества.

Что касается ордена тамплиеров, то его Устав был утвержден на соборе в Труа в 1128 году. Принятие данного Устава сопровождалось многочисленными дискуссиями, которые велись в среде папского окружения. И в этом нет ничего удивительного, ведь само словосочетание «духовно-рыцарский орден», да еще в контексте исполнения монашеских функций, вызывало неоднозначные мысли. С одной стороны, Церковь всегда выступала против применения силы и насилия, что являлось главными постулатами канонического права. С другой

стороны, крестоносное движение, которое завладело Европой в конце XI – начале XII века, предусматривало борьбу с оружием в руках. И данное противоречие могло не только существенно подорвать авторитет Церкви, но и поставить под удар саму идею Крестовых походов в Святую землю.

Устав предусматривал четкую и тщательную административную иерархию и строго определенный свод законов: от экипировки и использования ценностей, отданных в распоряжение тамплиеров, до их поведения на поле боя¹¹.

Данный документ имел колоссальное значение с точки зрения его инновационного содержания (что не было характерным для уставов других орденов и церковных институций), поскольку он давал Великому магистру ордена право изменять некоторые правила в силу тех или иных обстоятельств, что делало его достаточно революционным для той эпохи и повлияло на развитие церковного и канонического права. Более того, положения Устава дают основания говорить о появлении специфического и уникального в своем роде орденского права.

Это был так называемый Латинский устав ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона (ордена тамплиеров. – *авт.*), который состоял из 72 статей, со временем несколько видоизменился и в конечном счете был существенно дополнен и известен, как текст Французского устава ордена. Он состоял из семи разделов и совершенствовался на протяжении 170 лет. Текст Французского устава ордена ярко иллюстрирует, как тамплиеры приспосабливались к политическим изменениям и формировали свой собственный нормативно-правовой кодекс. И это все при том, что «никто даже представить не мог, что монахи станут делить свое время между молитвой и исполнением полицейских функций, между церковной службой и войной...»¹².

Главными должностными лицами ордена тамплиеров были Великий магистр – глава ордена, власть которого ограничивалась и контролировалась генеральным капитулом; братья-капелланы ордена, которые отвечали за проведение служб, исповедей и т.д.; сенешаль, который заведовал снабжением и бытом Дома;

⁹ Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ordena/Malteser/Ulozenie/text.phtml>

¹¹ Бейджент М., Ли Р., Линкольн Г. Святая Кровь и Святой Грааль. М.: Эксмо, 2006. 496 с. С. 65.

¹² Бордонов Ж. Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке / пер. с фр., предисл. и науч. ред. В.Д. Балакина. М.: Молодая гвардия, 2004. 243 с. С. 33.

маршал конвента Храма, который отвечал за военную подготовку и дисциплину в монастыре. Конвент состоял из братьев, которые составляли военную силу ордена, то есть братьев-рыцарей и сержантов. Кроме того, были командоры трех провинций Востока – Иерусалима, Триполи и Антиохи, которые были подчинены Великому магистру ордена и генеральному капитулу; хранитель одежд, который занимался экипировкой братьев-рыцарей. За командорами провинций шли шателены (управляющие замками), командоры Домов, командоры рыцарей; братья-рыцари, братья-сержанты (пехотинцы и легкая кавалерия, которая набиралась из представителей низшего, чем рыцари, социального класса) и братья-казальеры (отвечающие за сохранение казалий – ферм ордена), которые подчинялись маршалу своего монастыря; туркопольеры – командиры туркополов – наемников из местных жителей; подмаршалы – ответственные за мелкий инвентарь и его погрузку, доставку и ремонт; оруженосцы, знаменосцы, инфирмарий – управляющий лазаретом.

Что касается капитулов ордена Храма, то они были двух видов: простой и генеральный. «Простой капитул, подобно суда чести, собирался раз в неделю везде, где бы не находилось четверо и более братьев, чтобы решать текущие вопросы управления командорствами. На генеральном капитуле обсуждали администрацию ордена, назначения должностных лиц. Генеральный капитул одобрял решения, принятые советом магистра, своего рода тайным советом, где заседали большие бальи и избранные рыцари, которые принимали решения, что касались внешней политики Дома. Также, хотя бы раз в год, проводились генеральные капитулы провинций»¹³.

До конца XII века духовно-рыцарские ордена превратились в мощную военно-политическую и экономическую силу на Востоке

и на Западе. Так, например, благодаря деятельности ордена тамплиеров в Европе сформировалась мощная банковская и финансово-кредитная система. «Сами римские папы с удовольствием пользовались финансовыми услугами "бедных рыцарей": им, как банкирам, доверяли сохранять и выплачивать деньги, собранные папскими агентами на потребности крестовых походов, давать в долг сеньорам, которые отправлялись на Восток и т.п.»¹⁴.

Используя опыт мусульманских стран во время пребывания в Святой земле, тамплиеры внедряли новые технологии в сельском хозяйстве, медицине, архитектуре, топографии, мореплавании и судостроительстве. Благодаря стараниям ордена «античная мудрость, которую сохраняли арабские ученые, наконец-то дошла до христианского мира»¹⁵.

На примере орденов госпитальеров и тамплиеров, руководствуясь их уставами и статутами, были созданы еще несколько духовно-рыцарских орденов. Так, «в Испании возникают духовно-рыцарские ордена для борьбы с арабами, на Балтийском море утверждается Тевтонский орден, который имел мощное церковное влияние на земли славян и литовцев Прибалтики»¹⁶.

Конечно же, духовно-рыцарские ордена сыграли одну из ключевых ролей в крестовом движении XI–XIII веков, а их значительное влияние на политическую и социально-экономическую жизнь средневековой Европы не подлежит сомнению. Эти уникальные по своей сути организации стали оплотом христианства в Святой земле, а со временем и во всей Европе, активно влияя на церковные и канонические нормы путем их имплементации и реформирования на основе внедрения собственных правовых норм. Такое влияние дает основания говорить о формировании уникального по своей сути орденского права.

¹⁴ Заборов М.А. Указ. соч. С. 122.

¹⁵ Норман Дейвис. Европа. История / пер. с англ. П. Тарещук. Київ : Вид-во Соломії Павличко „Основи”, 2008. 1463 с. С. 364.

¹⁶ Религия и общество : хрестоматия по социологии религии / под общ. ред. В.И. Гараджи. М. : Наука, 1994. Ч. 1. 300 с. С. 233.

¹³ Мельвиль М. Указ. соч. С. 106.

ПРИРОДОАНТРОПОСОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ: ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

КОМЛЕВА Елена Владимировна

Аннотация: в социокультурном пространстве выполнен поиск методологического аналога для рефлексии феномена ядерной энергии с позиций представлений о человеке и обществе. Полезным признано обращение к антропосоциальному компоненту православия. Очерчено представление о вселенском и цивилизационном родстве феноменов. Сформулированы основные вопросы применительно к их сопряжению, намечены варианты ответов. Приведены конкретные примеры, при анализе которых предлагаемый методологический перенос мог бы быть реализован.

Annotation: within the socio-cultural space there has been searched for an analogous methodology to reflect on the phenomenon of nuclear energy from the perspective of concepts of man and society. It has been proven as beneficial to refer to the anthropo-social component of Orthodoxy. There has been outlined the idea on the universal and civilizational relationship of these phenomena. The main questions concerning their connection have been formulated as well as some ways to answer them. There are given some examples of the suggested methodological transfer.

Ключевые слова: православие, ядерная энергия, толкование, методология, подземное международное ядерное хранилище.

Key words: Orthodoxy, nuclear energy, interpretation, methodology, international underground nuclear waste storage facility.

Падучая звезда, тем паче – астероид
на резкость без труда твой праздный взгляд настроит.
И. Бродский

Предисловие

Нельзя сказать, что гуманитарные науки: философия, теология, литература и искусство XX–XXI веков оставили амбивалентный феномен ядерной энергии (основные понятия: URL: http://narfu.ru/aan/archive/AaN_2012_5.pdf), как важную часть бытия, без внимания (см., например, три мои статьи по адресу: URL: <http://e-conf.nkras.ru/konferencii/econf/filos.html>), тем более, в условиях глобализации и информатизации. Но этого внимания явно мало. И, пожалуй, недостает примеров, индивидуальных и коллективных, «высшей пробы» по таланту «исполнителей». Нет достойной методологической базы для полноты смотрения, толкования и формирования антропосоциоядерных смыслов.

Такая база (в том числе научная) может быть создана через фундаментальные аналогии, которые необходимо выбрать. При этом, например, в высокоуровневой системе «человек и его научно-технические творения» необходим уже более внимательный взгляд на самого человека, особенно при использовании ядер-

ной энергии, чтобы смягчать последствия абсолютно «внутренне присущей» потенциальной опасности и неизбежных повторений аварий (URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4376>). Полезно социокультурное соосмысление феноменов ядерной энергии и религии, прежде всего – подход от постулатов и богословских достижений христианства и православия. Обозначим лишь предпосылки и контуры такого подхода, не забывая и, конечно, что взаимодействие рационального и иррационального в жизни, несомненно, более представительно. Мы не будем затрагивать вопросы веры в Бога, аналогично, в какой-то мере, учебным курсам «Основы православной культуры». Это личное дело каждого. Кстати, и ученые не лишены своей веры: не все научные знания им известны из собственного опыта, многое в науке принимается на веру, многое долго является спорным. Например, журнал «Атомная стратегия» (октябрь 2012 г.) тему долгожданной реализации ядерного синтеза в промышленных масштабах образно вводит с помощью религиозного термина («Вопрос веры») и традиции священных книг.

Мы не будем представляться сторонниками исключительно обрядово-потребительской, начетнической, ханжеской, напыщенно-демонстрационной, поверхностной религиозности, как признак деградации, захлестнувшей Россию. Мы не будем призывать к молитвам «за» или «против» в контексте проблемного поля ядерной энергии (общаться с Богом – это еще надо уметь, что далеко не каждому дано). Справедливо сказано (Лук., 18, 8): «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?». Будем все же направляемы этим аналогом, но лишь глубинной спецификой методологии православия и, в контексте сопряжения феноменов, основными вопросами «зачем?», «почему?» и «как?». Плодотворно побуждающая к добру методология православия – факт.

Особое значение предлагаемый подход имеет для российского Севера и Сибири. Известно, что именно в Сибири расположены уникальные российские (и крупнейшие мировые) ядерные предприятия военно-промышленного комплекса: Сибирский химический комбинат (рядом с Томском) и Красноярский горно-химический комбинат. Именно этим комбинатам мир обязан тем, что не было Третьей мировой войны – ядерной. Эти комбинаты (да еще ПО «Маяк» на Урале) материально обеспечили ядерное сдерживание (свод международных норм и правил реальной непростой жизни), пользу которого в тех конкретных исторических условиях теперь оспаривают лишь политиканствующие краснобаи, но не серьезные историки. В одном из первых документов, подписанных И. Сталиным в рамках развертывания Атомного проекта СССР, в Томске, на базе Томского политехнического института, было предписано готовить кадры для ядерной отрасли всей страны. Учитывая позитивный экономический потенциал ядерных невоенных технологий, ныне ядерное сдерживание/спасение применительно к широкому спектру вызовов приобретает расширенное толкование.

Но Север и Сибирь и пострадали немало в «первый ядерный век». Тобол, Иртыш, Обь, Енисей – все эти реки получили отпечаток ядерной индустрии. Для изучения и этих последствий (в перспективе, в кооперации с ядерными научно-производственными центрами, расположенными в верховьях гидросети) создано структурное подразделение РАН в Тобольске. Норильск и нефтегаз шельфа Карского моря (и восточнее) не могут работать без атомных ледоколов. Безопасность страны не

мыслится без ядерной инфраструктуры Севера. Подземные ядерные взрывы производили в некоторых северных районах. Есть еще много подобных фактов. Это все история. А как дальше быть с наличием и дальнейшим развитием ядерной индустрии и военных объектов Сибири и Севера? Раньше никто никого об этом не спрашивал. Строили – и все. Так надо было. Теперь, в новых условиях и с учетом прожитого, возможно и нужно принимать решения (и при необходимости оформлять их юридически) иначе. И еще: давным-давно судьба показала Сибирь Ф. Достоевскому, без обращения к которому антропосоциальную ядерную тематику не осилить.

Вселенское и цивилизационное родство

У ядерного и религиозного феноменов много общего в базисе и пограничных темах. Ядерной энергии (равно как космологическим и геологическим процессам) присущи элементы вечности по сравнению с жизнью человечества, а также прямой «вклад» в реальность его существования. Что в сфере социальных явлений имеет хоть как-то схожие параметры времени и значимость для осмысления генезиса человека и проявления людей как цивилизации? Конечно же, прежде всего, религия, а также ее мировоззренческая составляющая. Христианство и православие ориентируют человека и общество на вечность, рассматривают ключевые земные проблемы в таком ракурсе, с позиций динамичной вечности, немаловажным элементом которой представляется процесс спасения/исцеления/очищения/совершенствования человека «как бы из огня». Они дают идеалы и нормы, иногда парадоксальные, земной (внешней и внутренней) жизни людей – добра и зла, чтобы иметь достойную перспективу будущего для популяции. Вне концепции *вечно* человека и *вечно* человечества социально-экономические проблемы современности и будущего неразрешимы. Большинство же людей стремятся лишь обеспечить «здесь и сейчас» достаток себе и близким. «После нас – хоть потоп» – это за рамками православия.

Человек принадлежит двум мирам – материальному и духовному. С одной стороны, мы – дети энергии и вещества звезд. Мы состоим из молекул, атомов и атомных ядер, то есть ядерная энергия не только вне, но и внутри нас. В прямом и переносном смысле. С другой, – «Бог – Отче наш». Уже начало материального

мира и биологической жизни, как известно, трактуют именно эти две концепции. Недавно найденный (величайшее научное открытие последних пятидесяти лет) бозон Хиггса самими физиками назван «частицей Бога». От них же и «Троица» – название первого в мире испытания технологии ядерного оружия.

Страны христианской культуры первыми освоили ядерную энергию. Западные христианские философы и теологи первыми в ядерном мире обозначили проблемы нового уровня касательно сути и будущего, как христианства, так и человечества (включая исторические и правовые – особенно К. Ясперс) в целом¹. Причем при поиске источников информации по антропосоциоядерной тематике обращает на себя внимание одна особенность. В этических, политологических, исторических, теологических, экологических и публикациях других жанров выделить доминирующую национальность авторов сложно. При многоплановом же философском осмыслении ядерного феномена, на наш взгляд, более представлены исследователи немецкоязычного генезиса, напрямую или косвенно связанные с немецкой культурой. Это собственно философы К. Ясперс, М. Хайдеггер, Г. Пихт, Э. Фромм, В. Хесле, К.-О. Apel, G. Ropohl, D. Henrich, а также физики-философы А. Эйнштейн, М. Борн, В. Гейзенберг, К.Ф. Вайцеккер, Р. Оппенгеймер и др. Хотя некоторые из них, в силу известных событий 1930–1945 годов, инициировали и исследовали тематику за пределами Германии. Дополнительно к общеизвестным достоинствам немецкой философии ситуацию сформировали, видимо, также традиции ядерной физики (немецкие исследования в этой области в первой половине XX века являлись ориентиром для мировой науки) и трагический опыт нацизма в этой стране. Общеизвестно, что и другая близкая философская проблематика – философия техники – обязана своим появлением и развитием немецкой культуре. В некоторой степени, получается, что теперь слово за светскими и религиозными интеллектуалами стран восточно-христианской культуры, а также – культуры Востока в целом.

Зачем нужно?

Согласно христианству и православию мир устроен так, что есть рай и ад. Челове-

ство должно выбирать между ними. С полным осознанием и того, и другого. Ядерная энергия деяниями людей может на Земле обеспечить либо одно, либо другое. Познание ядерной энергии (в антропосоциальном контексте) и ее использование имеют обнадеживающий смысл только в единстве с глубоким пониманием (как основы действий в ядерной сфере и их правовой регламентации) сути человека и общества.

Православие приводит к мысли, что наше нынешнее (и атеистов, и верующих) так называемое нормальное состояние глубоко ненормально по существу. Потенциал человека велик, но нельзя, чтобы он «неочищенный» проявлял себя в полной силе. Богоподобная природа человека с огромным потенциалом глубоко повреждена. Как следствие, социальное, политическое и научно-техническое развитие человечества вопреки первоначальным благим, казалось бы, намерениям привело к возможности краха земной цивилизации. В глобальном плане необходимо очеловечить человечество, победить внутреннее зло в человеке, чтобы не случались все новые и «совершенные» «Содомы» и «Гоморры». Причем апологеты православия (например, профессор-богослов А. Осипов) доказывают это вполне светски, научно, логично, исторично, на фактах². Важно, что в контексте ядерной опасности о главенстве фактора зла в человеческих душах хотя бы иногда говорят и светские аналитики (URL: <http://nuclearno.ru/text.asp?16980>).

Добавим, что далеко не все ладно с чистотой души и действиями и у российских профессионалов и менеджеров ядерного дела. А также укажем на немалое количество прямых и тяжких нарушений ими морально-нравственных норм и государственного законодательства (см., например, дискуссии и опросы на сайте агентства *ИПРОАтом*). Впрочем, о неадекватности людей и общества ядерной энергии говорили еще А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер, Ю. Харитон, А. Сахаров, С. Фейнберг и другие известные физики. А это – !?!? Социологи и психологи, изучите, пожалуйста, материалы этого и других атомных/ядерных сайтов, официальных и не очень, в сравнении!

Хотя у православия (тем более, у исторически конкретных православных церквей) пока нет озвученного и однозначного, на все случаи «ядерной» жизни мировоззренческого «рецеп-

¹ Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen : politisches Bewusstsein in unserer Zeit. Munchen, 1958. 506 s. ; Garrison J. The Darkness of God: Theology after Hiroshima. London : SCM Press, 1982. 238 p.

² Осипов А.И. Аудио-лекции. URL: http://www.aosipov.ru/audio/audio_obshchii_spisok_lectsij.html

та», они располагают общечеловеческим опытом, который формировался тысячи лет. Опыт этот и истина Откровения (если принять такое за факт) позволяют черпать из них многое вновь и вновь. И это хороший базис при грядущем соосмыслении, совместно атеистами и верующими, ядерного феномена и человечества. Непродуктивно упорствовать и блокировать продвижение, сосредоточившись исключительно на анализе истинности и правомочности религии. Целесообразно методологически учиться у мировоззрения, которое «во веки веков». Поэтому в предстоящем соработничестве предпочтительны каноны и апологеты религии. Хотя без внимания не должны быть оставлены и доводы критиков религии, особенно когда они мотивируют всестороннее обсуждение вопросов методологии.

Мы не призываем критиковать религию или примитивно подстраиваться под ее каноны. Мы ищем для духовно-гуманитарной рефлексии ядерного феномена достойные интеллектуальные ракурсы и ресурсы, основания, позиции, концепции, принципы, подходы, нормы. И тут богатейший опыт религии как особого рода мировоззрения и устойчивого социального явления никак нельзя не использовать. При тщательности и корректности обращения к этому феномену возможно без ущерба для религиозных канонических и без нареканий со стороны светских философов, гуманистов в целом по роду занятий и гуманистов по духу, потому что христианство, в изначальном смысле, если не считать его Откровением, – это тогда все равно некая чья-то гениальная «задумка», пример пути, который может обеспечить позитивное изменение гибнущего мира через изменение человека. И в этом, пожалуй, можно увидеть мощную рациональность, казалось бы, абсолютно иррационального явления. Иной возможный путь для ядерного человечества – емкий, лаконичный и убийственный образ предначертанной гибели цивилизации – связан с доминирующей ныне ментальностью людей (миниатюра А. Азимова «Они не прилетят»).

Богословам в духовно-гуманитарном осмыслении феномена ядерной энергии и формировании приемлемого социоядерного будущего, думается, должна быть отведена важная роль, особенно православным. База – оставшаяся, на фоне радикальных изменений (искажений первоначальной сути) других ветвей христианства, ориентация православия на внутренний мир человека, на его духовное са-

мосовершенствование. Лишь православие еще имеет шанс не увлечься исключительно омирщением и социализацией, не отойти от первоначальной и главной задачи христианства – видеть глубинный корень всех бед и радостей, потерь и благ, земного и вечного, индивидуального и общечеловеческого бытия. В итоге – сохранить стремление к полноте очищения души, внутреннего мира человека, к пониманию и искоренению причины, а не только проявлений зла, создать базу для норм земного бытия. Православие не может претендовать на абсолютно достоверное изложение истории. Но стоит понять его представления о том, как люди не должны жить.

Почему возможно?

Православие исторически является культурным фундаментом России. Оно естественным образом сопряжено со всеми гранями бытия страны. В частности, антикризисный потенциал наследия православия, русской интеллектуальной культуры и Ф. Достоевского рассматривают В. Океанский, Ж. Океанская и А. Серопян (Шуйский филиал ИВГУ).

Многие известные ученые (в том числе и физики) сочетали науку с верой в Бога. Есть примеры и того, что, даже дистанцируясь от религиозной веры, физики признают полезность (в естественно-научном контексте) обращения к религиозным догматам (например, URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4294> ; <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4418>).

Апологеты православия «идут в народ» научно-технической сферы. Ныне Русская православная церковь (РПЦ) активна не только в сфере традиционных печатных и электронных каналов информации, но и в Интернете.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II писал: «Без упования на Господа... невозможен подлинный успех в области ядерной энергии»³. Наука и религия методологически во многом не являются абсолютными антагонистами. В глобальной проблеме возможности познания мироздания (в познании микромира и мегамира особенно) их взгляды сходятся – адекватно познать нельзя. Наука и религия не только не антагонистичны, но и морально-нравственно начинают сближаться.

³ Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия II участникам слушаний «Ядерные вооружения и национальная безопасность России». URL: <http://pravsarov.nne.ru/content/publication/461/552/486/518.html>

Протоиерей Д. Кирьянов отмечает: «С момента возникновения во второй половине XX века междисциплинарной области исследований "наука и религия" сформировалось множество концептуальных подходов... соотношения науки и религии». Рассматривалась даже «программа "критического реализма" как моста между наукой и религией», а также – методологические параллели⁴. Достаточно известно к тому же, на большем уровне обобщения, что христианство, например, методологически взаимодействовало и взаимодействует с различными нехристианскими культурами.

Различные религии уже высказывались по поводу ядерного оружия⁵. Адекватная религиозная оценка «мирного атома», видимо, впереди. Обращение к достижениям мыслителей религиозной философии, практическому опыту церкви и религиозных средств массовой информации может дать многое. Русская православная церковь, например, считает, что «внедрение» незыблемых духовных ценностей в научно-техническое творчество далеко выходит за национально-государственные рамки, непосредственно относясь к поискам оснований для строительства общечеловеческой цивилизации в новом тысячелетии⁶.

Всемирный Русский народный собор (ВРНС) провел в Сарове слушания «Ядерные вооружения и национальная безопасность России» и «Проблемы взаимодействия Русской православной церкви и ведущих научных центров России». Митрополит (в то время) Кирилл на упомянутых слушаниях «Ядерные вооружения и ...» с предупреждением процитировал св. ап. Павла: «Ибо, когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес, 5, 3). Эта мысль в первоисточнике дается в контексте темы Мессии, спасения человека, Суда Божьего, эсхатологических представлений, постоянного духовно-нравственного бодрствования и работы для людей.

Знаковым событием в процессе сближения подходов естественных наук и религии к познанию мира явилось присвоение в 2010 году патриарху Кириллу степени почетного док-

тора НИЯУ МИФИ, а в 2012 году – МГУ. Во время работы XVI ВРНС (2012) вновь неоднократно вспоминали мысль: «Православию есть что сказать миру». В 2012 году в МИФИ (как и в Уральском горном университете) открыта кафедра теологии. Ее заведующим стал глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион (почетный профессор УрГГУ). А кафедре в Уральском горном университете возглавил митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл (см., например, поиск на сайте «Православие и мир» по признаку «МИФИ»). В январе 2013 года на физическом факультете МГУ состоялась конференция «Христианство и наука». В давние времена заложен православный фундамент в традиции технического образования России и Санкт-Петербургского горного университета (URL: <http://www.voskres.ru/oikumena/kozlov.htm>; <http://www.imcmontan.ru/team/publication/history.pdf>). Шахтеры Украины при формулировании принципов дальнейшего развития отрасли и в реальной практике (наука и бизнес) обращаются к религиозным ценностям в сочетании с учетом современных социально-экономических и технологических тенденций⁷ (URL: <http://forbes.ua/magazine/forbes/1332961-molitva-shahtera>).

На примере Сарова, его многогранного служения Отечеству, многими раскрывается суть органичного сближения РПЦ и Минатома, предопределенного уникальным значением Церкви и ядерной сферы в контексте защиты, спасения России – в прошлом, настоящем и будущем. С другой стороны, «Физики без священников – современные папуасы», – так резковато оценивает ситуацию относительно ядерного центра в Сарове православный журнал «Фома»⁸.

Профессор-богослов А. Осипов в 1991–1999 годах был сопредседателем резонансной ежегодной Международной конференции «Наука. Философия. Религия» в Объединенном институте ядерных исследований. Он более двадцати лет успешно читал лекции и дискутировал в аудитории физиков-ядерщиков, напоминая об ответственности ученых, в 2011 году получил в Дубне почетную награду ОИЯИ за

⁴ Кирьянов Д.В. Наука и религия: многообразие методологических подходов // Тр. Тобол. духов. семинарии. Вып. 2. Тобольск : Тобол. духов. семинария, 2011. С. 117–134.

⁵ Ethics and weapons of mass destruction: religious and secular perspectives / ed. by S.H. Hashmi, S.P. Lee. Cambridge, 2004. 533 p.

⁶ Доклад патриарха Алексия II на юбилейном Архиерейском соборе РПЦ, 2000.

⁷ Литвинский Г.Г. Священные заповеди горняка / Форум гірників – 2012 : матеріали міжнар. конф. Донецьк, 2012. Т. 1. С. 7–16.

⁸ Физики без священников – современные папуасы. Беседа с сотрудниками Российского федерального ядерного центра, г. Саров // Фома : православл. журн. для сомневающихся. 2003. № 2 (16) ; Новый Мир. 2004. № 2.

выдающиеся достижения в богословии и многолетнее сотрудничество с этим институтом. Он же при толковании догмата Святой Троицы как удачные аналогии неоднократно использует концепты «человек» и «атом»⁹.

Потенциальные методологические сопряжения

Назовем лишь некоторые ракурсы возможного, по нашему мнению, методологического сопряжения феноменов:

- космизм/вселенность;
- «Бог есть любовь»;
- «страх любви»: страх от любви к другому и за него;
- Троица;
- единение с человеком;
- всечеловечность («и иудей, и эллин...»);
- видение человеком и обществом собственных пороков и недостатков;
- спасение человечества от человечества;
- «дух творит себе форму»;
- «по делам и мыслям нашим...»;
- проблема войны и мира;
- вера в свое дело, идейная твердость, святоотеческие традиции;
- научно-техническое творчество без самовознесения, самообожения;
- правильная вера – правильная жизнь.

Мы не имеем достаточных знаний и других оснований для того, чтобы предлагать соотнесение православных канонов и внутренней научно-технической специфики ядерной сферы с коррекцией устоявшихся на сегодня форм/признаков этой специфики. Подобно тому соотнесению и коррекции, на которые, в определенной мере, решился В. Жиров в работе¹⁰ применительно к проблемам структурирования живой материи. Но соработничество, взаимодействие РПЦ и светского общества по «принципу дополнительности» в оценке, «названии имен» и реализации внешних, в антропосоциальном контексте, ядерных достижений, по нашему мнению, необходимо и полезно, как во благо стремление сотрудничать, терпеливое взаимодействие религии и науки с целью кропотливой, толерантной актуализации/идентификации социального статуса/зна-

чения научных результатов и рационального природопользования, а также экологическая роль современных монастырей¹¹.

Современность и прагматика «точек роста»

Современная ситуация, важной особенностью которой является необходимость объединения духовно-гуманитарных и научно-технических усилий для разработки технологий влияния на процессы формирования антропогенно радиоактивной среды обитания человека и управления ею, подсказывает и первоочередные практические задачи, мотивирующие реализацию предлагаемого подхода. Одна задача, например, связана с поиском нового облика ядерной энергетики (URL: <http://akademiagp.ru/v-volkovi-ostrecovvlast-i-nauka-tochki-opory/>).

Другая задача обусловлена прежним путем развития ядерной техносферы. С. Кириенко в июне 2011 года сообщил (Госсовет по модернизации при Д. Медведеве), что Росатом внедряет идеологию прогноза и мониторинга условий существования АЭС по всему жизненному циклу (более ста лет), включая стадию снятия станций с эксплуатации (демонтажа) после длительной выдержки. Будет справедливо, если в чем-то аналогичную идеологию применят к объектам хранения/захоронения ненужных ныне ядерных материалов или заведомо отходов (тысячи/миллионы лет). В таких случаях без ориентации на *вечное человечество*, без наук и практических знаний о Земле не обойтись.

В России есть два ядерно-религиозных центра территориального совмещения ядерных и религиозных функций – Саров и Сергиев Посад. Высказано предположение о третьем¹². А четвертому (С-Петербургу) в этом качестве лучше бы и не бывать. Рассматривая в связи с ядерной энергией различные социальные институты, за рубежом предложили для гарантии надлежащего общественного внимания к долгой судьбе радиоактивных отходов создать «ядерное высшее пасторство»¹³. Такие меры тем более необходимы, поскольку уже в начале пути, например в США, сроки решения проблемы

¹¹ Жиров В.К. Указ. соч. С. 609–626.

¹² Комлева Е.В. Антропосоциоядерный феномен // Век глобализации. 2011. № 2. С. 140–149.

¹³ Weinberg A. Social Institutions and Nuclear Energy. In: Science 177 (1972). S. 27–34 ; Hocke P., Grunwald A. Wohin mit dem radioaktiven Abfall? Perspektiven für eine sozialwissenschaftliche Endlagerforschung. Berlin : Sigma, 2006. 157 s.

⁹ Осипов А.И. Аудио-лекции.

¹⁰ Жиров В.К. Человек и биологическое разнообразие: православный взгляд на проблему взаимоотношений // Вестн. МГТУ. 2008. Т. 11. № 4. С. 609–626.

отходов после уже понесенных серьезных затрат вновь в 2013 году значительно отодвинуты (URL: <http://energy.gov/sites/prod/files/Strategy%20for%20the%20Management%20and%20Disposal%20of%20Used%20Nuclear%20Fuel%20and%20High%20Level%20Radioactive%20Waste.pdf>). И это в то время, когда, прежде всего из-за проблемы отходов, неумолимо возрастает внутренний деструктивный потенциал и приближается обрушение мировой «ядерной пирамиды» (URL: <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=50&PubID=16239>). Скоро срочно понадобятся не долговременные, оставшиеся не при делах узковедомственные фантазии прежних времен, а едва ли не «объединенных наций» относительно простые, надежные, экономичные и эффективно контролируемые обществом программы скоротечной и практически одновременной утилизации многих компонентов ядерного наследия. Прежде всего программы на основе изучения и использования нового потенциала земных недр.

Думается, что в инициативно российском варианте в рамках многогранной концепции SAMPO¹⁴ нечто подобное «ядерному пасторству» возможно. Оно могло бы быть связано прежде всего с системой приграничных сочетаний с не исключительно общественной, но государственной, религиозной и горного дела (разумеется, в пределах компетенций каждой из сторон) скрепой лежащей между ними территории. В конечном итоге – страны в целом. А именно:

1) подземное международное ядерное хранилище в пределах Печенгской геологической структуры плюс Трифонов Печенгский мужской монастырь (URL: <http://www.pravmir.ru/trifonov-pechenskij-monastyr-obitel-dlya-pokayavshixsya-razbojnikov/>) Мурманской и Мончегорской епархии;

2) аналогичный объект в Краснокаменске плюс молодое Краснокаменское благочиние Читинской и Краснокаменской епархии.

Печенгская структура – единственное место на Земле, где надежно, по данным геофизики и бурения, установлена граница между корой и мантией (А. Жамалетдинов. URL: <http://geoksc.apatity.ru/images/stories/Print/zh21.pdf>). Здесь удачно сочетаются «краевые условия».

Высокое инженерное качество отдельных породных блоков для размещения подземных сооружений¹⁵ сопровождается направленностью движения метеорных вод вне этих блоков по зонам структурных нарушений далеко вглубь земной коры, а не выдавливанием их к дневной поверхности¹⁶. Печенга максимально обеспечит выполнение рекомендаций МАГАТЭ по защите полезных ископаемых. Главное, скоро известные месторождения (по крайней мере, их подавляющее большинство) исчезнут, а новые практически невероятны при высочайшей геологической изученности территории. Не изменится коренным образом ситуация на данной площадке даже при использовании новых технологий и организации поисковых и разведочных работ относительно традиционного и нового для Печенги сырья, о гипотетических результатах которых предполагает в общем по региону А. Калинин (URL: <http://zolotodb.ru/articles/geology/placer/10553>). Новые исследования по высоколиквидным полезным ископаемым здесь беспроигрышны. При отрицательном результате или, в крайнем случае, локальной находке они усилят доказательную базу в части подземного ядерного объекта вне месторождений. В РАН (Н. Лаверов) такой же подход к Краснокаменску считают «единственно верным» (2011. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=bb9c25dd-630b-4f87-8d3e-6fad9a0ba9ca>; 2005. URL: newmdb.iaea.org/GetLibraryFile.aspx?RRoomID=694). «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» может работать при существующих запасах урана не более 30–35 лет.

Причем многое применительно к этому варианту (при суммарной стоимости только обоснования и строительства – не менее 200 миллиардов долларов) будет зависеть от профессионализма и духовно-нравственных качеств российских геологов, геофизиков, горняков, ядерщиков и других специалистов, от успешности комплексного светского сопровождения и окормления проекта со стороны РПЦ в партнерстве с другими религиозными институтами, в том числе представляющими западное христианство, конфуцианство и буддизм.

¹⁴ Комлева Е.В. Рефлексия ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы: интересы и потенциал Германии как партнера России // Геофиз. журн. Киев, 2008. Т. 30. № 2. С. 3–31; Она же. Геологические, экологические и политические аспекты хранения и захоронения ядерных материалов // Там же. 2012. Т. 34. № 6.

¹⁵ Комлева Е.В. Геологические, экологические и политические аспекты хранения и захоронения ядерных материалов.

¹⁶ Милановский С.Ю., Николаевский В.Н. Процессы переноса (миграции) в системе трещин земной коры // «Сейсмо-2012». URL: http://www.ukrdgri.gov.ua/ukrdgri_site/CS-2012_Milanovskiy_Paper.pdf

Символично, что Рождество Христово – это симбиоз звезды и пещеры, пещеры и звезды. Такие же уровни затрат в сотни миллиардов долларов в каждом отдельном случае уже реально осуществлены или запланированы на ликвидацию эколого-экономических последствий катастроф на Чернобыльской и Фукусимской АЭС, рекультивацию территорий военных радиохимических производств периода противостояния СССР и США, утилизацию АЭС, АПЛ и ядерных боеприпасов.

Ни при каких обстоятельствах, например, не должны возникать идеи ядерной трансформации будущих никелевых рудников в зоне воронежского чернозема, уже ныне функционально встраиваемых в межрегиональную (урало-таймыро-кольскую) и международную (по сбыту продукции) систему. Хотя геологические предпосылки, а также схемы ведения и качество подземных горных работ применительно к сульфидным медно-никелевым месторождениям кристаллических щитов Земли, как правило, способствуют вторичной эксплуатации рудников с целью использования выработанного при добыче руды пространства для захоронения токсичных отходов разного происхождения. С другой стороны, и «кружье на стене» – уже реально обсуждаемое хранилище вблизи Красноярска (URL: <http://nuclearno.ru/text.asp?16757> ; <http://nuclearno.ru/text.asp?16993>) или Челябинска (URL: <http://nuclearno.ru/text.asp?17005>) – при его долгой жизни обязательно «выстрелит» как повод для внешнего, разрушающего «принуждения к миру» не на границе, а в центре России.

Примечательна также ситуация «метеоритного дождя» 15 февраля 2013 года. Вот уж точно по И. Бродскому: «Падучая звезда, тем паче – астероид на резкость без труда твой праздный взгляд настроит». Относительно этого грозного природного явления (равно как и, в какой-то мере, невольной «имитации» им реальной ракетной атаки на наземные объекты ядерного Урала или на подземный комплекс горы Ямантау) не приведены достоверные факты его надежного фиксирования достаточное время в режиме online государственными службами России. Не было даже обозначено упреждающих действий (хотя бы и, прежде всего, информационных) по выполнению своих функциональных обязанностей учеными, а также гражданскими и военными охранителями неба, земли и населения. Или их возможности и обязанности не охватывают все опасные варианты развития событий относительно наземных

объектов размещения ядерных материалов? Видимо, эти возможности и обязанности объективно ограничены (с чем, пожалуй, придется согласиться (см., например, URL: <http://nuclearno.ru/text.asp?16916> ; http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/02/130215_chelyabinsk_vpk.shtml ; <http://news.mail.ru/inregions/ural/74/incident/12063966/> ; http://ria.ru/defense_safe-ty/20130220/923880067.html). Тогда (плюсуя и субъективные негативные факторы) на земной поверхности, в центральной зоне России (С-Петербург, Воронеж, Челябинск, Томск, Красноярск) долговременных и новых ядерных объектов тем более не должно быть. Еще и потому, что Челябинск показал полную неготовность населения к таким событиям, отсутствие у людей навыков поведения в угрожающих обстоятельствах. Забыто предостережение Павла (1 Фес, 5, 3)!

Странным образом «падучая звезда» над ядерным Уралом почти совпала по времени с обнародованием через два года (!?) того факта, что значительная часть населения России не избежала влияния Фукусимы (URL: http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2013/Minprirody-Fukushima). Причем то, что в феврале 2013 года Минприроды РФ признано свершившимся фактом, сразу и долго после Фукусимы на официальном же уровне трактовалось невозможным никогда даже в принципе. Соответственно не было и в этом случае упреждающих действий по информированию и защите населения. А структуры Росатома и после доклада Минприроды отстаивали правильность своих несбывшихся прогнозов по Фукусиме и ее влиянию на Россию. А также критиковали японские власти за якобы чрезмерные (не как после Чернобыля) долговременные меры по защите населения, демонтажу станции и глубокой санации территории (URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4377>). А если бы в феврале 2013 года от «небесного цунами» пострадали наземные хранилища радиоактивных отходов и плутония ПО «Маяк», то как долго мы бы слышали, что радиационная обстановка на Урале и в стране «в норме»?

Хотелось бы, чтобы пришло понимание того, что, вне зависимости от конкретных параметров и причин ряда не столь давних событий (Челябинск-40, Чернобыль, Фукусима, «челябинский метеорит» и др.), в совокупности – это «тренировки» перед очередными глобальными ядерными «неприятностями». В свое время при покровительстве известных стран

Израиль без объявления военных действий разбомбил на территории суверенных Сирии и Ирака ядерные реакторы. События на севере Африки, в Сирии и вокруг Ирана ныне не дают оснований считать, что забыты подобные способы решать международные проблемы с коренным изменением геополитической ситуации. Для каких будущих регионов, объектов и исполнителей нарабатывается такой военно-политический опыт? Негосударственные террористические организации вообще не связаны даже формально какими-либо юридическими обязательствами и моральными нормами относительно ударов по притягательным для них объектам ядерной инфраструктуры.

Взаимодействие религиозной и светской культур в антропосоциоядерном измерении, например, Китая и России, особенно в их приграничных районах, важно по нескольким причинам. Не только потому, что обе страны обладают ядерным оружием, входя в тройку ведущих ядерных держав, не только потому, что Россия и Китай в партнерстве развивают гражданскую ядерную энергетику, не только потому, что обе страны планируют на своей территории долговременные приграничные крупные хранилища подземного типа для неиспользуемых ядерных материалов (Краснокаменск и Бейшан), не только потому, что в традициях великого символа Китая ныне создана *Китайская подземная ядерная стена* (URL: <http://army-news.ru/2013/01/ssha-bespokoyat-razmery-kitajskoj-podzemnoj-yadernoj-steny/>). Такое взаимодействие необходимо еще и для того, чтобы в сознании наших народов по этим вопросам место серьезного и плодотворного осмысления не занимали международные суррогатные образы, по-своему отражающие настоящее и формирующие будущее. Будем надеяться, что плодотворному сотрудничеству послужит и визит патриарха Кирилла в Китай (2013).

Амбивалентная шкатулка с демоном (как аналог ядерной энергии), генерирующая добро или зло в зависимости от помыслов владеющего ею человека, отправлена подальше от греха – на Север, в сочетании с виртуальной китайско-финской границей и заговором финно-китайцев против владельца углеводородного сырья. Так, в контексте реинкарнации мифов карелов, финнов и китайцев, трактуют Сампо создатели финско-японско-эстонско-нидерландского фильма «Воин Севера». Это один из вариантов таких суррогатов, неузнаваемо искажающий границы, основанный, впрочем, во многом на упрощенных кальках с реальностью. Ведь уже

сейчас осваиваются китайцами и передаются фактически под управление Китая территория и природные ресурсы по соседству с ядерным Краснокаменском (URL: <http://nuclearno.ru/text.asp?17164>).

Экономическое положение, например, Мурманской области хронически сложное. Надежды на Штокман не сбылись. Ситуация относительно будущего экспорта в Европу баренцевоморского газа продолжает меняться не в пользу России (URL: <http://voprosik.net/chtopomenyala-ustupka-mestorozhdenij-norvegii/>). Вполне возможно, что область, более того, будет импортировать норвежский газ (URL: <http://news.mail.ru/inregions/nordwest/51/economics/12788260/?frommail=1>). Дешевая электроэнергия Мурманска (основа инвестиционных проектов), благодаря известным реформам, разом стала дорогой для потребителей. Общие объемы промышленного производства области в традиционных отраслях «застыли» на уровне 2001 года. Налицо свертывание позитивных ожиданий относительно проекта «Мурманский транспортный узел», неясные перспективы развития на уровне очередных ожиданий в части добычи и переработки новых видов твердых полезных ископаемых («Российская газета» от 4 и 11 декабря 2012 года, кризис СевТЭК-2012 и темы «Инвестиционная область»). Инновации области «на нуле» («Мурманский вестник» от 18 декабря 2012 года). Основные показатели качества экономики Мурманска, вопреки многотрудной работе по созданию разных стратегий развития области и Печенгского района, в сравнении с другими северными регионами за несколько лет по официальным федеральным данным – устойчиво «ниже среднего»¹⁷. О том же «глас народа», простого и ученого (URL: <http://blogger51.com/2012/11/38132>; «Мурманский вестник» от 7 февраля 2013г.; <http://vk.com/club16598761>, программа «Север мой» от 11 февраля 2013 года). Настораживают итоги последней переписи. Закрывающиеся рудники стали проблемой горной науки (URL: <http://www.kolasc.net.ru/russian/news/arc12/international%20project.pdf>). Губернатор М. Ковтун призвала искать новые ориентиры для развития и работы, а также учиться «жить без Штокмана» (URL: <http://news.mail.ru/inregions/nordwest/51/>

¹⁷ Победоносцева Г.М. Развитие российской территории Арктики и особенности социально-экономического положения Мурманской области // Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Апатиты, 14–16 ноября 2012 г. Апатиты, 2012. С. 41–43.

politics/12473115/?frommail=1). Скоро, кстати, и горняков Норильска будут трудоустраивать в других регионах (URL: <http://cccp-revival.blogspot.ru/2012/06/rossijskaja-geologia-umerla.html>).

Такой ядерно-религиозный объект поэтому надолго был бы «палочкой-выручалочкой» для Мурмана. Примем во внимание, что с 2011 года начато проектирование (функционально-аналогичного наземному хранилищу реакторных отсеков Сайда Губы, финансирование Германии) комплекса переработки радиоактивных отходов и накопительной площадки временного хранения контейнеров в Губе Андреева (финансирование Италии). Губа Андреева расположена недалеко от Печенги. Анализ (URL: <http://proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3670>) истории реабилитации одноименной береговой базы ВМФ показывает следующее. За почти двадцать лет развития базы под международным контролем темпы и общие объемы вывоза радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива с базы кратно уменьшились по сравнению с советским периодом, когда эта функция, кстати, не являлась главной. С.В. Кириенко заявляет о практически полном и успешном завершении основных работ (умалчивая об их сути), хотя последние по разгрузке хранилищ и не начинались. Авторы анализа (В.А. Перовский и А.А. Аникин) вынуждены предположить: процесс реабилитации базы затянут и сознательно. Добавим – чтобы сохранить имевшиеся предпосылки и создать благоуханную территорию для дальнейшего развития в прежнем направлении обновленного объекта перевалки и временного хранения ядерных материалов, но другой генерации. Ситуация (URL: <http://www.b-port.com/news/item/103956.html>) продолжает быть адекватной мыслям о потенциале береговых баз в качестве внешних терминалов Печенги.

Заметим, что в России есть, пожалуй, лишь два научных учреждения (ИГЕМ РАН и Горный институт Кольского НЦ РАН), которые имеют опыт исследований горно-геологических проблем применительно к Печенге и Краснокаменску, а также ядерных – к некоторым объектам бывшего СССР.

Все чаще в России, в том числе в ядерном контексте, всплывает тема – «грязные» деньги и безопасность. Церковь уже настораживала о подобном. Протоиерей В. Воробьев («Проблемы взаимодействия...») напоминал, что при смене идеологии некоторые сотрудники ядерных центров «превратились из тех, кто делал ядерный щит Родины, в тех, кто его предал».

По его мнению, это результат разложения духовности народа. Протоиерей призывает к подвигу в воспитательной работе, ибо «плодотворным бывает только чрезмерное, а все вялое остается без плода». Эти мысли важны и применительно к ядерным хранилищам, чтобы общество не сомневалось в безопасности построенного США наземного хранилища оружейных материалов около Челябинска, обреченного на вечную реконструкцию хранилища-саркофага в Чернобыле, аварийных «хранилищ» затопленных АПЛ и грядущих подземных хранилищ, в том числе Печенгского и Краснокаменского.

«Главный вопрос атомной энергетики сегодня не технологический, а психологический», – сказал, подводя итоги состоявшегося в рамках Петербургского экономического форума – 2012 круглого стола «Атомная энергетика: год после Фукусимы» генеральный директор Росатома С. Кириенко (URL: <http://www.pro-atom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3854>). «Атомная энергетика в России умрет без поддержки общественности», – заявил журналистам первый заместитель гендиректора Росатома А. Локшин в кулуарах VII Международного общественного форума-диалога «Атомная энергия, общество, безопасность – 2012» (URL: http://www.ria.ru/atomtec_news/20120905/743554229.html). Чиновники говорили, скорее всего, о сиюминутных частностях, не ведая того, что называется, «попали в яблочко».

Осмысление ядерного феномена и укоренение в социуме ядерного *техно* в значимых для цивилизации, легитимных и безопасных масштабах, как и религии (по крайней мере – христианства), глобально должно иметь цель не погубить человека, а спасти его. Ядерный пример, экзаменованный в координатах канон православия и в контексте социоядерного антропного принципа и социокультурной парадигмы (URL: http://narfu.ru/aan/archive/AaN_2012_5.pdf ; <http://www.dialog21.ru/biblio/komleva.htm>), послужит формированию гуманистической, особенно касательно будущих поколений, социоядерной ментальности, индивидуальной и государственной, созданию цивилизованных мировоззренческих и социально-гуманитарных оснований, правовых норм мудрого развития других амбивалентных относительно всего человечества наук и технологий, число которых впредь будет лишь множиться. Предлагаемый подход необходим для решения стратегических вопросов развития человечества, действий по поиску элементов духовно-

гуманитарных начал комплексной безопасности, в том числе в сфере энергетики. Впрочем, как и в других. В совокупности это может способствовать консолидации народов и стран перед лицом глобальных вызовов, грозящих им уничтожением, выработке механизма осознания всеобщей сопричастности и ответственности человечества за свою судьбу, а также эволюции, а не инволюции духовно-культурной природы/основы морально-этических, правовых и научно-технических систем¹⁸. Это главный способ ответить на вопрос: «А крепок ли фундамент?» (URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4418>).

Послесловие

И, наконец, последнее. Более ранняя попытка постановки темы обозначена в предыдущих моих публикациях (URL: <http://nos.chgaki.ru/?page=conf> ; <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=118> ; «Религия и феномен ядерной энергии: контуры социокультурного сопряжения; специальный диплом за статью на конкурс научных работ «Ответственность религии и науки в современном мире», ноябрь 2005 года, Библейско-Богословский институт святого апостола Андрея, Москва ; URL: <http://helion-ltd.ru/komlevasp-11-2008/> ; <http://helion-ltd.ru/philosophical-base/> ; <http://www.voskres.ru/economics/komleva.htm> ; <http://e-conf.nkras.ru/konferencii/econf/filos.html> ; <http://www.lawin-russia.ru/node/164207> ; <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/10627.html> и др.). Она соответствует тенденции общего усиления гуманизации и гуманитаризации естественно-научной и технической сфер.

Благодарю за поддержку исследований и ценные комментарии профессора Brigitte Falkenburg.

¹⁸ Литвинский Г.Г. Священные заповеди горняка / Форум гірників – 2012 : матеріали міжнар. конф. Донецьк, 2012. Т. 1. С. 7–16 ; Пугина О.А., Агапов Д.С. Материальная и духовная природа правовых систем // Юрид. наука. 2012. № 1. С. 18–23.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕГАЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ

ЛОШКАРЕВ Никита Вадимович

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с классификацией легальных дефиниций. Приводятся различные виды классификаций легальных дефиниций. Обосновывается деление легальных дефиниций на легальные дефиниции в публичном и частном праве.

Annotation: the article discusses some of the issues related to the classification of legal definitions. We present different types of classifications of legal definitions. Substantiates the division of legal definitions for legal definitions in the public and private law.

Ключевые слова: легальные дефиниции, классификация легальных дефиниций, легальные дефиниции в публичном праве, легальные дефиниции в частном праве.

Key words: legal definitions, classification of legal definitions, legal definitions in public law, legal definitions in private law.

При исследовании правовых явлений используются различные приемы юридической техники. Так, В.К. Бабаев указывает, что одним из самых распространенных приемов последней является классификация¹. Классификация – это вид последовательного деления понятий, который образует развернутую систему, в которой каждый ее вид делится на подвиды². «Классификация в законодательстве – специфический гносеологический механизм выявления логической структуры социальных взаимодействий, на основе которой право строит свою регулятивную деятельность»³. Цель классификации заключается в систематизации знаний, что любая классификация условна и относительна. В данный момент не сложилось единого взгляда относительно понятия и природы легальных дефиниций, что приводит к многообразию подходов классификации. Отметим, что классификацию дефиниций исследователи рассматривают в различных аспектах, таких как: логический, юридический, философский.

В логике выделяют большое количество видов определений. Так, например, Д.П. Горский классифицирует определения на: номинальные и реальные; явные и неявные; контекстуальные и эксплицитные; генетические и классификационные; лингвистические и концептуальные; полные и неполные; аналитические и синтетические; предикативные и непредикативные и др.⁴ М.В. Чиннова отмечает, что не

все классификации могут быть применены к легальным дефинициям, в частности, указывает деление на эксплицитные и контекстуальные и объясняет тем, что при контекстуальном определении все признаки будут содержаться в разрозненном виде, а значит они не составят легального определения. Эксплицитное определение, полагает указанный автор, также не будет являться легальным, так как формулирование его осуществляет не законодатель, а правоприменитель или тот, кто обращается к нормативно-правовому акту для ознакомления. Еще указанный автор не приемлет деление на явные и неявные, так как все определения она считает явными в силу особенности их структурного изложения, предусматривающего обязательное наличие взаимосвязанных выражений определяемого и определяющего. Она указывает, что не применимо деление на остенсивные и вербальные, так как указанная классификация связана с понятием определения как познавательного процесса, легальные дефиниции в свою очередь – это всегда текстуально выраженные фразы⁵. Подводя итог, указывает, что определения, содержащиеся в законодательстве, могут быть:

- номинальными или номинально-реальными;
- аналитическими или синтаксическими;
- регистрирующими, уточняющими или переквалифицирующими;
- предикативными или непредикативными;
- отражающими качественные, количественные, оценочные, временные характеристики понятий;

¹ См.: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях : учеб. пособие. М., 1999. С. 85.

² См.: Гетманова А.Д. Учебник по логике. М., 1995. С. 50.

³ Чуманов Е.В. Классификация в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 62.

⁴ См.: Горский Д.П. Определение. М., 1977. С. 5–97.

⁵ См.: Чиннова М.В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 45–48.

– генетическими, через род и видовое отличие, через указание прав и обязанностей участников правоотношений, условий чего-либо, через компетенцию органа;

– отраслевыми;

– содержащимися в разных видах нормативно-правовых актов;

– расположенными в различных частях нормативно-правового акта;

– раскрывающими правовые или не правовые понятия;

– изложенными в виде предложений или входящими в состав других предписаний⁶.

Нужно помнить, что легальная дефиниция – это лишь один из элементов более крупного явления, такого как дефиниция, и, в зависимости от цели воздействия, все определения можно классифицировать на:

1. Легальные дефиниции, которые закрепляются в тексте нормативно-правового акта в виде предписания и носят обязательный характер. Например, дефиниция понятия преступления в Уголовном кодексе РФ.

2. Судебные дефиниции, которые в свою очередь делятся на те, которые закреплены в постановлениях высших судебных органов РФ (они носят, также как и легальные дефиниции, обязательный характер. Следует отметить, что указанный вид по содержанию не всегда совпадает с легальными дефинициями, например определение понятия «моральный вред», которое в Постановлении Пленума Верховного Суда от 20 декабря 1994 года № 10⁷ сформулировано шире, чем в Гражданском кодексе РФ) и на те, которые содержатся в решениях судов первой инстанции, определениях судов кассационной и надзорной инстанции по конкретным делам и носят рекомендательный характер.

3. Доктринальные дефиниции, под которыми, например, Л.Ф. Апт понимает «те, которые формулирует суд при выработке правовой позиции по тому или иному делу на основе толкования теории права и Конституции РФ и которые сами впоследствии в той или иной мере становятся постулатами юридической доктрины»⁸. Считаем также верным понимать под доктринальными дефинициями те, которые

сформулированы учеными-юристами в виде научного обоснования каких-либо явлений. Например, определение понятия «состав преступления».

4. Дефиниции, выработанные юридической практикой. Под юридической практикой следует понимать «деятельность компетентных субъектов по изданию (толкованию, применению и т.п.) юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным социально-правовым опытом»⁹. Форма внешнего выражения юридической практики – это юридические акты-документы, сопровождающие юридическую практику. Дефиниции, выработанные юридической практикой, содержатся, например, в постановлениях или распоряжениях органов местного самоуправления, письмах ФНС РФ, приказах Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, а также определение понятия «регистрация сообщения о преступлении», содержащееся в Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации¹⁰.

5. Обыденные дефиниции, под которыми понимаются определения общеупотребительных терминов, которые понятны всем и, как правило, не находят отражения в законодательстве. Например, определение понятия «находка» в Гражданском кодексе РФ.

Приведенная классификация определяет виды дефиниций с целью дальнейшего их исследования по отдельности.

В.Н. Карташов выделяет три вида юридических дефиниций:

1. Доктринальные, под которыми понимает «теоретические суждения, сформулированные учеными-юристами, раскрывающие содержание и объем каких-либо понятий юридических явлений (процессов и состояний), составляющие часть научного правосознания, выраженные текстуально вовне, необязательные для субъектов права и выступающие в виде научно обоснованных ориентиров и аргументов в теоретической деятельности и правотворческой, правореализующей, интерпрета-

⁶ См.: Чиннова М.В. Указ. соч. С. 68–69.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюл. Верхов. Суда РФ. 1995. № 3.

⁸ Апт Л.Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М., С. 162.

⁹ Общая теория права : курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Лекция 18 / авт. В.Н. Карташов. Н. Новгород, 1993. С. 389.

¹⁰ Инструкция о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации. Утв. Приказом Председателя Следственного комитета РФ от 03.05.2011 г. № 72. URL: <http://www.sledcom.ru/upload/iblock/60a/72-11.pdf/> (дата обращения: 10.07.2011).

ционной и правосистематизирующей практике»¹¹.

2. Практически-прикладные, к которым относит «обязательные для адресатов определения, которые формируются в практической деятельности и закрепляются обычно в актах-документах вышестоящих компетентных органов (например, в постановлениях Верховных судов)»¹².

3. Дефиниции, составляющие содержание позитивного права (легальные дефиниции), под которыми автор понимает дефиниции, устанавливаемые компетентными правотворческими органами в законах и иных формах права¹³.

На данный момент образовался значительный синонимичный ряд понятия «легальная дефиниция», в который, помимо нее, входят: правовая дефиниция¹⁴, законодательная дефиниция¹⁵, законодательное определение¹⁶, нормативная дефиниция¹⁷, юридическая дефиниция¹⁸, нормативно-правовая дефиниция, нормативное определение, легальное определение¹⁹.

В.М. Савицкий выделяет три вида правовых дефиниций:

1. Описательные или казуистические.
2. Перечневые.
3. Родовидовые²⁰.

М.Л. Давыдова выделяет родовидовые (абстрактные) дефиниции, которые определяют понятия при помощи обобщенной формулы через видовое отличие и род, и казуистические, которые определяют через перечисление

отдельных частей или признаков понятий²¹. Как подчеркивает А.С. Пиголкин, выбор между тем или иным способом определения должен зависеть от содержания термина и его характера²².

Т.В. Губаева указывает, что в зависимости от формы, дефиниции «могут быть построены по модели классического определения, указывающего на родовый признак и видовое отличие; а также по типу казуального перечня, создающего относительно полную и точную характеристику определяемого объекта»²³.

Приведенная классификация показывает возможные способы формулирования дефиниции, при детальном изучении способов и целей конкретного нормативно-правового акта должен выбираться наиболее подходящий способ.

В зависимости от классификации терминов, которые встречаются в нормативных актах, на общеупотребительные, специально-юридические и специально-технические²⁴ можно выделить и дефиниции общеупотребительных, специально-юридических и специально-технических терминов. Указанная классификация устанавливает виды тех терминов, которые нуждаются в законодательном закреплении дефиниций, и объем тех терминов, дефиниции которых будут лишними в тексте нормативно-правового акта.

Л.Ф. Апт правовые дефиниции условно делит на научно-юридические и легальные. Под первыми автор понимает определения, выработанные доктриной и находящиеся в научном обороте. Под вторыми – определения, закрепленные в нормативных правовых актах. Он полагает, что эту категорию необходимо расширить путем включения в нее дефиниций, которые содержатся в актах судебной власти²⁵.

Приведенные выше деления – это примеры естественной классификации, суть которой заключается в приведении знаний об объекте

¹¹ Карташов В.Н. Юридические дефиниции: некоторые методологические подходы, виды и функции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Междунар. круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.). Н. Новгород, 2007. С. 586.

¹² Там же. С. 587.

¹³ Там же. С. 588.

¹⁴ См.: Апт Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 301.

¹⁵ См.: Малиновский А.А. Проблемы законодательной дефиниции термина «злоупотребление правом» // Там же. С. 430.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Туранин В.Ю. Проблема выбора оптимального способа закрепления дефиниций в законодательном тексте // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 246.

¹⁸ См.: Рабец А.М. Проблемы законодательного закрепления юридических дефиниций // Там же. С. 233.

¹⁹ См.: Нагорная М.А. Техника определения законодательных терминов // Там же. С. 223.

²⁰ См.: Савицкий В.М. Язык процессуального закона. М., 1987. С. 88–93.

²¹ См.: Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : учеб. пособие. Волгоград, 2001. С. 30–31.

²² См.: Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968. С. 156–157.

²³ Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2003. С. 68.

²⁴ Черкаев А.В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 25.

²⁵ См.: Апт Л.Ф. Дефиниции в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Междунар. круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.). Н. Новгород, 2007. С. 80–81.

в систему, содержащую наиболее важную информацию о них, и такие классификации, как правило, имеют высокое познавательное значение. Наряду с ними, также выделяются искусственные классификации, которые выглядят как «описательно-распознавательная система, представляющая классифицируемую область в удобном для обозрения, запоминания и распознавания виде»²⁶. Распределение по группам в указанной классификации происходит по удобным (постоянным) признакам, но не существенным. Примером такой классификации будет деление дефиниций по такому признаку, как место закрепления в тексте нормативного акта:

1) в отдельной статье, которая объединяет все понятия, используемые в тексте нормативного акта (ст. 5. УПК РФ);

2) в отдельной статье или части статьи (определение понятия рецидива преступления, ч. 1 ст. 18 УК РФ);

3) в примечании к статье или преамбуле закона (определение хищения ч. 1 примечания к ст. 158 УК РФ);

4) непосредственно в тексте, где излагается норма (определение понятия «моральный вред» в ст. 151 ГК РФ);

5) в начале части, раздела или главы (определение договора аренды в гл. 34 ГК РФ)²⁷.

Данной классификацией определены возможные места в тексте нормативно-правового акта для закрепления легальных дефиниций.

Таким образом, критерии для классификации приведены различные: от способа формулирования до места закрепления в тексте нормативного акта.

На наш взгляд, на современном этапе развития юридической науки актуальными будут исследования легальных дефиниций для публичного и частного права. Таким образом, появляется объяснение расхождений одних и тех же терминов легальных дефиниций в публичном и частном праве, а также указанная классификация необходима для дифференциации требования к выработке легальных дефиниций для публичного и частного права.

Отметим, что проблемы взаимодействия частного и публичного права в системе право-

вого регулирования в настоящее время изучаются в самых разных аспектах. Это и традиционные вопросы, в частности, о критериях разграничения этих подсистем права, и проблемы относительно новые – о принципах, санкциях правовых средствах и т.д.

Представляется, что для развития любого частного вопроса, связанного с проблематикой публичного и частного права, принципиальное значение имеют несколько теоретических положений, которые с достаточной степенью условности можно обозначить как некую методологическую основу исследования. Назовем их по возможности кратко.

1. Частное и публичное право представляют собой не механическую совокупность отраслей или правовых норм, не классификационные разряды, выделяемые в процессе исследования системы права, а объективно существующие явления. В связи с этим считаем, что использование традиционных (материальных, формальных, смешанных) критериев разграничения частного и публичного права без учета природы самих явлений не соответствует потребностям юридической науки. Анализ существующих в теории права подходов к определению частного и публичного права позволяет сделать вывод, что в рамках единой теории предпринимаются более или менее успешные попытки объединить явления разного характера – систему правовых норм, способы создания правовых предписаний, правоотношения, типы правового регулирования и т.д. Не меньшие возражения вызывают и попытки свести частное и публичное право лишь к методам правового регулирования либо к особым типам правовых предписаний (диспозитивным и императивным соответственно).

2. Границы между частным и публичным правом проходят в самом способе правового закрепления общественных отношений, в последовательности логической связи норма – общественное отношение. Частное право рождается там и тогда, когда публичный субъект в процессе правотворчества на формальный юридический язык «переводит» уже сложившиеся социальные связи. То есть в описываемой нами схеме последовательность следующая: *общественное отношение – норма – частное право*. Отсюда цель частного права – обеспечение стабильности сложившихся социальных связей, так называемая стабильность гражданского оборота. Публичное же право – сфера творчества публичных субъектов, которые, используя правовую форму, фактически

²⁶ Субботин А.Л. Классификация. М., 2001. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/subbotin_klassifikacija/01.aspx (дата обращения: 26.06.2011).

²⁷ Про способ изложения правовых дефиниций см.: Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. С. 32–34.

творяют новую реальность – публичные общественные отношения, не соответствующие обычному ходу социальной жизни. Отсюда и возможность именно в публичном праве фиксировать такие нетрадиционные для обычной социальной системы явления, как налоги, избирательные процессы, компетенцию и т.д. Возвращаясь к схеме, последовательность в публичном праве следующая: *норма – публичное право – социальная связь*. В этом смысле публичное право всегда ориентировано на некое преобразование, на порождение нового качества, которое, в зависимости от типа и формы государства, может быть по сути самым различным.

Эти качественные особенности публично-правового и частноправового воздействия, на наш взгляд, последовательно проявляются во всех подсистемах правового регулирования, в том числе и на юридической терминологии. Весьма перспективным в связи с этим представляется исследование частного и публичного права в тесной связи с особенностями отдельных элементов механизма правового регулирования – норм права, правоотношений и актов реализации права. Ведь специфика правового отражения системы общественных отношений будет четко определена лишь при условии комплексного подхода к проблеме.

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ

СВИРИН Юрий Александрович

Аннотация: в представленной статье автор исследует конспирологию ответственности в праве, показывает роль конспирологии на определение сущности и вида ответственности на примере уголовного и исполнительного права.

Annotation: in the present paper the author investigates конспирологию responsibility in law, shows the role of conspiracy to determine the nature and type of liability on the example of the criminal and Executive law.

Ключевые слова: конспирология ответственности, конспирологические судебные постановления, форма ответственности, вид ответственности.

Key words: the conspiracy theory of liability, conspiracy rulings form of liability form of justice.

Прежде чем перейти к исследованию вышеуказанного вопроса, следует определиться, что же мы понимаем под самим термином «конспирология».

Как в научной, так и в ненаучной среде, существуют различные подходы к определению и раскрытию содержания понятия «конспирология». Александр Дугин, введя данный термин в научный оборот, тем самым значительно расширил современную парадигму научного познания. Как нам представляется, конспирологический подход можно рассматривать в качестве метода, характерного для анализа политических и правовых процессов, что является вполне объяснимым, ибо все эти процессы детерминируются властью. А власть, в свою очередь, даже в самых демократических и транспарентных обществах всегда предпочитает конфиденциальность. Еще Эйнштейн говорил, что природа как объект исследования коварна, но не злонамеренна, то есть не лжет сознательно, «отвечая» на вопрос исследователя; человек же в качестве объекта исследования часто лжет – либо бессознательно, либо намеренно, скрывая или искажая реальность в личных, групповых, системных интересах, или будучи в плену ложного сознания, а то и просто от незнания¹.

Научное познание сущности и цели ответственности в праве всегда должно приводить исследователя к различным конспирологическим выводам, детерминируемым самой властью. Иначе как можно объяснить соразмерность и справедливость ответственности в виде

реального лишения свободы за танцы в храме Христа Спасителя в Москве (безусловно оскорбляющие чувства небольшой группы верующих, в то время находящихся в храме) и ответственность должностных лиц (государственных служащих) за миллиардные хищения государственности, получающих наказание в виде 2–3-х лет лишения свободы условно. В каком из приведенных примеров нанесенный вред государственным и частным интересам является наибольшим? Нежелание депутатов Государственной Думы России ратифицировать международные нормы о контроле не только за доходами, но и за расходами безусловно имеют под собой конспирологические причины.

В соответствии с процессуальными нормами (УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ) судебные постановления принимаются за закрытыми дверями. Отсутствие выборности судей, зависимость их от власти (пусть даже и от высшей власти государства), неопределенные нормы об ответственности – все это дает возможность судьям принимать также конспирологические постановления. Поэтому вполне реальная и прагматически объяснимая зона тени недоверия судебной власти разрастается, рождаются мифы о всевозможных «заговорах», складываются системы тайных связей, появляются слухи об агентах влияния.

В теории государства и права ответственность рассматривается как явление, которое всегда связано с государственным принуждением. М.Н. Марченко определяет ответственность как форму общественного отношения, которое устанавливается между государством в лице уполномоченных органов и правонарушителем. Государство при этом всегда являет-

¹ См.: URL: http://ru-an.info/news_content.php?id=1213

ся управомоченной стороной, а правонарушитель – обязанной². Однако, как нам представляется, вряд ли можно безоговорочно принять данное определение за истинное суждение. Нередко случаются казусы, когда государство как субъект является и нарушителем, то есть обязанной стороной и управомоченной стороной. В этих случаях ждать восстановления нарушенных прав иными субъектами правоотношений не представляется возможным. Еще чаще в правоприменительной практике встречаются случаи, когда не только государство, но и государственные служащие одновременно являются и нарушителями, и управомоченной стороной. Ответственность, как правило, в этом случае не наступает, в то время как юридическая ответственность всегда должна быть следствием за совершенное в прошлом противоправное деяние и мера этой ответственности является важной категорией права. Ответственность всегда должна неотвратимо наступать за совершенное правонарушение и влечь для нарушителя неблагоприятные последствия. Английский философ Т. Гоббс в XVII столетии указывал, что закон должен содержать не только обязанность, но и наказание за нарушение этой обязанности³. Однако следует заметить, что, помимо педалируемого в доктрине права принципа «неотвратимости наказания», немаловажную ценность в праве представляют вид и мера юридической ответственности.

Для примера возьмем ответственность в исполнительном праве. Как справедливо указывает И.Б. Морозова, «суть ответственности в исполнительном производстве состоит в обязанности субъекта исполнительного производства претерпевать неблагоприятные последствия в случае нарушения этим субъектом императивных предписаний закона, регулирующего исполнительное производство, и невыполнения требований судебного пристава-исполнителя, осуществляющего принудительное исполнение исполнительного документа»⁴. К сожалению, такое определение понятия «ответственности в исполнительном праве» не дает ответа на вопрос: являются ли меры принудительного исполнения мерами ответственности? В связи с чем в науке продолжается полемика

по поводу того, являются ли меры принудительного исполнения и меры ответственности сутью одного и того же.

Некоторыми исследователями, например М.М. Агарковым, О.Э. Лейстом, под мерой ответственности понималась мера принуждения, а именно, обращение взыскания на имущество лица либо его личность⁵. Таким образом, вышеуказанные авторы не делали различий между самой ответственностью и мерами принудительного исполнения, по сути, отождествляя их друг с другом.

О.С. Иоффе, наоборот, считал, что реальное исполнение, даже если оно и принудительное, нельзя считать мерой ответственности, поскольку обязанность по реальному исполнению вытекает из самого обязательства⁶.

Как думается, юридическая ответственность всегда наступает как мера государственного принуждения за ненадлежащее исполнение установленной законом обязанности. Ответственность нельзя рассматривать в рамках и в объеме реального исполнения своих обязательств, пусть даже такое исполнение происходит принудительно. Под ответственностью следует понимать наступление неблагоприятных последствий для обязанного лица сверх его обязательств. Совершенно очевидно, что такие правовые категории, как «обязательства» и «ответственность», не могут являться синонимами, как их представляют некоторые исследователи исполнительного права.

Основным субъектом исполнительного производства является судебный пристав-исполнитель. Законодательством РФ для судебного пристава-исполнителя как особого субъекта исполнительных правоотношений предусмотрена своя специальная ответственность, общие положения о которой содержатся в ст. 19 Закона «О судебных приставах». Но, по сути, данная статья носит отсылочный характер и представляет собой *nudum jus* (лат.), то есть голое право, без возможности его реализации. Государство, по сути, выводит из поля ответственности своих служащих (судебных приставов-исполнителей). Так, в праве декларируется, что действия, бездействия любого государственного служащего, в том числе и судебного пристава, можно обжаловать в суде.

² См.: Марченко М.Н. Теория государства и права. М.: Серцало-М, 2001. С. 321.

³ См.: Гоббс Т. Левиафан // Соч.: в 2 т. М.: Мир, 1989. Т. 1. С. 41–60.

⁴ Морозова И.Б. Ответственность в исполнительном производстве // Законодательство. 2004. № 9. С. 21.

⁵ См.: Агарков М.М. Теория государства и права. М.: Юрлитиздат, 1948. С. 415–416, 423–425, 432; Лейст О.Э. Санкции в советском процессе. М.: Госюриздат, 1962. С. 21.

⁶ См.: Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 97.

Однако подачу жалобы в суд на действия (бездействия) судебного пристава-исполнителя можно и должно рассматривать только как способ восстановления нарушенных прав того или иного лица в рамках гражданского или арбитражного процессов. Судебный пристав в связи с этим не несет никаких мер ответственности. Защита нарушенных прав в порядке судебного обжалования деятельности судебного пристава-исполнителя дает возможность более объективно и беспристрастно подойти к восстановлению нарушенных прав. Но мера этой ответственности для судебного пристава законодательством не предусмотрена.

Формой ответственности судебного пристава-исполнителя, по нашему мнению, явилось бы фактическое возмещение реального материального ущерба, причиненного последним взыскателю, должнику и иным лицам.

Следует признать, что требования о возмещении ущерба сегодня могут быть предъявлены в исковом порядке с учетом положений ст. 16, 1064, 1069 ГК РФ. Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, в том числе в результате принятия им постановления, не соответствующего закону или иному нормативному правовому акту, подлежит возмещению в полном объеме. При этом на истце лежит бремя доказывания причинения ему убытков незаконными действиями судебного пристава-исполнителя и их размер. Иными словами, истец обязан доказать: факт наличия ущерба, полный размер ущерба (прямой убыток и упущенную выгоду, а также моральный вред) с обоснованием; наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя или изданным им актом и причиненным ущербом; противоправность действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя или несоответствие вынесенного им постановления действующему законодательству. Однако доказать на практике факт наличия ущерба (особенно если речь идет об упущенной выгоде), а также причинной связи практически невозможно, тем более что доказательства в этом случае будут иметь оценочный характер и суд при их оценке станет на позиции государства. Поэтому подобных исков к службе судебных приставов в практике не будет, если не изменить само законодательство. А его изменение возможно только в случае изменения конспирологического подхода к данному вопросу самого законодателя.

Как нам представляется, высказывание французского юриста Брюно более соответствует социальной направленности ответственности в праве. Он писал: «Если принцип риска является основанием ответственности владельца автомобиля только потому, что у него в руках инструмент, опасный сам по себе, то по тому же принципу риска должны отвечать органы власти только потому, что они – носители власти, которая чрезвычайно опасна для граждан сама по себе»⁷. На таких же позициях стоял и А. Гордон, который, обосновывая свою теорию справедливости, писал, что признание ответственности без вины более соответствовало бы чувству справедливости⁸.

О.В. Паршина, наоборот, считает недопустимым устанавливать повышенную ответственность государства (ответственность без вины), полагая, что государство – это не только властные органы, которые могут причинять вред, это население в целом⁹.

По нашему мнению, ввиду того что государство представляет собой особый субъект права, являясь властным правовым образованием, оно имеет все возможности и должно обеспечить реализацию этих возможностей в сфере защиты прав и законных интересов как своих граждан, так и организаций. Само по себе необеспечение реальных возможностей защиты вышеуказанных прав является общей виной государства, которая не должна доказываться в каждом конкретном случае, когда субъектом, нарушившим права, выступает государственный служащий. В механизм правового регулирования деятельности всех государственных служащих необходимо ввести принцип разумности и добросовестности, обоснованный в докторской работе Е.В. Вавиляном¹⁰. В этом случае с судебного пристава возможно и должно будет взыскивать: реальный ущерб, то есть расходы, которые лицо, чьи права нарушены, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества; упущенную выгоду – неполученные доходы, которые это лицо получило бы при условии

⁷ Павлодский Е.Л. Случай и непреодолимая сила в гражданском праве. М.: Юрид. лит., 1978. С. 39.

⁸ См.: Гордон А. Принцип ответственности железных дорог за ущерб, причиненный при эксплуатации. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1887. С. 40–41.

⁹ См.: Паршина О.В. Вина государства (к вопросу о балансе публичных и частных интересов) // Современ. право. 2008. № 9 (1). С. 10.

¹⁰ Там же. С. 340.

надлежащего исполнения судебными приставами-исполнителями своих обязанностей (такая правовая конструкция ответственности являлась бы эффективной мерой ответственности в исполнительном праве). В качестве упущенной выгоды в исполнительном праве следует рассматривать суммы, указанные в исполнительном документе, но которые взыскатель не получил с должника в результате бездействия судебного пристава-исполнителя. Мы полагаем, что данную ответственность следует рассматривать не как гражданско-правовую, а как отраслевую ответственность судебного пристава-исполнителя, закрепив ее в исправительном кодексе РФ.

Арбитражный процессуальный кодекс содержит специальные нормы об ответственности судебного пристава-исполнителя. Так, в соответствии со ст. 330 АПК судебный пристав-исполнитель несет имущественную ответственность за неисполнение (или ненадлежащее исполнение) своих обязанностей. Вред, причиненный им в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей по исполнению исполнительного документа, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством. Требование о возмещении вреда рассматривается арбитражным судом по общим правилам искового производства. Однако здесь также возникает неразрешенный вопрос о соотносимости определения вреда в гражданском и исполнительном праве, что делает саму ответственность судебного пристава-исполнителя не возможной.

Некоторые исследователи полагают, что особым видом ответственности должника является взыскание с него исполнительного сбора в случае неисполнения последним исполнительного документа добровольно и в срок. По нашему мнению, неисполнение должником добровольно требований, содержащихся в исполнительном документе, в соответствии со ст. 10 ГК РФ следует рассматривать, как превышение пределов осуществления гражданских прав и злоупотребление правом, что должно влечь за собой ответственность в виде взыскания с должника не только исполнительного сбора, который в собственном смысле слова не является мерой ответственности. Исполнительный

сбор следует рассматривать как компенсационное средство возмещения государству убытков, вызванных принудительным исполнением.

Некоторые исследователи признают наличие гражданско-правовой ответственности в исполнительном производстве¹¹ и для подтверждения своих выводов ссылаются на п. 2 ст. 115 СК и ст. 395 ГК РФ. Однако в соответствии с п. 2 ст. 115 СК при образовании задолженности за несвоевременную уплату алиментов виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере 0,1 % от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки. Также в соответствии со ст. 395 ГК РФ виновное лицо должно уплачивать кредитору неустойку в размере ставки банковского рефинансирования за неправомерное пользование чужими денежными средствами. Однако, с нашей точки зрения, вряд ли такую позицию следует считать обоснованной, ибо следует признать, что вышеупомянутая ответственность считается гражданско-правовой и наступает не за нарушение законодательства об исполнительном производстве. Кроме того, данный вид гражданско-правовой ответственности налагает на виновное лицо суд по правилам искового производства. Иначе говоря, лицо, чьи субъективные права нарушены, исходя из принципа диспозитивности, может обратиться в суд за защитой своего нарушенного права. Это право лица, а не его обязанность, и это право реализуется с помощью норм семейного или гражданского права по правилам гражданско-процессуального законодательства.

В доктрине уголовного права, в отличие от исполнительного права, сущность уголовной ответственности детально разработана. Однако дистриктивные положения о размере этой ответственности также порождают множество конспирологических теорий и в конечном счете создают обстановку вседозволенности для некоторых категорий граждан, например чиновников. Подводя итог изложенного эссе, можно сделать семантический вывод о том, что все конспирологические теории ответственности в праве опираются на несовпадение явления и сущности; объективной истины и интереса правящего класса, чего не должно быть в правовом государстве.

¹¹ См.: Морозова И.Б. Указ. соч. С. 21.

СООТНОШЕНИЕ КНЯЖЕСКОЙ И ВЕЧЕВОЙ ВЛАСТИ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН

СЕРЁГИН Андрей Викторович

Аннотация: в представленной статье проводится компаративистский анализ государственных институтов древнего права балтийских славян. Автор приходит к выводу, что система публичного управления племенных союзов северных славян имела весьма развитую, органичную и сбалансированную иерархию норм, приспособленную для потребностей раннего Средневековья.

Annotation: in this article are conducted the comparative analyze of the Baltic Slavs ancient low state institutes. The author comes to the conclusion that the public system management of the northern Slavic tribe unions had the highly developed organic and balance hierarchy norms. They were adapted for the needs of the early middle age.

Ключевые слова: славяне, право, семья, кровная месть, собственность, народ.

Key words: Slavs, law, family, blood revenge, property, people.

Среди западно-славянских племен трагично сложилась судьба полабско-балтийских славян, издавна обитавших по нижнему и среднему побережью р. Эльбы (ее славянское название – Лаба) и вдоль берега Балтийского моря между Эльбой и Вислой. Дошедшие до нас источники застают эти племена на стадии разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества. В конце I – начале II тыс. н.э. основой социальной структуры оставалась свободная община. Рабство и другие формы зависимости медленно проникали в эту среду. Рабов предпочитали продавать за рубеж, но иногда использовали в хозяйствах знати. На балтийском побережье рано возникли торговые города – Волин, Колобжег и др. Это, с одной стороны, форсировало складывание государственно-правовых институтов, с другой – обусловило специфику политического строя поморских княжеств, в которых купеческие круги пользовались большим весом. В городах вечевые собрания довольно скоро попали в зависимость от торговой знати¹.

В исторических источниках VIII – XII веков обширная страна балтийских славян именовалась землей Вендов (Vinedaland, Veopodland, Vindland), Славии, Славании (Sclauia, Sclauania). Народы, сидевшие на ней, признаются свидетелями за одноплеменников. А.А. Котляревский перечислял их, следуя направлению

с Запада на Восток, то есть по предполагаемому старшинству их переселения².

Так, племя вагров³ сидело в крайнем северо-западном углу между Балтийским морем, реками Сваленой и Свентиной, с одной стороны, и Травьной, с другой. Часть племени помещалась на острове Фембре (Imbria).

Ободриты (или бодричи) простирались от рек Травьны, Билой и Лабы, где проходил известный «саксонский предел» (limes Saxoniae), к востоку по р. Варну. Племя подразделялось на: а) собственных ободритов, называвшихся иначе ререгами или рериками (с западнославянского наречия переводится как соколы) и занимавших северную часть страны; б) полабов, обитавших между реками Билой и Лабой до Зверинского озера, реками Стэра и Эльды (до начала IX века Полабов часто именовали смельдингами или смолинцами); в) варнов, сидевших на востоке от ререков, между морем и р. Варной⁴.

Лютичи, называвшиеся иначе велетами или вильцами⁵, сидели от реки Варны до рек Одры и Гаволы, а также – на островах Узноиме и Волине. Они делились на четыре главных племени: а) кичан (Хижан), обитавших между морем и реками Варной и Рекеницей; б) чрезпенян, простиравшихся от тробельских болот и р. Рекеницы до р. Пены и Неболы, и выше –

¹ См.: Саксон Анналист. Хроника. 741–1139 / пер. с лат. и коммент. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. М., 2012. С. 155.

² См.: Котляревский А.А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права // Соч. А.А. Котляревского. Т. IV. СПб., 1895. С. 25–27.

³ См.: Саксон Анналист. Указ. соч. С. 155.

⁴ См.: там же. С. 32–360.

⁵ См.: там же. С. 32.

до Парумского озера; в) редарей (ратарей), живших от р. Пены до Одры в плодородной холмистой стране (Старьградской или Ольденбургской области), и г) доленчан (доленцов), обитавших на северо-запад от редарей, между Доленским озером и р. Пеною, в Укерманке.

В ближайшем соседстве с лютичами находились: гавалыне, называвшиеся иначе стодорянами, – по реке Гаволе и Спреве; к ним принадлежали еще спреване и бужане; 2) украние – на восток от доленцев и редарей по реке Укре до р. Одры или поморского (штетинского) озера; северная их часть называлась речанами.

Ране или руяне занимали остров Рую или Руяну (Руян – современный Рюген). Поморяне сидели на огромном пространстве от Одры до Вислы. Эта территория делилась на две равные части: переднее и заднее Поморье, границей служила река Персанта.

Кроме того, в средневековых источниках упоминаются дошане, любичи, земчи, литичи и нелитичи. А.А. Котляревский выдвинул гипотезу, что последние названия относились не к племенам в собственном смысле слова, а к поземельным округам, жупам или родовым поселкам⁶.

Общее количество народонаселения определить, конечно, невозможно; но в источниках встречаются несколько указаний, которые дают повод думать, что край, несмотря на многие леса и пустоши, был заселен весьма плотно. Так, Эйнгард замечает, что в походе Карла Великого против чехов участвовали полчища бесчисленных славян. В битве у Лунчина, по известию Видукинда, сражалось бесчисленное множество славян, одних убитых было 120–200 тысяч. О многочисленности славян по разным случаям упоминают и другие хронисты, Метенские анналы, Лиутпранд⁷, Адам Бременский, Ордрик Виталий, Гельмонд.

Балтийские славяне, так же как и большинство народов в древности, руководствовались в обыденной жизни преимущественно обычаями, преданиями и примерами отцов, жили по старине и «закону свату»⁸, установленному предками и переданному ими, как наследие, – потомкам.

В публичной организации власти у балтийских славян ведущее место принадлежало народу, который сходился на сеймы и веча. Иногда дело обстояло так, что даже князь с дружиной отступали на задний план, при решении большинства общеплеменных вопросов, как это было у лютичей еще в X веке. На вече обычно сходились все желающие поучаствовать в общественной жизни⁹.

Народные собрания, как правило, организовывались на площадях или специальных вечевых местах, где были устроены специальные возвышения (ступени), с которых выборные обращались к людям. По свидетельству немецких миссионеров, балтийские славяне собирались на народную сходку два раза в неделю в торговые дни¹⁰.

Вечевые решения принимались единогласно, причем особо прислушивались к мнению лучших людей. Несогласные с народной волей терпели постоянные санкции в виде штрафов, телесных побоев и даже поджогов¹¹.

Компетенция веча строго не определялась, будучи верховным органом власти, теоретически и практически оно могло рассмотреть любое общеплеменное дело. Народ, например, влиял на избрание князя, выбирал религию, решал вопросы о войне и мире¹².

Вместе с тем, соотношение княжеской и вечаевой власти у отдельных балтийских племен представляет уникальный предмет изучения. «У велетов, – пишет Эйнгард, княжил Любы с братом; страна между ними была разделена, но будучи старшим, Любы имел верховную власть. Он погиб, и осталось от него два сына, Мильгость и Чедраг. Народ поставил князем Мильгостью, потому что он был старший брат, но потом, найдя его недостойным, свергнул и вручил власть второму. Другой факт, <...> записанный Эйнгардом, свидетельствует, что когда между бодричами и князем их возникли недоразумения, то Людовиком Благочестивым, императором германским, был спрошен через послов народ бодрицкий: хочет-ли он, чтобы князь продолжал у них княжить; мнение людей лучших было за оставление князя, поэтому он и был утвержден в княжении. Вообще во всех Славянских землях народ распоряжался прес-

⁶ См.: Котляревский А.А. Указ. соч. С. 27.

⁷ См.: Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Отгоне; Отчет о посольстве в Константинополь. 2-е изд., исправ. и доп. / пер. с лат., коммент. И.В. Дьяконова, ред. И.А. Настенко. М., 2012. С. 96.

⁸ См.: там же. С. 80.

⁹ См.: Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV вв. Варшава, 1882. С. 26.

¹⁰ См.: там же. С. 27.

¹¹ См.: там же. С. 27–29.

¹² См.: там же. С. 32.

толом, не только во времена древние, но и в историческую эпоху, когда власть князя усилилась под влиянием начал иноземных, а особенно христианства»¹³.

В Поморье княжеская власть, вплоть до германского завоевания, находилась в неразвитом состоянии. Князь был первый среди равных по богатству и могуществу знатных людей земли. Согласно этому и права его были не многим выше прав прочих знатных. Он владел большими поместьями и сильными крепостями, ему принадлежало право почина в общественных делах: назначение и созыв сеймов знатных людей для обсуждения и решения дел, он был главным воеводою ополчения земли и представителем ее на переговорах о мире. Но при всем этом власть князя была не только слаба фактически, но и основывалась на весьма шатких правах. Князь по своему усмотрению, без согласия прочих

знатных, не мог ничего предпринять важного в отношении всей земли. Авторитет князя был очень слаб в больших городах. Так, жители Штетина часто воевали со своими князьями и грабили их владения.

«В древнем Славянском строе, – пишет В. Дьячан, – обнаруживается отсутствие родовой аристократии. Через аристократию, ту именно стихию, которую балтийские славяне внесли к себе от чужеземцев, вошла гибель к ним. При водворении христианства и немецкого влияния на Поморье знать тотчас же онемечилась и получила такую же власть, какую имела германская знать. Князь, не находя против нею опоры у себя, в обессиленной народной общине, должен был со своей стороны приглашать в свои города немецких горожан и водворять на Поморье немецкий быт»¹⁴.

Таким образом, из-за предательства князей, боровшихся с народными полномочиями веча, Поморье сделалось немецкой вотчиною.

¹³ Дьячан В. Указ. соч. С. 33.

¹⁴ Дьячан В. Указ. соч. С. 34–35.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич

Аннотация: в статье говорится о содержании статуса человека как совокупности его прав и обязанностей вместе с наличием юридической ответственности. Рассматривается сущность прав и обязанностей человека в обществе и государстве. Анализируется отдельно категория прав человека и их значение в современном мире. Дается характеристика обязанностей человека в соотношении с его правами. Проводится различие между статусом человека в обществе и государстве.

Annotation: the article refers to the content of a person's status as a set of rights and responsibilities along with the presence of legal liability. The essence of human rights and responsibilities in the society and in the state is considered. The category of human rights and their importance in contemporary world is analyzed separately. The characteristic of human responsibilities in correlation with his/her rights is given. The status of the individual in the society and in the state is distinguished.

Ключевые слова: статус человека, права человека, обязанности человека, юридическая ответственность, общество, государство.

Key words: the individual's status, human rights, human responsibilities, legal liability, society, the state.

Универсальный правовой статус человека исходит из единства его прав и обязанностей при наличии юридической ответственности за злоупотребление правами и(или) неисполнение обязанностей. При доминанте прав человека предполагается оптимальное, а следовательно, разумное соотношение названных прав с необходимыми обязанностями, что должно быть отражением объективных общественных отношений в реальной действительности и с возможностями в наибольшей степени закрепления этих положений в законе. Понимание разумного соотношения прав и обязанностей человека, их естественного, а затем позитивного содержания, требует отдельного анализа названных компонентов статуса человека с проецированием их на современные требования интересов общества.

Как известно, *абсолютизация прав человека* в правовой действительности имеет свои объективные предпосылки, как в историческом, так и современном ракурсах, поскольку:

1) человек является основой общества, что относимо к каждому из живущих на Земле, независимо от социального окружения;

2) имеет место постоянный общественный, интеллектуальный и гражданский рост самосознания, самоактуализации и самоутверждения человека, чему способствуют:

- уровень образования и правосознания;
- уровень мировой информатизации общества (Интернет, СМИ);
- политическая активность граждан, реализующих свои личные и публичные права;

– объединенность людей вследствие факторов глобализации в политике, экономике, социальной жизни;

3) права человека в XX веке приобрели значение в качестве международной категории права, защищаемой национальными и международными системами юстиции с вынесением соответствующих санкций;

в то же время:

4) права человека и человеческая жизнь в исторической ретроспективе, как правило, всегда имели второстепенное значение, в отличие от интересов общества и(или) государства, для которых человек был не более чем расходным материалом при достижении поставленных целей;

5) современный уровень технических, военных, пропагандистских, психологических и иных факторов негативных воздействия на человека несравненно мощнее, чем до начала XX века, и данная тенденция со стороны ряда государственных режимов и социальных групп направлена на усиление и совершенствование.

Доминирование прав человека одновременно налагает на того же человека выполнение *обязанностей*, «отталкивающихся» из социального окружения, когда первой и основной обязанностью является соблюдение прав другого лица, которые могут переходить в права общества¹. Из этого имеется неразрывная связь

¹ Переход прав отдельного человека в права общества не заменяет одно другого, поскольку это разные понятия. Другими словами, права отдельных лиц и права общества, при всей схожести данных

прав и обязанностей, выражаемая в формуле: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав»². В то же время права и обязанности по отношению к внутренним свойствам человека и его внешним функциям не могут быть равнозначны. Истинные права человека, свойственные ему с рождения, дают возможность жизни и влекут ее нормальное проявление во внешнем мире в условиях равенства и свободы. Обязанности, в силу их императивного характера и с угрозой ответственности, объективно ограничивают человека в свободном существовании, заставляя выполнять действия в пользу других лиц. Отсюда права, как естественно принадлежащие человеку свойства его бытия в мире, находятся на первом месте, а обязанности, как исходные факторы, существующие от внешнего окружения, на втором. Соответственно обязанности вытекают из прав с учетом необходимости соблюдения прав человека как условия нормальной жизни людей, независимо в локальном или во всеобщем масштабах. Н.В. Витрук правильно определяет, что юридические обязанности рассматриваются в качестве коррелятов прав и свобод личности и это подчеркивает их производный характер³. Из этого следует, что лишь при наличии прав человека, их сохранении как незыблемой основы жизни каждого индивида, возникают обязанности в той мере, в которой они сохраняют права других людей.

По своему существу обязанности в корне отличаются от прав человека, неся в себе фактически ограничение определенных прав, как своих, так и другого лица, что всегда составляет проблематику юридического статуса человека. Использование человеком своих прав зависит от самого человека, и государство должно лишь гарантировать их соблюдение с тем, чтобы они не ограничивали права других лиц и общественных интересов. В отличие от этого, обязанности человека социально обусловлены и указывают на должное поведение человека в обществе, то есть на необходимость конкретного выбора способа действий в исходно задаваемых условиях. Обязанности человека в той мере являются подлежащими без-

условному исполнению, в которой они исходят из необходимой меры обеспечения основных прав других людей на свободу, равенство, справедливость и собственность, и вытекающих из этого иных материальных и нематериальных прав. «Обязанность есть необходимость действия из уважения к нравственному закону», – писал Вл.С. Соловьев⁴. Данная мысль верна лишь отчасти, поскольку не только нравственные, но и материальные причины существования общества и государства лежат в основе обязанностей человека.

Как мы указывали, права человека в своей основе порождены фактом его рождения и принадлежат человеку от природы, независимо от юридических предписаний и отношения к этому общества. Однако и обязанности, хотим мы того или нет, также естественны, но в силу не индивидуальной, а общественной природы человека. В отличие от природной (естественной) сути прав человека, его обязанности лежат в основе социальной действительности, то есть в силу существования человека в обществе, вследствие чего они (обязанности) также нераздельны с человеком как существом социальным. И.И. Кальной, анализируя отношение человека к нормам общества, а следовательно, к обязанностям, пишет: «Духовное «Я» не приемлет тоталитарного режима, тогда как социальное «Я» достаточно спокойно адаптирует его нормы, ибо социальное «Я» соткано из реально существующих отношений конкретного общества»⁵. Отсюда человек, постоянно окруженный социальной действительностью, а таким является практически каждый, понимает обязанности также естественно, как и свои права. Вопрос здесь может встать только в степени или количественном факторе обязанностей, однако их признание и выполнение как отдельной категории права практически ни у кого не вызывает сомнений.

Несмотря на тесную взаимосвязь прав человека с его обязанностями, последние не всегда непосредственно связаны с видимыми правами человека. Связь между правами и обязанностями человека носит как непосредственный, так и опосредованный характер, проявляемый через предписываемые человеку в различных законодательных актах обязательные

понятий, – это разные правовые конструкции. Права общества в своем содержании объединяются системно в новое качественное образование, которое часто противопоставляется правам как отдельного человека, так и правам нескольких (множества) лиц. Права же отдельных лиц не соединяются качественно в одно целое, а лишь должны соблюдаться именно как права человека.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. С. 13.

³ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 248.

⁴ Соловьев Вл.С. Формальный принцип нравственности (Канта) – изложение и оценка с критическими замечаниями об эмпирической этике // Оправдание добра / Вл.С. Соловьев. М., 2010. С. 634.

⁵ Кальной И.И. Философия права : учеб. М., 2006. С. 159.

нормы поведения, а то и прямые запреты, которые человек должен соблюдать. Например, из обязательности соблюдения лицом Правил дорожного движения напрямую следует право другого человека на безопасные условия его существования на дороге, независимо будь он пешеходом, пассажиром или водителем. Однако, например, обязанность получить разрешение на строительство дома в условиях города лишь опосредованно указывает на права человека по обеспечению его интересов на создание оптимальных условий для жизнедеятельности, включая условия труда и отдыха. В последнем случае видится весьма тонкая и напряженная грань между соблюдением непосредственно прав человека и правами человека, которые больше видны при коллективном праве, хотя по своей сути и они носят индивидуальный характер. И здесь, при исследовании прав множества лиц, бывает трудно отделить права человека от его обязанностей в случае соотношения или даже противопоставления коллективных прав и прав отдельного лица. В то же время при более глубоком рассмотрении любые обязанности лица исходят из прав другого человека (множества людей), что делает обязанности каждого индивида такими же естественными, как и права человека.

Отсюда статус человека есть соотношение между его правами и обязанностями, когда последние исходят из требований прав других людей и общества в конкретных жизненных ситуациях. Все это проистекает из логики естественного положения вещей. Обязанности человека также, как, собственно, и его права, должны изначально вытекать из естественных положений общественного бытия и отношений. Тем самым, естественность прав и обязанностей в качестве нормального существующего баланса имеет абсолютную объективность, в качестве двуединого статуса человека в обществе. И, наконец, из взаимосвязи естественного и позитивного права статус человека, хоть и относим больше к юридическим понятиям, однако, сам по себе должен иметь в своей основе природную или естественную содержательную суть, а лишь затем формальное закрепление в законе.

Нельзя не заметить, что история и черты нашего времени показывают, что отношение государства к человеку требует выполнения больших обязанностей при соблюдении минимума прав без объективной необходимости оптимального соизмерения данных компонентов права.

Например, ст. 31 Конституции РФ предусматривает: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование». Заметим, что в данном положении нет никаких оговорок о порядке проведения перечисленных мероприятий и, следовательно, иных обязанностей, кроме как «мирно и без оружия». Однако государственные органы часто возводят в обязанность собирающимся лицам согласовывать перечисленные мероприятия с различными госучреждениями, аргументируя это правами других лиц на «порядок на улицах», «тишину», «возможности двигаться другим людям по населенному пункту» и т.д. «Жонглирование» перечисленными причинами, если в полной мере учитывать факторы «тишины» и «порядка на улицах», фактически означает нарушение права, предусмотренного ст. 31 Конституции РФ, поскольку сами по себе демонстрации и митинги не могут по своему содержанию и форме не нарушать тишины и обычного порядка. Здесь мы имеем в виду разумное соотношение прав и обязанностей с выполнением как естественных положений общественного бытия, так и их юридического отражения в нормативных актах. В то же время, злоупотребление правом на свободные шествия может в реальности коснуться прав других лиц на отдых или безопасность, из чего исходит обязанность лиц, проводящих демонстрации в разумных пределах использовать свои права, не забывая в связи с этим об обязанностях. Демонстрации различных воинствующих или радикальных организаций, связанных с экстремистскими течениями в религии, националистическими призывами, а то и воинствующими лозунгами агрессивного характера, противоречат обязанности собираться на подобные мероприятия мирно, а следовательно, в данном случае органы государства часто вполне законно ограничивают права на перечисленные мероприятия.

Рассмотрим статус человека более внимательно в связи с его связью с обществом как естественной средой обитания человека, где баланс его прав и обязанностей в мировой истории находился в постоянном движении, хотя в направлении прогрессивного развития.

Ранее мы определили, что права человека имеются у него с рождения, они неотчуждаемы и являются естественным свойством в его жизнедеятельности. В то же время, как и в вопросе с собственностью, эти права имеют значение только в обществе, то есть при наличии

социального окружения в виде, как минимум, одного человека. Вряд ли единственный человек на Земле (на необитаемом острове) будет знать о своих правах, которые никто не сможет нарушить или даже сказать о них. Один человек всегда свободен, равен самому себе, являясь по аналогии с животными частью природы на планете. Но на это английский философ Д. Локк вопрошает: если человек в естественном состоянии так свободен, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстанется он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На свой вопрос Д. Локк отвечает, что хотя в естественном состоянии человек обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедливость, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое, хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений. И не без причины человек разыскивает и готов присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного сохранения своих жизней, свобод и владений, то, что называется общим именем «собственность». Из этого Д. Локк делает вывод, что великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого: во-первых, закона, в качестве общего мерила справедливости и несправедливости; во-вторых, знающего и беспристрастного судьи и, в-третьих, силы, исполняющей справедливый приговор⁶.

Д. Локк, указывая на главную причину существования человека в обществе как сохранение собственности, конечно, не учитывает духовные, психологические запросы человека в общении, которые вряд ли могут быть ниже

по значению, чем охрана права собственности. Хотя саму категорию собственности в рассматриваемом контексте можно определять в качестве основания более широких интересов, чем только право на объекты материального мира. Главным же в этой мысли является то, что жизнь человека в обществе – это необходимость как с объективных, так и с субъективных позиций, замены которой нет и что принимается как данность.

Общество как системное явление является обязательной средой возникновения, развития и существования человека. Это способ жизнедеятельности людей, состоящих из определенных институтов, организаций, отдельных обществ, групп и иных, нередко, небольших общностей. Несмотря на различные формы общества, оно имеет постоянство, где отношения носили и носят естественный характер, исходя из исторических реалий и жизненных необходимостей человеческого развития. И ранее такие указываемые ценности, как равенство, свобода, справедливость, собственность, были и являются обязательными условиями существования общества, вследствие общих и индивидуальных потребностей человека. Говоря о системном характере взаимоотношений личности и общества Ж.-Ж. Руссо выводил, что каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого⁷.

В то же время, как мы знаем, материальное и духовное развитие человечества с непременноостью переходит от естественных отношений в юридические, а в результате формирования экономических и властных отношений в обществе возникает государство как руководящий «каркас» общества. С определенного исторического момента общество и государство развиваются параллельно с неременной тенденцией в максимальной степени подчинения общества государству, однако тождественными данные социальные институты никогда не становятся. Содержанием общества является политическая, экономическая, духовная и социальная жизнь и все иные промежуточные и не всегда заметные сферы человеческого бытия. Государство в силу своих объективных возможностей и функциональной роли

⁶ Локк Д. Два трактата о правлении // Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 291–293.

⁷ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права // Трактаты. М., 1969. С. 151–165.

не могло и не может вбирать в себя весь объем деятельности общества, ограничиваясь в основном политическим компонентом властвования. Хотя в определенной степени органы государства правовыми способами регламентируют области экономики, культуры и социальной жизни, но это не носит доминирующего значения. Современный уровень государственности, накопленные знания, опыт, научная систематизация политической жизни достаточно четко очерчивают границы государственных сфер регулирования, не давая возможности без объективной необходимости применять властные отношения в обществе и его отдельных областях.

В такой картине возникали и возникают сложные схемы формирования прав и обязанностей человека по отношению к обществу и государству. Если по отношению к обществу права и обязанности человека в основном исходят из нормального соотношения потребностей человека и интересов общества, то по отношению к государству, как мы уже указывали, нередко наблюдается дисбаланс в сторону ограничения прав и увеличения обязанностей. Более того, в истории человечества вообще имеются примеры наличия только обязанностей человека при отсутствии его прав, хотя в реальной жизни подобный статус человека вряд ли представим.

В целом, подбивая определенный итог нашим рассуждениям, укажем, что содержание прав и обязанностей человека исходит, в первую очередь, из его индивидуальных интересов, соотносимых с интересами общества и разумностью интересов государства. Необходимость государства, о чем мы неоднократно подчеркивали, влечет необходимость формирования статуса человека в соответствии с общественным и государственным устройством жизни, что означает обязательное наличие не только прав, но и обя-

занностей. Государство в этом видении не может видеться только в отрицательном значении. Принудительная сила государства, по мнению И.А. Ильина, и разносторонность его деятельности при правильной организации не только не подавляют свободную духовную жизнь человека, но и создают для нее благоприятные условия. Выработать эту правильную организацию составляет высшую задачу человечества в его политической деятельности⁸.

Государство в интересах человеческой жизни регламентирует наиболее важные права и обязанности человека, которые в большей степени соотносятся с интересами государства. Эти права и обязанности, разумеется, влияют на положение человека в обществе, и, более того, формируют сами общественные отношения. Однако все права и обязанности человека в общественном окружении невозможно определить в виду огромной палитры отношений в обществе, где не все регулируется юридическими нормами. Из этого всегда имеют место моральные (нравственные) права и обязанности человека в обществе и юридические права и обязанности человека в государстве. Эти две взаимосвязанные стороны статуса человека в обществе и государстве, разумеется, не являются антагонистическими, а во многом переплетаются между собой, определяя положение субъекта в общественных и правовых отношениях. Отсюда правовой статус человека как совокупность наиболее важных прав и обязанностей человека в обществе и государстве закрепляется в законодательных нормах и носит обязательный характер. Такая обязательность вытекает из системности построенных юридических отношений, связанности прав и обязанностей одного лица с правами и обязанностями другого и, наконец, возможной юридической ответственности за неисполнение статусных норм субъекта права.

⁸ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С 111.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КАЛАШНИКОВ Сергей Валерьевич

Аннотация: автор анализирует условия создания гражданского общества в современной России, формы взаимодействия государства и гражданского общества, основные функции гражданского общества и гарантии его существования. Отмечается роль местного самоуправления в развитии гражданского общества в современной России.

Annotation: the author analyses problems create civil society in Russia, forms reciprocity state and civil society, basis functions civil society, and guarantees his existence. In this scientific article underline role local management of development civil society in modern Russia.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, право, современная Россия.

Key words: civil society, state, law, modern Russia.

Демократизация всех сфер общественной жизни в современной России, создание институтов гражданского общества, пытающихся противодействовать государственной мафиозно-олигархо-бюрократической системе власти, гигантские масштабы коррумпированности механизма государственной власти, высокий уровень правового нигилизма и недоверия граждан и общества к праву и к государственной власти способствуют формированию *нового общественного сознания*, основанного на активизации граждан Российской Федерации своего участия в управлении государственными делами, а также усилении общественного контроля за государственной и муниципальной властью.

Формирование в России гражданского общества предполагает достижение благополучия и процветания всего общества, повышения социально-экономического уровня жизни населения, его духовно-нравственного развития и политической стабильности, подчинение государства праву. Процесс его формирования сопровождается реформированием всех ветвей государственной власти на основе Конституции РФ 1993 года, направлен на сбалансированное сочетание, равноправное сотрудничество и координацию деятельности государственных органов власти и негосударственных структур: общественных объединений, ассоциаций, движений, союзов и т.п.

Для того чтобы понять и изучить особенности формирования гражданского общества в условиях России, уместно обратиться к истокам философской мысли времен Античности.

Глубина проблем исследования вопроса о формировании гражданского общества уходит своими корнями в глубь веков, во времена известного философа Аристотеля, позднее в XVII–XVIII веках более подробная концепция гражданского общества нашла свое отражение в различных идеях о гражданском обществе, отраженных в трудах Т. Гоббса, Б. Спинозы, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта и других мыслителей того времени¹.

Определенный вклад в развитие идеи о формировании гражданского общества внесли классики марксизма – К. Маркс и Ф. Энгельс².

На протяжении длительного советского периода в истории нашего государства проблемам формирования гражданского общества не уделялось должного внимания в силу известных объективных причин и условий, связанных с особенностями его общественного и государственного устройства.

Гражданское общество – это очень сложная, многоплановая категория, процесс создания его зависит от множества факторов, условий, как внутрисударственных, так и внешних. Формирование гражданского об-

¹ Аристотель. Политика. М., 1965. Ч. III. С. 5; Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1989; Спиноза Б. Формирование гражданского общества в современной России // Социологические исследования 1994–1995. Л.; М., 1996; Локк Дж. Избранные произведения: в 3 т. М., 1988; Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре. М., 1938; Он же. Трактаты. М., 1969; Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990; Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1963–1966. Т. 6. С. 5 и др.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. I. С. 245; Т. 21. С. 220; Т. 13. С. 6.

щества может затянуться не только на многие годы, десятилетия, но и века³.

В научной литературе само понятие и предназначение формирующегося в России гражданского общества, а также многие иные аспекты этой сложной философской категории ученые рассматривают по-разному⁴.

В условиях России создание гражданского общества возможно параллельно с процессом построения правового государства, существующего в рамках демократического конституционного строя, обеспечивающего подчинение государства праву и социально ориентированной рыночной экономики. Его формирование и дальнейшее развитие должны сопровождаться реформированием государственной власти и демократизацией всех сфер общественной жизни. Формирование гражданского общества и построение правового государства непосредственно связано с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, соблюдением и единообразным применением Конституции РФ и федеральных законов на всей территории страны, с переходом к социально ориентированной рыночной экономике, повышением социально-экономического уровня жизни, политической стабильностью, достижением высокого духовно-нравственного развития. Этот процесс невозможен без достижения высокого уровня правового сознания и правовой культуры должностных лиц государственного аппарата и граждан, обеспечения режима законности и правопорядка во всех сферах общественных отношений.

³ В начале 1990-х гг. возрос интерес отечественных ученых к проблемам становления и развития в условиях России гражданского общества, которые нашли свое отражение в трудах В.В. Витюка, А.Н. Галкина, В.В. Гребенникова, Г.Н. Манова, О.Г. Румянцев, В.Д. Зорькина, Л.С. Мазут, В.А. Кикоть, В.В. Колбановского, А.П. Кочеткова, Ю.С. Красина, О.Е. Кутафина, С.Л. Серебрякова, З.М. Черниловского, Ю.И. Шелестова, коллектива кафедры государственно-правовых дисциплин и других авторов. (Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995. С. 14–15; Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 84–89; Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994. С. 75–78; Зорькин В.Д. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / под ред. Г.Н. Манова. М., 1991. С. 7–8; Красин Ю.С., Галкин А.Н. Гражданское общество: пути к стабильности // Диалог. 1992. № 3. С. 73; Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 30; Кочетков А.П. Россия на пороге XXI века. М., 1988. С. 13–15; Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6. С. 150 и др.

⁴ Борисевич М.М. Проблемы формирования гражданского общества и их разрешение // Экономика и право. 2012. № 5–6. С. 11–25.

В самом же понимании, по мнению автора, *гражданское общество* – это система, включающая в себя все элементы политической организации общества, кроме государства, а также нормативную основу организации и функционирования институтов гражданского общества, включающую все виды социальных норм, идеологическую основу общества и средства массовой информации (СМИ). Оно представляет собой систему негосударственных горизонтальных связей и отношений, основанных на принципах демократического конституционного строя, нацеленных на сбалансированное сочетание и защиту законных прав, свобод и интересов граждан, общественных объединений и государства, при условии господства права и верховенства Закона во имя благополучия и процветания.

Его можно рассматривать как *некий противовес государству* или государственной политической власти с ее тенденциями к «ненасыщаемости», то есть к постоянному расширению предмета своего ведения и бесконтрольности. Указанный противовес должен служить определенной сдерживающей силой и контролем государственной политической власти, с одной стороны. С другой – ее помощником в той деятельности, которая не противоречит интересам гражданского общества.

Сущность же гражданского общества состоит в выражении воли и служении интересам народа или непосредственно населения.

Как было ранее замечено, на процесс формирования гражданского общества в России влияют как внутригосударственные, так и внешние предпосылки (условия). Для формирования гражданского общества внутри России должны быть созданы *определенные предпосылки*: идеологические, политические, социально-экономические, духовно-культурные, нравственные и иные. Существенное влияние на этот процесс оказывает *внешний фактор* (интеграционные процессы, в рамках межгосударственной системы, международные отношения РФ с другими государствами и международными организациями, например ООН).

Формами взаимодействия государства и гражданского общества в условиях формирования последнего в России могут стать: 1) сотрудничество институтов гражданского общества и органов государственной власти в форме создания согласительных комиссий по решению различных проблем, например, в социально-экономической сфере, по противодействи-

вию организованной преступности, по борьбе с коррупцией и др.; 2) сочетание общественного и государственного контроля; 3) сотрудничество института Уполномоченного по правам человека в РФ и правозащитных организаций и др.

Признаками гражданского общества, применительно к России, являются: многопартийная политическая система, основанная на политическом и идеологическом плюрализме, свобода слова, прессы (СМИ); создание и активизация негосударственных общественных, неправительственных организаций, союзов, ассоциаций, движений, клубов по интересам и т.п., функционирующих в различных сферах жизнедеятельности общества; обеспечение, поддержка и защита государством местного самоуправления; существование фактического конституционного строя в России, обеспечивающего подчинение государства праву; наличие эффективного механизма реализации прав и свобод человека и гражданина на всех уровнях, включая: федеральный, региональный и местный уровни власти; наличие действенного контроля общества за государственной властью со стороны (негосударственных структур); конституционная ответственность государства, социально ориентированная рыночная экономика.

Основными функциями формирующегося в России гражданского общества на современном этапе его развития являются следующие:

1) нормотворческая; 2) контрольная за государственной властью и элементами гражданского общества; 3) участия в осуществлении государственной политической власти; 4) правоохранительная (судебная); 5) поддержки государственной власти или противодействия ей; 6) оказание материальной помощи государственной политической власти; 7) воспитательная и образовательная и др.

Формирование гражданского общества в России немыслимо без *национальной идеи*. Таковой может стать идея, состоящая в максимальной защищенности личности. Ядром ее должен стать человек, забота государства и общества о человеке, создание ими условий, необходимых для реализации творческого его потенциала на благо всего общества, максимальная защита личности, ее законных прав, свобод и интересов.

Модель федеративных отношений в условиях формирования в России гражданского общества должна основываться не только на общеизвестных конституционных принципах, закрепленных в (ст. 5) Конституции РФ. Осно-

ву нынешнего федеративного устройства в условиях формирования в России гражданского общества должны составлять следующие принципы: учет взаимных интересов федерального центра и субъектов федерации, обеспечение субъектами федерации соблюдения Конституции РФ и соответствия законодательства субъектов федерации законодательству РФ, договорное сотрудничество, координация международного сотрудничества и внешнеполитической и экономической деятельности, приоритет сотрудничества в области обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан, охраны жизни, здоровья населения, окружающей природной среды, а также *постепенное выравнивание уровня жизни граждан РФ на всей территории страны*.

Гарантами обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан, их объединений, а следовательно, гражданского общества должно стать не только государство в лице органов государственной власти, должностных лиц, подчиненных Закону и действующих в соответствии с ним и во имя его исполнения, но и сами институты гражданского общества. К их числу относятся также и негосударственные структуры – правозащитные организации, средства массовой информации, суды присяжных, мировые судьи, адвокатура, местное самоуправление и иные общественные объединения. Особое место в системе гарантий гражданского общества занимают суды всех уровней и Уполномоченный по правам человека в РФ, уполномоченные по правам человека в субъектах РФ, а также адвокатура и Общественная палата РФ. В целях эффективности обеспечения законных прав и интересов граждан, по мнению автора, представляется необходимым наделить Уполномоченного по правам человека в РФ правом законодательной инициативы, внося соответствующее дополнение в Закон «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» или в Конституцию страны.

К числу международно-правовых гарантий формирующегося в России гражданского общества относятся принципы и нормы международного права (международные договоры), международно-правовые институты и механизмы (Международный суд, Комитет и Комиссия ООН по правам человека, международно-правовая (политическая) ответственность России перед мировым сообществом за соблюдение и обеспечение прав человека и гражданина на ее территории).

Гарантиями существования и дальнейшего развития гражданского общества в России является *обеспечение безопасности личности, общества и государства*. В этой связи предлагается принять Закон «О запрещении политического, религиозного и иного экстремизма на территории РФ», в котором сформулировать само понятие экстремизма, цели, задачи и принципы государственной политики по противодействию последнему, правовой статус и полномочия правоохранительных органов, уполномоченных от имени государства осуществлять охранительные и профилактические мероприятия по борьбе с этим явлением, а также ответственность государства перед личностью и обществом за причинение вреда неправомерными действиями его органами.

Формирование гражданского общества в условиях Российской Федерации немыслимо без создания прочной и эффективной системы местного самоуправления, являющейся политической гарантией его существования и дальнейшего развития.

Первоочередными задачами местного самоуправления в условиях формирования гражданского общества в России должны стать: 1) подготовка специалистов для местных органов самоуправления; 2) создание собственной материально-финансовой базы; 3) усиление роли правоохранительных органов (судов, прокуратуры, муниципальной милиции и др.) в обеспечении защиты прав и интересов местного самоуправления.

В целях укрепления правовой базы местного самоуправления представляется целесообразным решить на законодательном уровне следующие вопросы: а) порядок передачи объектов государственной собственности, включая землю, в муниципальную собственность; б) разработать механизм осуществления контроля за исполнением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий; в) основы правового статуса избираемого лица органов местного самоуправления; г) порядок расчета и компенсации органам местного самоуправления средств на исполнение ими решений органов государственной власти, влекущих дополнительные расходы или снижающие доходы местных бюджетов.

По убеждению автора, государственная поддержка в укреплении материальной основы местного самоуправления в сфере финансово-хозяйственной деятельности муниципальных органов должна выражаться прежде всего в со-

вершенствовании межбюджетных отношений, создании условий для развития муниципального хозяйства, оказании методической помощи в решении вопросов формирования и исполнения местных бюджетов, управления муниципальной собственностью, формировании муниципальной инвестиционной политики, направленной на поддержку малого и среднего предпринимательства и т.п.

Достижение экономического благополучия не означает создание гражданского общества. Последнее невозможно без духовного богатства личности, ее высокой духовной культуры и всего общества.

Обесценивание духовно-нравственных ценностей и духовной культуры, без которых невозможно формирование гражданского общества, автор увязывает не только с проблемами социально-экономического характера, но и с исчезновением идеологических принципов советского периода, например, принципов морального кодекса строителя коммунизма и т.п. и отсутствием новой прогрессивной идеологии или национальной идеи. Духовный кризис Российского общества усиливается также правовым нигилизмом, потерей доверия народа к государственной власти, увеличением масштабов коррупции и ростом преступности, экономическими трудностями населения страны. Известно, что духовное богатство любого общества, каждой нации и народа состоит в создании, сохранении и приумножении духовно-нравственного потенциала, без которого немыслим прогресс и формирование гражданского общества.

Гарантиями духовной сферы формирующегося гражданского общества в России должны стать общечеловеческие ценности, принципы морали и нравственности, общепризнанные во всем цивилизованном мире, а также религия, образование, наука и культура. Основной проблемой на пути создания и обеспечения духовного благополучия Российского общества, по мнению автора, с целью его преобразования в гражданское, является проблема *«экологии души человеческой личности»*, которая связана с устранением жестокости, зла, ненависти и зависти в душах людей, искоренением хамства и грубости, равнодушия и эгоизма из реальной жизни и общественного сознания. В условиях формирования гражданского общества мораль должна оставаться свободной от политизации, не должна зависеть от политической ориентации личности, а питаться из руслу исторического опыта страны, ее тради-

ций, обычаев народов, населяющих ее территорию, опираться на общепризнанные мировым сообществом человеческие ценности, достижения национальной и мировой культуры, которые должны передаваться последующим поколениям людей. Важное место в формировании духовного потенциала Российского общества на пути его преобразования в гражданское имеет религия. Церковь отделена от государства, но не отделена от народа. Любая религия должна создавать духовно-нравственные ценности для всего общества: человеколюбие, доброжелательность к людям, добро и милосердие и т.п. Религия, являясь частью духовной культуры личности и общества, должна их возродить. В этой связи одной из главных духовных гарантий духовно-нравственного развития личности и всего общества должны стать: а) обязанность религиозных организаций, служителей культа и религиозных идеологов формировать и ориентировать духовно-нравственное мировоззрение граждан в соответствии с общечеловеческими принципами нравственности; б) уважение и терпимость к представителям других верований и религиозных конфессий; в) достижение согласия и сотрудничества между различными конфессиями, объединение их усилий на единение Российского общества. Правовым решением вопросов укрепления духовных гарантий в условиях формирования гражданского общества в России могут стать *рамочные законы*, закрепляющие общепризнанные мировым сообществом морально-нравственные, этические ценности и правила поведения, например, Моральный кодекс гражданина России, а для военнослужащих, личного состава внутренних войск и сотрудников полиции – Кодекс чести или Этический кодекс.

Духовное благополучие в условиях формирования гражданского общества в стране непосредственно связано с укреплением социальной структуры Российского общества, социальной защищенностью его граждан, преодолением расслоения, социальных конфликтов, бедности, стабилизацией и прогрессивным развитием экономики. Гарантом в решении названных проблем в России должно стать *социальное государство*, способное сориентировать развивающиеся рыночные экономические отношения на создание эффективной системы социального обеспечения и страхования, здравоохранения, безопасной окружающей среды.

К социальным гарантиям гражданского общества, по мнению автора, должны отно-

ситься: эффективная система социального обеспечения; прожиточный минимум, адекватно соответствующий реальной экономической ситуации в стране; обеспечение экологически безопасной окружающей природной среды, улучшение ее качества (экологическая безопасность общества); экологическое образование и воспитание населения, проведение научных экологических исследований; экологическая пропаганда средств массовой информации. Главными направлениями выполнения социальных гарантий гражданского общества в части доходов населения могут относиться: постепенное (поэтапное) приближение минимальных размеров оплаты труда, пенсий и пособий к величине прожиточного минимума; защита финансовых доходов населения от инфляции; организация систематической и безотлагательной помощи той части населения страны, чей совокупный доход ниже прожиточного минимума; сочетание принципа адресности социальной поддержки с укреплением предусмотренных Конституцией Российской Федерации правом социального обеспечения и трудовым законодательством социальных гарантий и льгот; развитие системы социального страхования.

К экономическим гарантиям существования и дальнейшего развития гражданского общества в России автор относит: достаточный (достойный) человека уровень благосостояния граждан и всего общества; природные богатства страны, качество природных ресурсов; реальные материальные средства обеспечения юридических прав и свобод (например, при реализации конституционного права на получение квалифицированной помощи адвоката); многоукладную экономику, многообразие и равноправие всех форм собственности и форм хозяйствования; свободу труда и создание условий для всестороннего развития личности; свободу перемещения товаров, услуг, финансовых средств; свободу предпринимательской и иной, не запрещенной законом деятельности, рынок товаров и услуг; экономическую деятельность, направленную на удовлетворение потребностей граждан; хозяйственную самостоятельность субъектов экономических отношений. Особое место в системе экономических гарантий автор отводит банковским гарантиям, а также конституционную ответственность государства перед личностью и обществом за проводимую им социально-экономическую политику.

К числу основных политических гарантий формирующегося в России гражданского

общества автор относит: демократическое правовое государство в рамках демократического конституционного строя; форму государства; республиканскую форму правления; государственный демократический политический режим; политическую систему общества, ядром которой является политическое и идеологическое разнообразие, а также эффективная система местного самоуправления. Показателем развития гражданского общества является свобода средств массовой информации, которые не должны зависеть от органов государственной власти и их должностных лиц.

Право и правовая система России выступают правовыми гарантиями существования формы государственного устройства, политической и экономической систем, социальной и духовно-культурной сфер, то есть всех сфер формирующегося гражданского общества.

Правовыми гарантиями формирующегося в России гражданского общества автор понимает систему правовых норм, принципов и институтов, условий и средств правового характера, направленных на признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина (личности), общественных объединений, местного самоуправления и иных негосударственных структур, предназначенных для установления особого правового режима неукоснительного соблюдения всеми субъектами права правовых норм в различных сферах общественных отношений, в том числе государством, в целях обеспечения законности и правопорядка. Автор предпринял попытку классифицировать правовые

(специальные юридические) гарантии формирующегося в России гражданского общества на: 1) общие правовые; 2) конституционные; 3) законодательные (институциональные); 4) функциональные (правоохранительные гарантии); 5) процессуально-правовые; 6) международно-правовые.

Таким образом, формирование гражданского общества в Российской Федерации происходит в очень сложных социально-экономических, политических условиях ослабления государственной власти, нарушения законности и правопорядка, обострения международных отношений. Это создает большие трудности на его пути.

Проблемы формирования гражданского общества в условиях России носят комплексный характер. Решение их должно быть увязано с созданием условий для индивидуальной свободы личности, ценности каждого человека, самовыражения каждой личности, недопущением вмешательства государства в лице государственных органов власти в сферу частной жизни граждан.

Самым главным условием формирования гражданского общества применительно к России является создание государства, заинтересованного в формировании зрелого, развитого гражданского общества в России, подчиненного праву, создающему условия для всесторонней защищенности личности, ее конституционных прав и свобод, создающему уверенность личности в ее завтрашнем дне, свободному от коррупции и пользующемуся уважением, доверием гражданского общества.

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КОДЕКСА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

СОЛОВЬЕВ Сергей Геннадьевич

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию причин, обуславливающих необходимость кодификации нормативного материала муниципальных образований Российской Федерации, в ней проведен анализ теоретических и практических проблем, связанных с данным вопросом.

Annotation: the given article investigates the causes necessitating the development of the codification the legal material Municipalities of the Russian Federation in its analysis of the theoretical and practical problems associated with this question.

Ключевые слова: муниципально-правовое регулирование, кодификация нормативных правовых актов, кодекс нормативных правовых актов муниципального образования.

Key words: municipal and legal regulation, codification of normative legal acts, the code of normative legal acts of the municipality.

В условиях современного уровня развития различных сфер российского общества (информационной, политической, управленческой, научной...), когда объективно снижается эффективность директивно-приказных методов руководства, неуклонно возрастает роль местного самоуправления как общественного института, предполагающего самостоятельное решение населением местных вопросов. Формально-правовым подтверждением этого вектора развития является закрепление в Конституции РФ местного самоуправления в числе основ конституционного строя России.

На сегодня очевидно, с точки зрения совершенствования российской государственности, местная власть, структурно отделенная, но в то же время функционально связанная с государством, непосредственно взаимодействующая с населением, представляет собой прочный фундамент как социальной, так и политической стабильности. Слабая же и неэффективная работа органов, составляющих местный уровень власти, очень быстро ощущается местными жителями, которые, как показывает муниципальная практика, переносят ответственность за муниципальные недоработки на всю систему российской государственной власти. При этом нужно особо отметить тот факт, что реальные положительные результаты работы органов местного самоуправления представляют собой основной инструмент сохранения доверия населения как к системе муниципальной власти, так и в целом к публично-властной системе государства.

В связи этим, признавая необходимость совершенствования российской системы местного самоуправления, на сегодня следует обратить особое внимание на качество правовой основы муниципальных образований. Как отмечает Президент РФ В.В. Путин, в настоящее время одной из основных проблем в развитии российского местного самоуправления является качество муниципальных правовых актов¹.

Необходимость кодификации

Анализируя материалы практики надзорной деятельности органов прокуратуры за органами местного самоуправления², нужно констатировать тот факт, что по настоящее время в системе правовых актов большинства российских муниципальных образований имеется большой массив старых, фактически утративших силу, но формально не отмененных нормативных правовых актов. Указанные правовые акты систематизированы лишь по дате их принятия и хранятся в разрозненном виде в организационных отделах представительных органов, канцеляриях администраций, архивах муниципальных образований. Лишь небольшая часть из них имеется в несистематизированном виде в электронных базах справочно-правовых систем, таких как «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс».

¹ Путин В.В. Мы должны не просто говорить о проблемах муниципалитетов, а решать их // Самоуправление. № 2. С. 3.

² Внуков А.И. Вопросы разграничения полномочий органов местного самоуправления в разрезе систематизации муниципальных нормативных правовых актов // Бизнес в законе. 2008. № 2.

Как отмечают многие ученые и практики, специализирующиеся в муниципально-правовой проблематике³, указанное состояние правовой основы местного самоуправления порождает ряд проблем:

1) муниципальные органы и должностные лица не всегда четко ориентируются в том, какие нормативные акты отменены в связи с судебными решениями;

2) у населения нет возможности ознакомиться с требованиями, содержащимися в разрозненных местных правовых актах, принятых в течение длительного времени;

3) большинство местных нормативных актов готовилось в разное время, не юристами, что объективно обуславливает правовые коллизии, которые можно выявить лишь при комплексном исследовании всего массива документов;

4) несистематизированность местных нормативных актов обуславливает проблему обеспечения соответствия местных нормативных актов нормативным актам регионального и федерального уровня;

5) несистематизированность местных нормативных актов обуславливает противоречия в требованиях нормативных актов представительных органов и правовых актов администраций муниципальных образований;

6) существующая бессистемная схема принятия местных нормативных актов исключает системное развитие местного нормативного материала, который лучше изначально формировать в системном виде.

В связи с вышеизложенным, очевидным является тот факт, что на сегодня назрела необходимость использования в муниципальном нормотворчестве современных подходов и технологий организации нормотворческого процесса, отработанных применительно к другим отраслям российского права. Всем же ясно, что в настоящее время не представляется возможным эффективное применение некодифицированного административного, гражданского,

земельного и других кодифицированных отраслей российского законодательства. В связи с этим, спорным представляется положение в сфере муниципального нормотворчества, когда принимаемые муниципальные нормативные акты представляют собой абсолютно не систематизированный массив.

Перечень работ по кодификации

На основании проведенных научных и практических разработок, связанных с кодификацией результатов муниципального нормотворчества, нами предлагается следующая примерная схема работ по проведению систематизации нормативных актов муниципальных образований. Вероятно, на первом этапе это должна быть систематическая инкорпорация, предполагающая систематизацию нормативных актов муниципального образования по тематическим разделам и подготовку электронных версий всех действующих нормативных актов.

Исходя из современного состояния муниципальных нормативных систем, первый этап систематизации нормативных актов муниципальных образований предполагает следующий алгоритм выполнения работ:

1) сбор в единый массив всех действующих нормативно-правовых актов муниципального образования;

2) анализ соответствия действующих нормативно-правовых актов муниципального образования законодательству Российской Федерации и субъекта Российской Федерации;

3) внесение предложений по отмене или изменению нормативно-правовых актов муниципального образования, не соответствующих законодательству Российской Федерации и субъекта Российской Федерации;

4) внесение предложений по корректурке нормативно-правовых актов муниципального образования, не соответствующих требованиям грамматики, пунктуации, стилистики и юридической техники;

5) подготовка электронных версий всех действующих нормативно-правовых актов муниципального образования, соответствующих законодательству Российской Федерации и субъекта Российской Федерации;

6) проведение систематизации действующих нормативно-правовых актов муниципального образования по тематическим разделам, отражающим специфику осуществления местного самоуправления на территории муниципального образования.

Вторым этапом систематизации нормативного материала муниципального образования должно стать проведение кодификации его

³ Внуков А.И. Указ. соч. С. 32–34 ; Курган Н.В. Систематизация муниципальных нормативно-правовых актов // Юристы-Правоведь. 2009. № 4 ; Мозженко И.И. Предложения по систематизации законодательства о местном самоуправлении // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 30–32 ; Шаломенцева Е.Г. Муниципальные правовые акты: система и классификация // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2009. № 3. С. 158–163 ; Яровой Б.Н. К вопросу о кодификации муниципального законодательства // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2007. № 7. С. 32–40 ; Соловьев С.Г. К вопросу о необходимости принятия Муниципального кодекса Российской Федерации // Город. упр. 2012. № 8. С. 23–28.

нормативных правовых актов, предполагающее подготовку и принятие единого документа – Кодекса нормативных правовых актов муниципального образования, содержащего в систематизированном виде правила поведения, принятые муниципальными органами и должностными лицами и обязательные для исполнения на территории данного муниципального образования.

Цели проведения кодификации

Как отмечает Б.Н. Яровой, кодификацию можно определить как особый вид систематизации законодательства, представляющий собой выражение норм права, содержащихся в систематизируемых нормативных правовых актах, в одном новом акте, принятие которого лишает законной силы все эти акты⁴. Проведение кодификации местного нормативного материала позволит решить немало серьезных муниципально-правовых задач:

1. *Кодификация позволит системно объединить в Кодексе нормативных актов муниципального образования все нормы, входящие в нормативную систему муниципального образования.*

В соответствии с действующей системой правового урегулирования российского местного самоуправления муниципальные нормы могут содержаться в следующих муниципальных нормативно-правовых актах:

- а) Уставе муниципального образования;
- б) решениях представительного органа муниципального образования;
- в) постановлениях Главы муниципального образования;
- г) постановлениях Главы администрации муниципального образования.

Однако на сегодня в законодательстве РФ нет определения системы муниципальных правовых актов, последовательно не выстроена их иерархия. К тому же, как отмечает А.И. Внуков⁵, многие проблемы, возникающие в процессе принятия и реализации нормативных актов местных органов самоуправления, вытекают из следующих причин:

1) в законодательстве отсутствует четкая правовая дефиниция статуса нормативного правового акта в системе муниципальных правовых актов;

2) нормативное правовое регулирование вопросов местного значения четко не разграничено между представительным органом ме-

стного самоуправления, главой муниципального образования и местной администрацией.

2. *Кодификация даст возможность объединить в рамках муниципального образования гипотезы, диспозиции и санкции всех муниципальных норм, сосредоточив их в одном системном нормативно-правовом акте – Кодексе нормативных актов муниципального образования.*

На сегодня юридическая техника большинства нормативных правовых актов, принятых на муниципальном уровне, очень далека от совершенства. Речь даже идет не столько о пунктуационных и грамматических ошибках в и логических «перлах» местных законодателей, а о том, что нормотворчество предполагает определенные требования к построению нормативных актов, которые очень часто игнорируются местными законодателями. В результате на уровне муниципалитетов очень часто принимаются нормативные правовые акты с противоречивым содержанием, отсутствующими гипотезами, непонятными диспозициями. Тема же муниципальных санкций (их природа, виды, закрепление, реализация) на сегодня является малопонятной не только правоприменителям, но и достаточно слабо исследованной в теории муниципального права.

3. *Кодификация позволит отграничить нормативные и ненормативные правовые акты в правовой системе муниципального образования.*

Вопрос, связанный с разграничением нормативных и ненормативных правовых актов в правовой системе муниципального образования, является достаточно сложным даже с точки зрения теории муниципального права⁶. Поэтому неудивительно, что в практике муниципального строительства очень часто встречается ситуация, когда субъекты муниципального нормотворчества издают правовые акты, содержащие как нормативные, так и индивидуальные предписания. Очевидно, что ликвидировать подобные правовые проблемы можно, лишь проведя работы по систематизации муниципального законодательства, четко выделив правовые акты, содержащие нормативные предписания.

Следует отметить, что особенно явно данная проблема проявляется при конструировании правовых актов, посвященных правовому

⁴ Яровой Б.Н. Указ. соч. С. 32–40.

⁵ Внуков А.И. Указ. соч. № 2. С. 32.

⁶ Лукьянов В.А., Соловьев С.Г. Муниципальный правовой акт: проблемные вопросы теории и практики // Гос. власть и местное самоуправление. 2007. № 5. С. 11–12.

регулированию сферы жилищно-коммунального хозяйства. Анализ правовых актов муниципальных образований в данной сфере показывает, что многие из них содержат как нормы муниципального права, так и индивидуализированные предписания, обращенные к отдельным категориям субъектов права.

Так, местные нормативные акты, определяющие цены и тарифы на жилищно-коммунальные услуги для потребителей муниципального образования, устанавливают:

1) правовые нормы, обязательные для населения всего муниципального образования;

2) индивидуализированные правовые требования, ориентированные исключительно на коммунальные организации, являющиеся поставщиками услуг.

4. Проведение кодификации прекратит действие всех нормативных актов, в разное время принятых на территории муниципального образования, в значительной мере сняв содержащиеся в них противоречия.

Однозначно положительным в кодификации является группировка требований, содержащихся в разрозненных правовых актах по определенной схеме. Ее реализация позволяет произвести анализ всего нормативного материала, принятого в муниципальном образовании, выйти на проблемы, связанные с регулированием той или иной группы общественных отношений, определить правовые коллизии и нормативно закрепить механизмы их разрешения.

Помимо этого, кодификация муниципального нормативного материала позволит признать правовые акты, выработавшие свой регулирующий ресурс, утратившими силу, а также устранить имеющиеся неточности в муниципальных правовых актах, дублирование муниципальных правовых норм, а также имеющиеся и возникающие противоречия в муниципальных правовых актах.

5. Кодификация разгрузит весь нормативный блок, действующий на территории муниципального образования, избавит его от огромного массива разрозненных муниципальных нормативных правовых актов.

Развитие совокупности муниципальных нормативных правовых актов предпочтительнее осуществлять в системе, предполагающей сокращение количества действующих муниципальных нормативных правовых актов и использование в муниципальном нормотворчестве современных подходов и технологий организации нормотворческого процесса, обрабо-

танных применительно к другим отраслям российского права, таким как административное, гражданское, земельное и другим кодифицированным отраслям российского права.

К тому же необходимо учитывать и тот факт, что существующий огромный бессистемный массив разрозненных нормативных правовых актов муниципальных образований будет с неизбежностью все более увеличиваться и затруднять правоприменение, так как в нем изначально заложен вектор соответствующего бессистемного развития.

6. Кодификация позволит выразить муниципальные нормативно-правовые предписания в концентрированном виде.

При формировании нормативного массива муниципальной отрасли права предпочтительнее использовать все достижения юридической техники, направленные на уменьшение объема нормативного материала, подлежащего изучению и применению. В настоящее время очевидно, что только кодификация нормативного массива муниципальной отрасли права позволит избежать дублирования схожих гипотез и диспозиций многих муниципально-правовых норм, закрепляющих в многочисленных местных нормативных правовых актах процедурные вопросы, связанные осуществлением разнообразных вопросов местного значения

7. Кодификация уменьшит объем нормативного материала, подлежащий изучению муниципальными органами и должностными лицами.

В научной литературе много говорится о том, что на сегодня в муниципальных образованиях существует проблема, связанная с тем, что многие местные государственные и муниципальные органы и должностные лица не всегда знают, какие из муниципальных нормативных правовых актов действуют, а какие отменены полностью или частично последующими актами, появляющимися в связи с принятием судебных решений. Кроме того, в последнее время явно обозначилась проблема соответствия местных нормативных актов федеральным актам и актам субъектов Российской Федерации, так как местное нормотворчество часто опережает федеральное. Такая запутанность и противоречивость законодательства объективно создает проблемы с исполнением предписаний, содержащихся в нормативных актах, а также с применением необходимых методов управления, в частности мер принуждения. Поэтому должностные лица органов, например, санэпиднадзора, налоговой инспекции и т.п., не

всегда могут обеспечить должное исполнение местных нормативных актов⁷.

8. *Кодификация уменьшит объем нормативного материала, подлежащий анализу соответствующими контрольно-надзорными органами и должностными лицами.*

Очевидно, что государство, признавая местное самоуправление как социальный институт, решающий вопросы местного значения, должно иметь возможность контролировать посредством контрольной деятельности своих органов и должностных лиц исполнение муниципалитетами своих законодательно оформленных требований. Однако накопленный к настоящему времени в муниципалитетах огромный несистематизированный пласт местных правовых актов физически очень сложно проверить в разумные сроки проверяющим организациям. Как правило, подобные проверки основываются на анализе документов, представленных по их запросам органами местного самоуправления, которые, как указывалось выше, сами не всегда четко ориентируются в отграничении нормативных и ненормативных правовых актов, а также количестве действующих или отмененных местных нормативных актов.

Помимо этого, кодификация значительно облегчит процедуру ведения и улучшит качество Регистра муниципальных нормативных правовых актов, так как часто должностные лица органов местного самоуправления достаточно произвольно определяют принадлежность того или иного правового акта к нормативным и соответственно не посылают их для регистрации в орган, ведущий Регистр муниципальных нормативных правовых актов.

9. *Кодификация позволяет четко изложить и систематизировать объем нормативного материала, подлежащий применению муниципальными органами и должностными лицами.*

Как показывает муниципальная правоприменительная практика, органы и должностные лица местного самоуправления, применяющие муниципальные правовые нормы, очень часто не имеют четкого представления о количестве, системе и иерархии муниципальных нормативных правовых актов, принятых по тому или иному вопросу местного значения. К тому же, как уже указывалось, многие из них не в состоянии оперативно отслеживать

материалы правоприменительной деятельности судебных органов, периодически признающих незаконными требования тех или иных муниципальных норм. Кодификация же муниципального нормативного материала позволит в определенной степени ликвидировать указанные проблемы.

10. *Кодификация даст возможность жителям муниципального образования системно усвоить требования норм муниципального права, сократив время на исследование огромного массива муниципальных нормативных актов.*

На сегодня следует признать тот факт, что система муниципальной отрасли права является одной из самых объемных в системе отраслей российского права и включает в свой состав огромное количество нормативных документов, принятых на федеральном уровне, уровне субъектов РФ и муниципальном уровне. Наиболее объемным в данной нормативной системе является уровень нормативных актов муниципального образования.

К тому же, как указывают в своей работе М.М. Курманов и И.Х. Миннегулов⁸, ситуация усугубляется и тем обстоятельством, что законодатель не находился и не находится в «жестких» рамках в применении основных терминов и понятий, закрепленных в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В силу вышеуказанных причин, разобратся в сложной и запутанной совокупности местных нормативных актов достаточно проблематично, как указывалось выше, даже работникам муниципальных органов. Населению же муниципального образования, по нашему мнению, ориентироваться в существующем огромном массиве местных нормативных актов невозможно в принципе. При подобном положении вещей в сфере понимания нормативных основ местного самоуправления достаточно проблемным представляется его качественное функционирование, так как самоуправление, по определению, предполагает непосредственное участие местного населения в решении вопросов местного значения.

11. *Кодификация позволяет восполнить существующие пробелы в муниципальной нормативной системе путем введения соответствующих положений в создаваемый единый ком-*

⁷ Внуков А.И. Указ. соч. С. 33.

⁸ Курманов М.М., Миннегулов И.Х. Ответственность главы муниципального образования: проблемы правового регулирования // Местное право. 2012. № 6. С. 7–11.

плексный кодификационный акт – Кодекс нормативных актов муниципального образования.

Следует отметить тот факт, что на позитивное влияние кодификации для решения задачи восполнения существующих пробелов в нормативной системе указывал еще Г.Ф. Шершеневич. В частности, он писал о том, что при кодификации «...речь идет не только о новой форме, но и о новом содержании: старые законы заменяются новыми, прежние пробелы восполняются, накопившиеся противоречия устраняются. Ежели даже значительная часть окажется заимствованной из исторически сложившегося законодательства, все же такой кодекс представит собою новый закон»⁹.

Применительно к муниципальной проблематике проведение кодификации муниципальных нормативных правовых актов позволит определить схему формирования и развития нормативного материала того или иного муниципального образования. В рамках данной схемы в процессе муниципального правоприменения будут четко видны причины и пути ликвидации существующих пробелов в нормативной системе муниципального образования. Самое же главное состоит в том, что в рамках Кодекса нормативных правовых актов муниципального образования муниципальным нормотворцам не нужно будет принимать отдельный правовой акт, требуемый для ликвидации того или иного муниципально-правового пробела, а достаточно будет внести изменения или дополнения в соответствующую главу Кодекса нормативных правовых актов муниципального образования.

12. *Кодификация дает возможность создать ключевой нормативный акт, представляющий собой концептуальную основу для дальнейшего стройного развития и четкого структурирования нормативной системы муниципального образования.*

Как отмечал в своих трудах Н.М. Коркунов, «...кодификация не ограничивается изменением только формы, она дает систематическое объединение и содержание. Кодекс является не только новой формой старого закона, а новым законом в полном смысле слова»¹⁰. С учетом данной мысли Н.М. Коркунова, применительно к муниципально-правовой материи следует понимать, что в настоящее время основной местный нормативный правовой акт

любого муниципального образования – Устав, как правило, четко не систематизирован, не содержит серьезно проработанной общей части, содержащей основные концептуальные положения, определяющие основные идеи, понятийный фундамент, теоретическую схему, направления и перспективы построения нормативной основы местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании и соответственно не может служить основой для дальнейшего развития и четкого структурирования нормативной системы муниципального образования.

13. *Кодификация позволит отслеживать и оперативно реагировать на возникающие противоречия между нормами муниципального уровня и нормами, принимаемыми государственными органами и должностными лицами.*

Очевидным является тот факт, что, имея не множество разрозненных муниципальных нормативных правовых актов, а один кодифицированный муниципальный нормативный правовой акт, объединяющий все нормативные предписания, принятые на уровне муниципального образования, значительно более простым является решение задачи отслеживания и оперативного реагирования на возникающие противоречия между нормами муниципального уровня и нормами, принимаемыми в сфере местного самоуправления органами и должностными лицами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. При этом значительно упрощается и технология решения указанной задачи и затраты, требующиеся для ее решения.

Таким образом, проведение кодификации законодательства муниципальных образований на сегодня объективно будет способствовать совершенствованию правопорядка в сфере российского местного самоуправления.

В заключение же проведенного исследования нам представляется целесообразным подвести его основные итоги и сделать ряд предложений, имеющих не только теоретическую, но и практическую ценность.

Во-первых, в целях проведения внятной государственной политики по реформированию муниципальной правовой системы предлагается в ст. 43 «Система муниципальных правовых актов» Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» включить правовую норму, закрепляющую обязательность проведения кодификации местных нормативных правовых актов для всех муниципальных образований.

⁹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 422.

¹⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1893. С. 305.

Во-вторых, обеспечить все органы местного самоуправления квалифицированными специалистами в сфере кодификации местных нормативных правовых актов в ближайшее время, вряд ли возможно, в связи с этим работы по кодификации нормативных актов муниципальных образований следует возложить на специализированные организации, которые следует создавать при федеральных университетах, национальных исследовательских университетах и иных университетах (академиях), имеющих диссертационные советы и ведущих научные исследования в рамках научной специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

В-третьих, в целях решения методологических аспектов проведения кодификации нормативных правовых актов муниципальных образований есть смысл создать на базе Министерства юстиции Российской Федерации рабочую группу из ученых и практиков, специализирующихся в муниципальной проблематике, а также специалистов, владеющих навыками систематизации информации с использованием

современных программных и информационных продуктов, которой поручить разработать систему и методику кодификации нормативных правовых актов муниципальных образований, опирающиеся на существующую систему муниципального законодательства, базирующиеся на четкой научной доктрине развития местного самоуправления, а также использующие современные информационные технологии и перспективные методики организации нормотворческого процесса.

В-четвертых, в целях отработки схемы и методики проведения кодификации нормативных правовых актов муниципальных образований, а также минимизации расходов на ее проведение Правительству Российской Федерации необходимо принять Федеральную целевую программу кодификации нормативных правовых актов муниципальных образований и определить в качестве экспериментальных площадок типовые муниципальные образования, представляющие все виды муниципальных образований, предусмотренные в соответствии с законодательством Российской Федерации.

О ПРЕДПОСЫЛКАХ РАЗРАБОТКИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1993 ГОДА И ИЗМЕНЕНИЯХ В НОРМАХ КОНСТИТУЦИЙ СССР И РСФСР В 90-е ГОДЫ ПРОШЛОГО ВЕКА

СТЕПАНЧЕНКО Валерий Иванович

Аннотация: в статье рассмотрены политические и правовые предпосылки разработки действующей Конституции Российской Федерации в 90-е годы прошлого века. Сделан краткий анализ различных вариантов представленных проектов конституций.

Annotation: the article considers political and legal prerequisites for working out the current Constitution of the Russian Federation in the 90-s. It provides a brief analysis of different variants of draft constitution.

Ключевые слова: Конституция СССР, Конституция РСФСР, Конституция РФ, Указ Президента, Съезд народных депутатов, народные депутаты.

Key words: Constitution of the USSR, Constitution of the RSFSR, Constitution of the RF, executive order, The Congress of People's Deputies, People's Deputies.

В текущем году исполняется 20 лет со дня принятия Конституции страны. И в этой связи уместно вспомнить, в каких политических и правовых условиях происходило формирование нового демократического Российского государства и его основного закона. Безусловно, рассматривая существовавшие в СССР Конституции можно сказать, что они во многом выражали идеологические желания правящей однопартийной системы, чем являлись главной правовой составляющей строительства и развития государственного устройства того периода. При этом было бы неверным не замечать и их положительную роль в социальном и политическом становлении страны в XX веке. Но их наполняемость и методы руководства вряд ли можно назвать скоординированными и работавшими на единый для населения результат. Это в конечном итоге и вызвало кризис, разразившийся в стране в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. На это, безусловно, повлияло и то, что в этот исторический период политическая обстановка в стране начала меняться. На смену старым вождям, не способным принимать радикальные решения, стали приходиться новые, более прогрессивные, не обремененные прошлыми догматическими учениями. Но сформированная за прошедшие десятилетия партийная элита, которая оторвалась от рядовых членов КПСС, прежде всего заботилась о своем благополучии и не желала кардинальных перемен. В этот период и была сделана попытка отказаться от командно-административной системы управления стра-

ной, названная впоследствии «перестройкой». Однако можно сказать, что эта попытка зародилась спонтанно, так как сами инициаторы не имели четкой программы действия по созданию «демократического социализма с человеческим лицом». Поэтому свои действия они строили в основном на критике имевшихся ранее негативов. В результате это привело к тому, что руководство страны и партии стало терять нити управления. В народе появились новые лидеры и совершенно иные идеи о дальнейших путях развития страны, которые реализовались прежде всего в начатых конституционных реформах.

Первой в их череде по праву можно назвать союзную конституционную реформу, вызванную принятием 1 декабря 1988 года Закона «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР» и Закона о выборах народных депутатов в СССР¹. Суть этих изменений состояла в том, что высший орган государственной власти теперь состоял из двух органов: Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. При этом Съезд наделялся статусом высшего органа государственной власти и мог решить любой вопрос, отнесенный к ведению СССР (ст. 108). Верховный Совет СССР был ему подотчетен, избирался Съездом из числа народных депутатов СССР и был постоянно действующим законодательным и контрольным органом государст-

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727, 729.

венной власти СССР (ст. 111). Тем самым народ через своих представителей стал активно осуществлять свои властные полномочия. Верховный Совет СССР состоял из двух палат – Совета Союза и Совета Национальностей и насчитывал 544 депутата по равному составу в каждой палате. При этом Совет Национальностей отображал прежде всего национально-территориальные особенности Союза. В него избирались депутаты по следующим нормам: от каждой союзной республики – 11 человек, от АССР – по 4 человека, от автономной области – по 2 человека и автономных округов – по 1 человеку (ст. 111).

Важным итогом этой реформы стало и то, что изменилась избирательная система. Выборы стали состязательными с участием нескольких кандидатур на один депутатский мандат. Вводились ограничения на совмещение депутатской деятельности и работу в составе исполнительных органов власти разных уровней (кроме их председателей). Не могли избираться депутатами и судьи. По сути, эта реформа впервые провозгласила идеи построения правового государства, учредив Комитет конституционного надзора СССР. С этого периода начались конституционные реформы и в союзных республиках. При этом особо следует отметить, что не везде они шли в соответствии с установками союзных властей. Так, единственной союзной республикой, которая учредила высший орган власти в лице Съезда народных депутатов была Россия, которая в ходе своей первой конституционной реформы от 27 октября 1989 года, приняла соответствующие изменения в Конституцию и Закон РСФСР «О выборах народных депутатов в РСФСР»².

В Республике также был создан Верховный Совет РСФСР, который отражал черты двухпалатного парламента федеративного государства. В состав Совета Республики и Совета Национальностей РСФСР избиралось по 126 депутатов. Автономные единицы представляли 3 депутата, автономную область и автономные округа – по одному депутату, итого – 63 депутата. Столько же представителей имели в совокупности края, области, города Москва и Ленинград. Сам Съезд РСФСР состоял из 1 068 депутатов. Изменения, внесенные в Конституцию и законодательство, в этот период практически повторяли первую конституционную реформу

СССР. Но этим союзные реформы не завершились. Второй Съезд народных депутатов СССР 20 декабря 1989 года уточнил некоторые положения Конституции СССР по вопросам деятельности Съезда народных депутатов Верховного Совета СССР и их органов (ст. 125), а также изменения в избирательную систему, приняв соответствующий закон³. В частности, согласно ч. 2 ст. 97 и 98 из Конституции были исключены нормы об избрании народных депутатов СССР от общественных организаций. С этой реформой возможности Комитета конституционного надзора СССР в отношении актов Союзных республик существенно ослабли.

Следующим важным этапом в становлении парламентаризма стала реформа 14 марта 1990 года. Реализуя ее, из Конституции СССР было исключено положение о руководящей и направляющей роли КПСС (преамбула и ст. 6), тем самым прекратила существование однопартийная система, на основе которой строилась власть всего предшествующего периода. Важным моментом было и то, что учреждался пост первого Президента СССР, которым впоследствии стал М.С. Горбачёв. 26 апреля 1990 года был принят Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации»⁴. Для закрепления правового единобразия Закон предписывал исполнение актов СССР на всей территории Союза. При этом они обладали верховенством по отношению к законодательству союзных и автономных республик. Основным этапом конституционного реформирования 1990 года стало принятие Съездом народных депутатов РСФСР «Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»⁵, которая провозгласила РСФСР суверенным государством, обладающим всей полнотой власти на своей территории, за исключением тех, которые она добровольно передаст в ведение СССР и входящим в его состав.

Продолжая реформу уже 16 июня 1990 года, I Съезд народных депутатов РСФСР из Конституции РСФСР так же исключает положение о руководящей роли КПСС на территории Республики (ст. 6)⁶. В постановлении «О механизме народовластия в РСФСР»⁷, принятом

² Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303, 1304.

³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета РСФСР. 1989. № 28. Ст. 538, 540.

⁴ Там же. 1990. № 19. Ст. 329.

⁵ Там же. № 2. Ст. 22.

⁶ Там же. № 3. Ст. 25.

⁷ Там же. № 4. Ст. 52.

20 июня 1990 года, подчеркивалось, что государственная власть в РСФСР осуществляется народом непосредственно или через представительные органы власти в центре и на местах, при этом не допускается совмещение для руководителей государственных органов власти с любой другой должностью в политических или общественно-политических организациях. Оценивая его, можно сказать, что оно не безусловно в современном понимании вопроса участия политических партий и общественных организаций в управлении государством. Но в тот период становления российской государственности это постановление было прежде всего направлено против единовластия КПСС во властных структурах.

В течение 1990 года прошла еще одна реформа от 15 декабря, которая, можно сказать, радикально изменила Конституцию РСФСР. Во-первых, была сокращена преамбула Конституции, с исключением из нее исторического и идеологического описания пути, пройденного Россией при советской власти. Во-вторых, определено, что РСФСР есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами (ст. 2), и тем самым изменена характеристика РСФСР и ее власти. В-третьих, с исключением упоминания о социалистической собственности как основы экономической системы изменено отношение к ней. Появился термин «собственность граждан» (ст. 10, 14, 16). В-четвертых, из текста исключены «идеологизмы», по-другому стала трактоваться ст. 50 о свободе совести и вероисповедания. В ней уже не стало упоминания об атеистической пропаганде (ст. 37, 45, 48, 49, 57, 59). В-пятых, Конституция установила, что действия актов СССР на территории РСФСР, ущемляющих суверенные права РСФСР, приостанавливаются (ст. 76). Кроме того, в Конституции претерпели изменения новеллы, связанные с автономными образованиями. Так, из ст. 82 было исключено указание о вхождении автономной области в край. Что касается автономных округов, то в ст. 83 было записано, что автономный округ находится в составе РСФСР и может входить в край или область. Следует заметить, что эта запись ясности в правовое положение этих образований не внесла. В-шестых, взамен так и не созданного в Республике конституционного надзора, учреждался Конституционный суд РСФСР. В-седьмых, была введена должность Генерального прокурора РСФСР, который назначался Верховным Советом РСФСР (ст. 177). Исходя из сложившейся в 1990 году

правовой ситуации, были приняты и важные нормативные правовые акты. К ним можно в первую очередь отнести постановление I Съезда народных депутатов РСФСР от 22 июня 1990 года «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР»⁸, законы РСФСР «О действии актов органов СССР на территории РСФСР», «О собственности в РСФСР», «О предприятиях и предпринимательской деятельности», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О социальном развитии села», «О земельной реформе», «О референдуме РСФСР»⁹.

Следующий этап конституционной реформы в РСФСР начался с мая 1991 года и касался вопросов государственного строительства и президентства. После проведения референдума 17 марта 1991 года о сохранении СССР и о введении поста Президента РСФСР и его итогов¹⁰ III Съезд народных депутатов РСФСР 24 мая 1991 года внес изменения и дополнения в Конституцию РСФСР и установил, что высшим должностным лицом и главой исполнительной власти в РСФСР является Президент. Здесь же были определены и его полномочия, с достаточно широкими правами. Но Съезд и Верховный Совет оставили за собой и определенную возможность влияния на Президента от внеочередного доклада Президента (ст. 121-5 п. 3) по волнующим депутатов вопросам, до его отрешения в случае нарушения Конституции РСФСР и ее законов (ст. 121-8). Тем самым законодательная власть имела возможность контролировать и влиять на действия Президента. Этими же дополнениями была учреждена и должность Вице-президента, появился исполнительный орган власти – Совет Министров – Правительство РСФСР, подотчетное Президенту. А также произошел ряд изменений в области национально-государственного устройства и местного самоуправления. Так, термин «автономная Республика» был заменен на «Республика в составе РСФСР». Тем самым статус этих субъектов федерации значительно повышался. На уровне местного самоуправления местные Советы впервые были исключены из системы органов государственной власти (ст. 137). Конституция этого периода устанавливает в стране единую судебную систему и необходимость в законодательном порядке определять статус столицы

⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 4. Ст. 63.

⁹ Там же. № 21. Ст. 237; № 26. Ст. 324; № 30. Ст. 326, 411, 416, 418.

¹⁰ Дмитриев Ю.А., Комарова В.В. Референдум в системе народовластия. М.: Манускрипт, 1995.

РСФСР. На фоне этих нововведений 12 июня 1991 года прошли и выборы первого Российского Президента, которым стал Б.Н. Ельцин. Появление президентской системы власти в РСФСР в дальнейшем приводит к борьбе за власть между союзной и республиканской президентской властью, которая завершается памятными августовскими событиями 1991 года и созданием группой руководителей СССР и КПСС Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП)¹¹. В Постановлении № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР объявлялись недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР, приостанавливалась деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки. Этим же постановлением реформировались структуры власти и управления, которые, по мнению ГКЧП, действуют вопреки Конституции СССР. Постановлением от 19 августа 1991 года № 2 ограничивался перечень издаваемых печатных изданий, за исключением газет, которые издавались КПСС. Все это и ряд других жестких и диктаторских мер должно было принести, как указывалось в Обращении к советскому народу ГКЧП от 18 августа 1991 года, к выводу страны из кризиса¹².

Вместе с тем, анализ общественного мнения, проведенный Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 20 августа 1991 года, говорил о другом¹³. А именно, на поставленные ВЦИОМ вопросы население отреагировало следующим образом (%):

	Считаете ли вы деятельность Комитета по чрезвычайному положению законной?			
	Воро- неж	Красно- ярск	Ленин- град	Львов
Считаю деятельность комитета незаконной	49	76	54	71
Считаю деятельность комитета законной	28	12	23	13
Затрудняюсь ответить	23	12	23	16

¹¹ Заявление советского руководства // Известия. 1991. 20 авг. № 197.

¹² Там же.

¹³ Аргументы и факты. 1991. Авг. № 33.

Как вы считаете, приход к власти ГКЧП приведет к улучшению или ухудшению экономического положения в стране?

	Воро- неж	Крас- ноярск	Ленин- град	Львов
К улучшению	24	9	19	12
К ухудшению	38	77	46	59
Затрудняюсь ответить	38	14	35	29

Как вы думаете, могут ли сейчас начаться массовые репрессии?

	Воро- неж	Крас- ноярск	Ленин- град	Львов
Да, могут	57	61	71	62
Нет, не могут	26	23	19	21
Затрудняюсь ответить	17	16	10	17

Как вы относитесь к призыву Ельцина к бессрочной забастовке?

	Воро- неж	Крас- ноярск	Ленин- град	Львов
Поддерживаю	30	57	40	42
Не поддер- живаю	49	33	31	38
Затрудняюсь ответить	21	10	29	20

В итоге люди отвергли методы ГКЧП, и в результате неудавшейся попытки государственного переворота действие КПСС было приостановлено, а затем на основании соответствующих указов Президента РСФСР партия была ликвидирована¹⁴. События «августовского путча» фактически стали катализатором распада Советского Союза. Республики, которые входили в состав СССР, начали провозглашать независимость. Призывы к независимости в этих республиках стали звучать буквально, начиная с 20 августа. Так, премьер-министр Литвы заявил, что события в СССР являются «проблемой другого государства»¹⁵. Руководство Молдовы подтвердило свой курс на независимость республики¹⁶. Перемены происходили и в РСФСР. Н. Назарбаев заявил о выходе компартии Казахстана из состава КПСС¹⁷. Уже до 31 августа о своей ликвидации заявили Украина, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Азербайджан¹⁸. Важным документом этого периода следует отметить принятие Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 го-

¹⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1035; № 35. Ст. 1149, 1164; № 45. Ст. 1537.

¹⁵ Известия. 1991. 20 авг. № 197.

¹⁶ Там же. 1991. 21 авг. № 198.

¹⁷ Там же. 1991. 23 авг. № 200.

¹⁸ Там же. 26 авг. 1991. № 202; от 27 авг. 1991. № 203; 28 авг. 1991. № 204; 31 авг. 1991. № 207.

да «Декларации прав и свобод человека и гражданина»¹⁹, которая, в отличие от действовавших на то время норм Конституции РСФСР, по-новому трактовала статус личности.

Исходя из того, что Россия является федеративным государством, и статус субъектов возрастает, очередной V Съезд народных депутатов РСФСР 1 ноября 1991 года ввел в Конституцию понятие главы исполнительной власти (Президента) Республики в составе РСФСР. При этом для сохранения единства страны Президент РСФСР наделялся полномочиями приостанавливать действие актов высшего должностного лица СССР (ст. 121-8 п. 4.2.). В систему судопроизводства вводится возможность создания института присяжных заседателей и некоторые другие формы судопроизводства. Меняется государственная символика. В РСФСР вводится трехцветный российский флаг (ст. 181), учрежденный еще Петром I и возвращенный России 21 августа 1991 года чрезвычайной сессией Верховного Совета РСФСР²⁰.

На этом же съезде Президент РСФСР получил особые полномочия на период проведения экономической реформы, что дало право Президенту регулировать своими указами практически все вопросы хозяйственной деятельности страны, чем он и пользовался в дальнейшем практически без всяких ограничений. Отсюда и зародились первые ростки «указного права». Как отмечает судья Конституционного Суда Российской Федерации В.О. Лучин в своей монографии «"Указное право" в России»²¹, «Народные депутаты РСФСР, находясь в эйфории всеобщей демократии и суверенизации, на V Съезде народных депутатов России предоставили Президенту право издавать в течение года указы в экономической области, даже в том случае, если те не соответствовали закону, с последующим утверждением их на сессии Верховного Совета. Опасаясь, что депутаты в своем большинстве не поддержат такой стремительной перестройки, угрожающей экономической безопасности страны, "шокотерапевты" стали действовать в обход законодателя, иницилируя непрерывный поток указов,

захлестнувших правовое поле Российской Федерации, что нашло свое юридическое выражение в подмене Закона – Указом, и в ряде случаев поставило Указ выше Закона и даже самой Конституции». Это стало одним из поводов к осложнению отношений законодательной власти и Президента РСФСР. В этот период стали обостряться отношения и между республиками СССР. В декабре 1991 года с согласия Президентов РСФСР, Украины и Председателя Верховного Совета Белоруссии СССР ликвидируется и создается Содружество Независимых Государств (СНГ), которое по своей сути не может считаться даже конфедерацией. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика становится самостоятельным, суверенным государственным образованием и с 25 декабря 1991 года получает новое наименование «Российская Федерация – Россия»²². Продолжением конституционной реформы стало подписание 31 марта 1992 года Федеративного договора, который, по сути, стал отправной точкой в начале работы над новой Конституцией. Она должна была отразить суть перемен и закрепить новые основополагающие принципы государственного устройства Российской Федерации.

Итог, несомненно, важных конституционных реформ 1992 года можно с уверенностью охарактеризовать тремя этапами. Во-первых, это крупные изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации 21 апреля 1992 года, в связи с распадом СССР и подписанием Федеративного договора. Они касались как нового государственного устройства, так и прав субъектов федерации, органов исполнительной и законодательной власти, Конституционного Суда Российской Федерации, местного самоуправления. В ходе этой реформы VII Съезд народных депутатов отказал Президенту Российской Федерации в продлении его особых полномочий. Во-вторых, декабрьская конституционная реформа²³ усилила позиции законодательной власти в лице Съезда народных депутатов Российской Федерации по отношению к Президенту и Правительству. Народные депутаты РСФСР установили, что возможности Президента слишком широки и это не позволяет осуществлять соответствующий контроль над его деятельностью, что и вызвало ряд изменений норм Конституции. В ст. 121-6 особо

¹⁹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

²⁰ Степанченко В.И. Геральдические символы Ямала в законах, постановлениях, решениях и распоряжениях. Салехард: Государственная Дума Ямало-Ненецкого автономного округа. 2-е доп. изд. 2004. С. 8.

²¹ Лучин В.О. «Указное право» в России. М.: ХГЦ «Велес», 1996. С. 4.

²² Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 2. Ст. 62.

²³ Там же. Ст. 55.

отмечалось, что полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, что случилось в дальнейшем в октябре 1993 года и, к сожалению, до сих пор не получившее должной правовой оценки. Последним в 1992 году этапом в изменении Конституции Российской Федерации в 1992 году стало преобразование Чечено-Ингушской Республики в отдельные – Ингушскую и Чеченскую Республики, которое было принято Съездом народных депутатов Российской Федерации 10 декабря 1992 года²⁴.

Не менее сложные этапы государственность России прошла и в последующем до принятия Конституции Российской Федерации в декабре 1993 года. Но курс, взятый в эти годы на реализацию общепринятых принципов построения правового государства на основе разделения ветвей власти, внедрения международных критериев прав и свобод человека и гражданина, превращения России в суверенное федеративное государство, все же выдерживался, несмотря на трагические события, которые предстояло пройти Российской Федерации в октябре 1993 года. Поэтому, безусловно, что начавшийся 1993 год целиком был посвящен разработке принципов новой Конституции Российской Федерации. Хотя еще 16 июня 1990 года I Съездом народных депутатов РСФСР эта работа была начата с образованием Конституционной комиссии из 102 депутатов. Председателем ее тогда был избран Б.Н. Ельцин, заместителем – Р.И. Хасбулатов. Обязанности секретаря были возложены на О.Г. Румянцева, который и вел всю практическую работу по подготовке текста Конституции. И уже осенью 1990 года был подготовлен ее первый вариант. Но последующие события, происшедшие в государстве и обществе, требовали ее переработки. В связи с этим появляются варианты проектов 1991, 1992 и 1993 годов. Вместе с тем, наряду с официальной разработкой проекта Конституции Конституционной комиссией в 1992–1993 годах интенсивно велась работа и над альтернативными проектами. Среди них следует отметить проекты рабочей группы под руководством С.М. Шахрая, Рос-

сийского движения демократических реформ (РДДР), а также проект депутатов-коммунистов (май 1993 года)²⁵.

Кратко рассмотрим каждый из них. В проекте Конституции рабочей группы под руководством С.М. Шахрая государственное устройство хотя и решалось на принципах федерализма, но достаточно нечетко. Государственную власть, по мнению этой группы разработчиков, должен осуществлять двухпалатный Парламент. Подчеркнем при этом, что он наделялся достаточно сильными полномочиями. Особенностью проекта было то, что он не предусматривал самостоятельного федерального Правительства отдельно от Президента. Последний по этому проекту наделялся большими полномочиями, чем ранее предусматривалось в проекте Конституционной комиссии. Проект РДДР разрабатывался при активном участии мэров городов Москвы и Санкт-Петербурга Г.Х. Попова и А.А. Собчака. Авторская проработка осуществлялась С.С. Алексеевым (спецкор РАН) и другими учеными, бывшими народными депутатами СССР. Государственное устройство, по мнению авторов этого проекта, должно быть федеративным в составе республик, губерний и автономных национальных сообществ. В их концепции Конституции республики – это государственные образования, губернии – государственно-административные образования, автономные национальные сообщества – это автономные округа, национальные районы, образованные в составе республик, губерний на началах территориальной или этнической (национально-культурной) автономии. Статус и права этих сообществ определяются законом, а в отношении входящих в республики еще и Федеративным договором. Высшим представительным органом власти предусматривалось Федеральное законодательное собрание, состоящее из двух палат – Государственной Думы и Сената. Правительство в этом проекте было более самостоятельно и менее завязано на Президента. Муниципальное самоуправление должно было осуществляться в границах территориальных единиц. При этом население своим решением могло образовывать краевые, областные, районные земства, казачьи округа и другие объединения с установлением для них единой системы самоуправления.

²⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 52. Ст. 3051.

²⁵ Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М. : РЮИД, 1997. С. 124–192.

От депутатов-коммунистов существовало три проекта Конституции, которые отражали эволюцию взглядов и принципов их разработчиков от категоричного непризнания имевших место перемен до учета в проектах многих реформ того времени. По этим проектам государственное устройство было федеративным, на основании Федеративного договора между субъектами федерации. Основу структуры государственной власти, по мнению этих групп разработчиков, должны составлять органы советской власти, при этом Верховный Совет наделялся весьма обширными полномочиями и властью. Пост Президента не предусматривался вообще.

Работа в 1993 году над проектами Конституции Российской Федерации вновь обострила отношение законодательной власти и Президента Российской Федерации, что вызвало организацию и проведение им общероссийского референдума. Результаты референдума, несомненно, расценивались Б.Н. Ельциным в свою пользу. Но по итогам референдума конституционно-правовой статус, с точки зрения повышенной легитимности, Президент не получил. После референдума Президент представил свой вариант Конституции Российской Федерации, по которому Российская Федерация определялась как демократическое, правовое, светское федеративное государство, высшими ценностями которого являются человек, его достоинство, неотъемлемые права и свободы. Федеративное устройство в этом проекте несло усиление позиций субъектов федерации. Этим «подыгрыванием» субъектам Президент явно желал получить их поддержку его политики, так как в проекте была отражена позиция сильного Президента. Парламент Республики состоял из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы. Совет Федерации при этом наделялся большими полномочиями, чем Государственная Дума. В данном проекте был и ряд других новых подходов. В частности, предлагался новый институт в судебной системе, а именно Высшее судебное присутствие, состоящее из руководителей судов, их первых заместителей и трех федеральных судей, назначаемый по представлению Президента Советом Федерации. Этот орган судебной власти наделялся правом толкования Конституции Российской Федерации, определения возможности отречения от власти Президента, отрешения от должности федеральных судей, предлагал Президенту кандидатуру Генерального прокурора и решал ряд других вопросов.

Вместе с тем, противостояние усиливалось. К сожалению, Президент Российской Федерации избрал антиконституционный путь разрешения конфликта, издав 21 сентября 1993 года Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»²⁶. Этот Указ нарушал Конституцию, что было признано и Конституционным судом Российской Федерации²⁷. Грубейшее попрание действовавших норм Конституции мотивировалось в Указе Президента тем, что существует и более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданных законодательной властью. Завершилось это трагическими событиями – расстрелом парламента на глазах у всей страны и мировой общественности.

Таким образом, в истории конституционного развития страны завершился советский период. В то же время не следует недооценивать опыт советского «парламентаризма» 1989–1993 годов. Нужно отдать должное и тому, что именно в этот период шло первичное накопление парламентского опыта и понимание того, что парламент – это не единая масса, всегда голосующая «за», а орган представительства различных социальных и политических сил. Распространенное в те годы мнение, что парламент является главной из существовавших властных структур, соединилось с чисто большевистской идеей полновластия Советов. В результате в 1992–1993 годы все очевиднее становилась повсеместность двух концепций власти, а именно – идей полновластия Съезда народных депутатов и системы разделения властей. Возможно, конфликт между двумя этими концепциями мог протекать по-иному и без применения военной силы, но в принципе он был неизбежен.

В связи с происшедшими в сентябре-октябре 1993 года трагическими событиями, явственнее проявилась проблема соперничества исполнительной и законодательной ветвей власти. Между тем конфликты между исполнительной и законодательной властями – явление отнюдь не уникальное, присущее только России. В этом отношении достаточно показателен опыт Французской Республики²⁸. Аналогичное происходило и в других странах мира до того, как была разработана и внедрена в жизнь современная

²⁶ Российская газета. 1993. 23 сент.

²⁷ Авакян С.А. Указ. соч. С. 175.

²⁸ Очерки конституционного права иностранных государств / отв. ред. Д.А. Ковачев. М.: Спарк, 1999. С. 230–235.

теория разделения властей. Вместе с тем, убежден, что созданная в определенных исторических периодах, социальных и географических условиях Запада, модель разделения властей и объемы их полномочий вряд ли можно автоматически переносить на российскую действительность. Это, несомненно, подтверждает опыт строительства парламентаризма в России, который говорит о том, что критические напряжения в системе государственной власти начинают прорастать при обострении соперничества между исполнительной и законодательной ветвями власти, побуждая исполнительную власть к ограничению или прекращению полномочий представительной (законодательной) власти. В этой связи и требовалось найти баланс этих двух ветвей власти, которого бы придерживались не только эти последние, но и вся система государственных институтов, политических и культурных сообществ страны²⁹.

В этот сложный период Президент и его администрация возобновили работу над проектом новой Конституции с учетом многих предпосылок, отмеченных выше. Это делалось в спешном порядке. 15 октября 1993 года Президентом издается Указ «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации»³⁰. Уже 10 ноября 1993 года проект был опубликован³¹, а 12 декабря 1993 года состоялось всенародное голосование. За Конституцию проголосовало 32 937 630 человек³². Конституция Российской Федерации была принята. К сожалению, она не решила всех проблем и не устранила ошибочные конструкции, из-за чего на практике и в настоящее время возникают проблемы. Но все же можно отметить, что здравомыслие сегодняшней власти сводится к отказу от ревизии и замене Конституции.

²⁹ Парламентаризм в России. Федеральное Собрание 1993–1995 гг. М., 1996. С. 11–12.

³⁰ Российская газета. 1993. 19 окт.

³¹ Там же. 1993. 10 нояб.

³² Бюллетень ЦИК РФ. 1994. № 10. С. 5.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ В СУБЪЕКТАХ РФ

ЦАЛИЕВ Александр Михайлович

Аннотация: в статье на основе анализа норм Конституции Российской Федерации, конституций (уставов) субъектов Российской Федерации и федерального законодательства раскрывается правовая основа образования конституционных (уставных) судов. Обосновывается необходимость образования судов конституционной юрисдикции. Предлагаются меры законодательного и организационно-практического характера, обеспечивающие дальнейшее образование и развитие конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации.

Annotation: the article develops the legal base of formation of constitutional (statutory) courts on the basis of analysis of norms of the Constitution of Russian Federation, the constitutions (statutes) of subjects of Russian Federation and federal legislation. The article justifies the necessity of formation of courts of constitutional jurisdiction. It proposes the measures of legislative and organizational and practical nature which ensure the further formation and development of constitutional (statutory) courts in subjects of Russian Federation.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституции и уставы субъектов Российской Федерации, конституционные (уставные) суды, мировые судьи.

Key words: Constitution of Russian Federation, constitution and statutes of subjects of Russian Federation, constitutional (statutory) courts, Justice of the Peace.

Судебная власть и эффективность функционирования органов, ее представляющих и осуществляющих, во многом характеризует состояние правового государства. В свою очередь усилия, предпринимаемые на пути строительства правового государства, в значительной мере способствуют укреплению авторитета судебной власти среди других ветвей государственной власти и в целом в обществе, государстве.

В России судебная власть как самостоятельная ветвь государственной власти стала утверждаться после принятия Конституции Российской Федерации. Статья 10 и гл. 7 Основного закона страны стали конституционно-правовой основой организации и функционирования органов федеральной и региональной судебной власти. И хотя в Конституции нет прямой записи о судебной власти субъектов Российской Федерации, тем не менее, это вытекает из смысла ряда взаимосвязанных конституционных статей (5, 10, 11, 77).

На федеральном законодательном уровне органы судебной власти субъектов Российской Федерации впервые предусмотрены в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Согласно ч. 2 ст. 4 данного Закона к судам субъектов Российской

Федерации относятся конституционные (уставные) суды и мировые судьи. Но последние фактически являются федеральными органами судебной власти. Это не вызывает сомнений практически ни у одного специалиста, поскольку мировые судьи в соответствии с ч. 1 ст. 28 указанного Федерального закона рассматривают гражданские, административные и уголовные дела в соответствии с федеральным законодательством. Отсюда вполне очевидно, что их создание является обязательным. При этом их организация, полномочия и деятельность регулируются федеральными законами; они функционируют при федеральных судах, составляя первичное звено судов общей юрисдикции; финансируются из федерального бюджета; осуществляют правосудие именем Российской Федерации; их решения могут быть оспорены федеральными судами; в зале судебных заседаний мировых судей помещается государственный флаг и изображение государственного герба Российской Федерации и т.д.

Единственный вопрос, который решается согласно ст. 6 Федерального закона от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» в субъектах Российской Федерации в отношении мировых судей, – это их избрание. Но и здесь решающую роль играют федеральные структуры судебной вла-

сти. Кандидат в мировые судьи сдает квалификационный экзамен экзаменационной комиссии, состоящей из федеральных судей, затем решается вопрос о его рекомендации к назначению на должность судьи квалификационной коллегией судей, большинство из которых федеральные судьи.

С учетом сказанного вполне очевидно, что судебная власть в субъектах Российской Федерации на сегодняшний день представлена только в лице конституционных (уставных) судов. Однако их создание, в отличие от мировых судей, согласно ч. 1 ст. 27 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» является правом, а не обязанностью субъектов Российской Федерации. Это привело к тому, что после принятия Конституции Российской Федерации до настоящего времени лишь в 18 субъектах Российской Федерации созданы конституционные (уставные) суды.

Отсутствие в абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации конституционных (уставных) судов свидетельствует не только о нарушении принципа организации государственной власти, но и ведет к нарушению важнейшего конституционного принципа – равенства граждан перед законом и судом независимо от места проживания (ст. 19 Конституции РФ). В тех субъектах Российской Федерации, где образованы и действуют эти суды, граждане получают двойной уровень судебной защиты. Кроме того, сами субъекты РФ «находятся в более выгодном в отношении населения и обеспечения его прав положении, нежели абсолютное большинство субъектов, которые хотя и имеют должную законодательную базу, но не могут решиться на то, чтобы создать данный институт»¹. Регионы же, которые не создали конституционные (уставные) суды, фактически лишились мощного средства модернизации своей политико-правовой сферы и существенно отстают в развитии демократии от стандартов, достигнутых на федеральном уровне и в субъектах РФ, где функционирует конституционное правосудие². Подчеркну также, что создание в субъектах Федерации

конституционных (уставных) судов является объективным следствием проводимой в стране судебной реформы, отвечает требованиям правовой модернизации государства, а также приближает российское общество к закреплённому в Конституции РФ идеалу правового государства³.

Социальная необходимость в образовании и функционировании конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации достаточно аргументирована и обоснована не только в многочисленных научных работах, но и подтверждена результатами практической деятельности самих судов. Имея фактическую численность судей всего лишь от 3 до 5 в каждом суде, они в среднем за год выносят от 4 до 7 постановлений, столько же определений с позитивным содержанием и значительно больше отказных определений. Необходимо отметить, что ими выносятся достаточно важные принципиальные решения, направленные на восстановление прав сотен и тысяч граждан.

Как показывает судебная статистика, загруженность уже созданных в различных субъектах Российской Федерации конституционных (уставных) судов разная и в этом нет ничего удивительного, поскольку она зависит от многих объективных и субъективных факторов. В первую очередь, сюда относится законодательно урегулированный объем полномочий судов и субъектов обращения. Необходимо также иметь в виду длительность существования суда, социально-экономическую ситуацию в регионе, менталитет граждан, проживающих в регионе, развитие институтов гражданского общества, правовые традиции.

В числе субъективных факторов следует указать профессионализм и профессиональную активность судей, авторитет суда и судей. Все эти факторы в конечном итоге определяют интенсивность работы конституционных (уставных) судов. Однако оценка их деятельности характеризуется не только количеством рассмотренных дел. Как известно, они рассматривают весьма сложные дела, для чего необходимо знать не только национальное, но и международное законодательство, учитывать решения Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека. Правильно отмечают известные специалисты, что при рассмотрении каждого дела

¹ Эбзеев Б.С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности Российского государства // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы. Казань, 2005. С. 15.

² См.: Демидов В.Н. Региональное конституционное уставное правосудие как фактор модернизации субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сб. Казань, 2011. С. 200.

³ См.: Минниханов Р.Н., Демидов В.Н. Конституционное правосудие в субъектах РФ // Государство и право. 2013. № 3. С. 49.

конституционные (уставные) суды проводят микронаучное исследование. При этом они решают не только свои институциональные задачи, но и способствуют решению задачи, которая, согласно ст. 72 Конституции РФ, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: обеспечению соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Недаром авторы комментария ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» отмечают, что «большое значение в рамках обеспечения законности, единого конституционно-правового пространства, контроля за соблюдением Конституции РФ и действующего законодательства органами государственной власти и местного самоуправления имеет деятельность конституционных (уставных) судов субъектов РФ»⁴. Объясняется это тем, что, во-первых, как показывает практика, при рассмотрении дел судьи конституционных (уставных) судов субъектов РФ руководствуются прежде всего положениями Конституции Российской Федерации. Во-вторых, согласно законам большинства субъектов РФ о конституционных (уставных) судах судьи этих судов присягают на верность не только своей конституции (уставу), но и Конституции Российской Федерации, которая действует на всей территории Российской Федерации и потому «надлежит повышенной правовой защите всеми субъектами Российской Федерации»⁵. Такую защиту в первую очередь осуществляют конституционные (уставные) суды, которые «при формальной обособленности в судебной системе РФ реально служат охране Конституции РФ и могут развиваться в этом их значении как предваряющие федеральное конституционное судопроизводство и помогающие Конституционному Суду РФ более экономно и эффективно выполнять соответствующую задачу»⁶. Кроме того, как отмечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, «само наличие консти-

туционного правосудия имеет и большое профилактическое значение: оно дисциплинирует и законодателя при издании законов, и чиновников при принятии правоприменительного решения, и рядовых граждан в их повседневных действиях в различных сферах социальной жизни»⁷. Это подтверждается и судебной практикой. В последние годы участились случаи, когда сам факт обращения гражданина с запросом или жалобой на нарушение его конституционных прав и свобод служит основанием для ревизии оспариваемого нормативного акта законодательной или исполнительной властью. Нередко нормативный акт ими отменяется или корректируется еще до вынесения конституционным (уставным) судом решения по делу.

Наряду с институциональными задачами, создание органов судебной власти в субъектах Российской Федерации преследует такие дополнительные цели, как совершенствование взаимоотношений Федерации и ее субъектов, а также судебных органов и местных сообществ, реализацию принципа федерализма в сфере судебного строительства. При этом «региональные суды» могут разрешить следующие задачи: приблизить суд к месту проживания граждан; отправлять правосудие, соответствующее уровню правосознания граждан (в том числе на основе использования примирительных процедур, разъяснения судебных решений и т.д.); обеспечить взаимодействие институтов гражданского общества и суда, включая общественный контроль над процессом назначения судей; снизить нагрузку на федеральную судебную систему; упростить процедуру инициирования судебного разбирательства (снижение минимального размера уплачиваемой госпошлины, замена письменного обращения устным протоколируемым заявлением и т.д.); ускорить процесс разрешения возникшего конфликта (прежде всего, путем установления сокращенных сроков разбирательства дел); повысить авторитет «регионального суда» путем выборов его судей, согласованием их назначения с представителями местных сообществ⁸.

К сожалению, несмотря на вышеизложенные, а также другие убедительные аргументы, неоднократно приводимые в печати, федеральный центр не проявляет достаточной по-

⁴ Постатейный комментарий к Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» / под ред. В.А. Дмитриева. М., 2012. С. 208.

⁵ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011. С. 57.

⁶ Там же. С. 857.

⁷ Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. М., 2008. С. 59.

⁸ Павликов С.Г. О некоторых конституционно-правовых аспектах исследования категорий «судебная власть» и «судебная система» субъектов Российской Федерации // Рос. юстиция. № 6. 2007. С. 56.

литической воли в решении вопроса учреждения конституционных (уставных) судов⁹. Именно поэтому еще в начале 2001 года Консультативный совет председателей органов конституционного (уставного) контроля в Российской Федерации подготовил обращение к Президенту РФ, Федеральному Собранию РФ, органам законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, в котором поставил вопрос о необходимости создания единой, охватывающей всю территорию России системы конституционной юстиции в составе Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Однако федеральные органы государственной власти решение данного вопроса полностью оставили на усмотрение субъектов Российской Федерации, надеясь на то, что их руководители когда-нибудь созреют до понимания необходимости образования указанных судов. Но даже те из них, которые вполне осознают значение наличия у себя полноценной системы государственной власти, ссылаясь на диспозитивный характер ст. 27 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», не спешат с их созданием. И тут ничего удивительного нет: как показывает практика, никто и никогда, во-первых, добровольно не хочет делиться властью, во-вторых, не заинтересован в том, чтобы создавать орган, контролирующий его решения. В основном именно поэтому органами государственной власти абсолютного большинства субъектов Российской Федерации не обеспечивается соблюдение ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», предусматривающей, что одним из принципов, в соответствии с которым осуществляется деятельность органов государственной власти субъектов РФ, является «разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях обеспечения сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица».

Принятие законов о конституционных (уставных) судах в тех субъектах РФ, где они не созданы, можно рассматривать как робкие

попытки, предпринимаемые с целью их образования. Но, как видно, этого явно недостаточно для создания полноценного регионального конституционного правосудия. Не случайно в Постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 16 декабря 2012 года «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития в 2012–2016 годах» отмечается, что незаслуженно без внимания остаются конституционные (уставные) суды субъектов РФ, которые играют роль дополнительного гаранта прав граждан, в том числе на судебную защиту.

На мой взгляд, для организации и развития органов конституционного правосудия необходимо принять, по примеру законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, мировых судов, контрольно-счетных органов субъектов РФ, Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации»¹⁰. Это представляется вполне оправданным и обоснованным и возможно на основании п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, согласно которому установление общих принципов организации системы органов государственной власти относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Исходя из этой нормы и благодаря инициативе аналогичных федеральных структур, почти во всех субъектах РФ были созданы такие региональные органы государственной власти, как Контрольно-счетная палата, Уполномоченный по правам человека, Уполномоченный по правам ребенка. При этом они тоже, как и Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ, не составляют единую иерархически выстроенную систему государственных органов, но занимаются схожими проблемами на разных уровнях государственной власти. Кроме того, поскольку существующее законодательное закрепление вопросов *организации* конституционных (уставных) судов в специальных законах субъектов РФ противоречит смыслу ч. 3 ст. 27 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которой законом

⁹ См.: Гошуляк В.В., Ховрина Л.Е., Геворкян Т.И. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации. М., 2006. С. 18.

¹⁰ Один из вариантов такого законопроекта разработан автором этих строк и направлен в Парламент Республики Северная Осетия – Алания, а также опубликован в печати. См.: Цалиев А.М. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации: от сущего к должному // Рос. право: образование, практика, наука. 2013. № 2–3.

субъекта Российской Федерации определяется лишь *порядок* рассмотрения дел в конституционном (уставном) суде, представляется очевидным и бесспорным, что общие принципы и вопросы учреждения и формирования региональных органов конституционной юрисдикции должны устанавливаться прежде в федеральном законе. Это согласуется также с ч. 2 ст. 76 Конституции РФ, в соответствии с которой *по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ*. В этой связи отсутствие соответствующего федерального закона, регламентирующего общие принципы организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ, является серьезным пробелом, порождающим правовую неопределенность и вынуждающим прибегать к применению федерального законодательства, регулирующего схожие институты судебной власти.

Принятие федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ» в порядке реализации п. «б» и «н» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации создаст должную федеральную правовую основу для создания конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации. На сегодняшний день его необходимость еще более актуализируется в связи с внесением в Государственную Думу РФ проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, устанавливающего подведомственность административных дел судам общей юрисдикции, за исключением тех, которые отнесены федеральным законом к компетенции Конституционного Суда РФ, Дисциплинарного судебного присутствия, *конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации* и арбитражных судов (ст. 19). Исходя из данной нормы, а также учитывая очередное официальное, уже не только законодательное, но и политическое признание конституционных (уставных) судов субъектов РФ Президентом Российской Федерации, поскольку им внесен проект указанного Кодекса, совершенно очевидными становятся, во-первых, необходимость принятия федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации», поскольку для других судебных органов, пере-

численных в нем, федеральные законы уже приняты; во-вторых, актуальность дальнейшего образования конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации ввиду усиливающейся юридикации общественной жизни, зачастую регулируемой многочисленными региональными законами, нормативными правовыми актами, не соответствующими конституции (уставу) субъекта РФ. И, наконец, специалисты правильно отмечают, что правовая природа и юридическая сила конституций (уставов) субъектов Российской Федерации неизбежно порождает необходимость в создании особых механизмов правовой охраны данных актов. Признание высшей юридической силы конституции (устава) субъекта РФ в системе правовых актов субъекта РФ не имеет смысла, если допускается принятие и действие не соответствующих конституции (уставу) субъекта РФ правовых актов, в том числе муниципальных, выход органов публичной власти за пределы их компетенции, определенной конституцией (уставом) субъекта РФ, неверное толкование положений конституции (устава) субъекта РФ и т.п.¹¹.

В связи с актуальностью образования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации необходимо задействовать также меры организационно-практического характера. Так, по нашим данным из 83 субъектов Российской Федерации в 49 субъектах в конституциях (уставах) предусмотрены конституционные (уставные) суды, а во многих приняты также специальные законы об этих органах судебной власти, которые не исполняются. В этой связи назрела необходимость принятия мер прокурорского реагирования для безотлагательного исполнения принятых субъектами Российской Федерации законов о конституционных (уставных) судах. Это полностью соответствует предназначению прокуратуры, одной из основных задач которой является надзор за исполнением законов, в том числе законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

К исполнению законов об органах конституционной юстиции должны быть подключены и законодательные (представительные) органы

¹¹ См.: Иванова Е.Л., Петров А.А. Законодательное регулирование организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Иркутск, 2010. С. 9.

субъектов Российской Федерации. Это не только логически верно, но и непосредственно вытекает из смысла Федерального закона от 6 октября 1999 года «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Во-первых, ст. 8 данного Закона предусматривает, что конституция (устав) и законы субъекта Российской Федерации подлежат государственной защите, под которой согласно смыслу правовых позиций Конституционного Суда России понимается, в частности, осуществление контроля за их соблюдением, исполнением. Во-вторых, одной из функций законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, согласно ст. 5 (п. 4) указанного Федерального

закона, является осуществление, наряду с другими уполномоченными на то органами, контроля за соблюдением и исполнением законов субъекта Российской Федерации.

Таким образом, для дальнейшего развития конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации необходимо не только расширять и совершенствовать их законодательную базу, но и задействовать меры организационно-практического характера как федеральными, так и региональными органами государственной власти. Такие комплексные и совместные усилия будут в значительной мере способствовать развитию конституционного правосудия и, тем самым, укреплению конституционной законности и формированию единого правового пространства в Российской Федерации.

ПРАВО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧУЖОГО ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА СОБСТВЕННИКОМ РАСПОЛОЖЕННОЙ НА НЕМ НЕДВИЖИМОСТИ

КОЗЛОВ Денис Валерьевич

Аннотация: данная статья посвящена правомочиям собственника здания, строения, сооружения (недвижимости) на земельный участок в случае отсутствия у него документально подтвержденных прав на земельный участок.

Annotation: this article is devoted to the authority of realty owner of the land when realty owner has not any rights of the land.

Ключевые слова: собственник, недвижимость, земельный участок.

Key words: realty, owner, land.

Одной из самых тяжелых и неразрешимых проблем на протяжении постсоветского периода развития отечественного права является определение правомочий собственника зданий, строений и сооружений, в случае если у него нет четко оформленных прав на земельный участок. Сразу следует оговориться, что речь идет о законно оформленном праве собственности, вопросы самовольно возведенной постройки (самозастрой) данным институтом не охватываются.

При этом мы говорим исключительно о недвижимости, которая прочно связана с землей, и ее перемещение без несоразмерного ущерба назначению невозможно (ст. 130 ГК РФ). В п. 10 ст. 1 ГК РФ такие объекты именуются объектами капитального строительства (постоянными постройками) – здания, строения, сооружения, объекты незавершенного строительства. Они включаются в Единый реестр объектов капитального строительства в отличие от временных построек (киосков, навесов и других подобных построек).

Корни проблемы уходят к праву застройки дореволюционного и советского образца. В силу ст. 542 Свода законов гражданских Российской империи и ст. 71 ГК РСФСР 1922 года, собственник земельного участка заключал с застройщиком договор, в силу которого застройщик имел право построить на земельном участке собственника недвижимое имущество и пользоваться им до наступления обусловленного срока за плату собственнику вознаграждения. По истечении срока договора застройщик обязан был снести здание, строение, сооружение. Если недвижимость застройщиком не уничтожалась, то она считалась перешед-

шей в пользу собственника земельного участка¹.

Право застройки наделяло своего обладателя временным правом собственности, поскольку здание, строение, сооружение могло существовать только в пределах срока действия договора с собственником земельного участка. Подобное временное право собственности, которое порождало право застройки, никак не отвечало интересам общества и подвергалось научной критике. В частности, А.В. Венедиктов писал, что «срочность права собственности несовместима с понятием права собственности, ибо несовместима с основным элементом этого права: с наличием у собственника своей власти над вещью, так как вещь не может считаться своей для собственника, если осуществлению его власти над нею ставится определенный срок»². В конечном итоге от права застройки отказались³, заменив его правом бессрочного пользования земельным участком⁴. Собственники жилых домов получили долгожданную гарантию того, что право собственности на строения не будет ограничено сроком пользования земельным участком.

¹ Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской империи ; проект Гражданского уложения Российской империи ; Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. ; Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. Екатеринбург : Изд-во ин-та частн. права, 2003. С. 122–124, 625–627.

² Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность // Избр. тр. по граждан. праву : в 2 т. М. : Статут, 2004. Т. II. С. 308.

³ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 01.02.1949 г. «О внесении изменений в законодательство РСФСР в связи с Указом Президиума ВС СССР от 26.08.1948 г. "О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов"» // Ведомости ВС РСФСР. 1949. № 8.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.08.1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» // Ведомости ВС СССР. 1948. № 36.

Согласно ст. 273 ГК РФ при переходе права собственности на здание, строение или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю переходит и право собственности на земельный участок, занятый зданием или сооружением и необходимый для его использования, если иное не предусмотрено законом. Подобная формулировка отражает стремление законодателя связать судьбу земельного участка и расположенной на нем недвижимости в единое целое и дублируется положениями ст. 35 ЗК РФ, где предусматривается запрет на отчуждение здания, строения, сооружения другому лицу без передачи ему в собственность земельного участка. Более того, предусматривается правило об обязательном отчуждении доли в праве собственности на здание, строение, сооружение совместно с пропорциональной долей в праве собственности на земельный участок при условии нахождения этого участка в собственности нескольких лиц.

Однако п. 4. ст. 35 ЗК РФ вводит и два исключения из общего правила, допускающие переход права собственности на недвижимость без перехода права собственности на земельный участок:

- отчуждение части здания, строения, сооружения, которая не может быть выделена в натуре вместе с частью земельного участка;
- отчуждение здания, строения, сооружения, находящихся на земельном участке, изъятом из оборота.

Сюда же необходимо добавить случаи, когда право собственности на земельный участок и право собственности на здания, строения, сооружения оказались в руках разных лиц до введения в действие настоящего ЗК РФ и сохраняются до сих пор. При подобном раскладе собственник недвижимости, которая находится на чужом земельном участке, принадлежащем иному лицу на праве частной собственности, имеет преимущественное право покупки или аренды земельного участка, которое осуществляется в порядке, установленном ГК РФ для случаев продажи доли в праве общей собственности постороннему лицу. Если земельный участок принадлежит на праве собственности государству или муниципальному образованию, то собственник здания, строения и сооружения имеет исключительное право на приватизацию или приобретение права аренды таких земельных участков согласно порядку, установленному ст. 36 ЗК РФ.

В случае, когда собственник недвижимости продает свое имущество, собственнику земельного участка не предоставляется преимущественного права по приобретению подобной недвижимости, что следует считать недоработкой законодательства. Разумеется, собственники могут договориться между собой. Однако если этого не происходит, и здание, строение и сооружение переходит к другому лицу, а у продавца отсутствуют какие-либо права на земельный участок, действует следующее правило: новый собственник недвижимости автоматически получает право на использование соответствующей части земельного участка, занятой зданием, строением, сооружением и необходимой для их использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний их собственник (п. 1. ст. 36 ЗК РФ, ст. 271, 272, 552 ГК РФ)⁵. Площадь части земельного участка, занятой зданием, строением, сооружением и необходимой для их использования, определяется в соответствии с правилами землепользования и застройки, землеустроительной, градостроительной и проектной документацией (п. 3. ст. 33 ЗК РФ).

Если по каким-либо причинам собственник здания, строения, сооружения утратит право использования чужим земельным участком, то он обязан оформить права на данный земельный участок по соглашению с его собственником. В случае недостижения согласия возникший спор решает суд, который может либо установить право использования на новый срок, либо объединить право собственности в одних руках. В последнем варианте предпочтение, как следует из ст. 272 ГК РФ, отдается собственнику того имущества, какое является более ценным.

Следует отметить, что кажущееся очевидным на первый взгляд решение (земельный участок – главная вещь, водный объект – принадлежность) при более детальном рассмотрении является далеко не бесспорным. Если в отношении земель сельскохозяйственного назначения подобная презумпция будет верной, то в отношении земель населенных пунк-

⁵ Сразу необходимо оговориться, что если в ст. 36 ЗК РФ речь идет об использовании земельного участка, то в ст. 271, 272 ГК РФ – о пользовании частью земельного участка. Во всем остальном формулировки являются сходными, что позволяет говорить об одном и том же праве. Несоответствие терминов можно рассматривать как определенную неряшливость законодателя, увы, не носящую единичный характер. Поскольку ЗК РФ применительно к земельным отношениям имеет большую юридическую силу, чем ГК РФ, в рамках настоящего параграфа речь пойдет об использовании земельных участков.

тов львиная доля случаев будет носить полностью противоположный характер (стоимость многоэтажных зданий гораздо выше расположенных под ними земельных участков). В связи с чем данная проблема заслуживает подробного рассмотрения, иначе есть опасность «перепутать небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда»⁶.

Подобное правило вытекает из ст. 135 ГК РФ, согласно которой вещь (имущество), предназначенная для обслуживания другой, главной, вещи и связанная с ней общим назначением (принадлежность), следует судьбе главной вещи.

Вслед за Н.Н. Аверченко, посвятившему данному вопросу подробное исследование, соотношение между главной вещью и принадлежностью можно рассматривать как субординационную функциональную связь, при которой интерес участников гражданского оборота со всей очевидностью направлен на некоторую основную вещь и лишь в порядке дополнения, по умолчанию, – на ее аксессуары⁷. Таким образом, при субординационном типе функциональной связи налицо непосредственное подчинение одной вещи другой и уже опосредованно – идее целого⁸.

Следует отметить, что в цивилистической науке не решен вопрос о соотношении понятий «принадлежность» и «составная часть». Одни авторы полагают, что «юридическое значение деления на составные части вещи и принадлежности весьма существенно»⁹; смешение понятий считается недопустимым¹⁰. По мнению других, напротив, «смешение понятий принадлежности и части вещи не может быть почитаемо уже до такой степени невозможным и недопустимым, как это утверждают многие из наших цивилистов»¹¹; «смешение это не представляется практически опасным»¹².

⁶ Сапковский А. Кровь эльфов. М., 1996. С. 48.

⁷ Автор дает следующее определение: принадлежность – это физически самостоятельный предмет, находящийся в функциональном подчинении по отношению к главной вещи (Аверченко Н.Н. Правовой режим сложных вещей : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 94).

⁸ Аверченко Н.Н. Указ. соч. С. 68–69.

⁹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона. СПб., 1898. Т. XXV. С. 229.

¹⁰ Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 128.

¹¹ Анненков К. Система русского гражданского права. Т. I : Введение и Общая часть. 2-е изд. СПб., 1899. С. 279.

¹² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 105. Аналогично: Варадинов Н. Исследование об имущественных или вещественных правах по законам русским. Ст. 1 : О праве на собственность. СПб., 1855. С. 140–141.

Поиск критериев субординации («что чему служит») издавна привлекал внимание исследователей. «Общее начало, по которому следует определять характер имущества как главного и принадлежностного, конечно, ясно, но применение этого начала к отдельным случаям может быть затруднительно», – писал в свое время Д.И. Мейер¹³. И сегодня У. Маттеи отмечает, что «правовые системы ведут спор за выявление подобных критериев»¹⁴. В настоящее время можно выделить несколько критериев субординации:

Во-первых, законодательное указание на то, что следует считать главной вещью, а что – принадлежностью. В таких случаях в законе устанавливаются не общие принципы, а конкретные перечни¹⁵.

Во-вторых, нормативно-технические предписания. Однако в этом случае не обойтись без специального толкования узкоотраслевых терминов, содержащихся в технической документации. Юридические термины «главная вещь» и «принадлежность» в подобных документах не встречаются.

В-третьих, подчиненность одних вещей другим может быть определена договором. Гражданские кодексы Франции и Италии используют субъективный критерий, в соответствии с которым отнесение того или иного имущества к категории принадлежности производится по воле собственника¹⁶. Конечно, меняющиеся экономические представления, интересы участвующих в сделке лиц могут модифицировать назначение вещи так, что одна и та же вещь будет рассматриваться то как главная, то как принадлежность. Стороны могут «по своему соглашению придать значение главной той вещи, которая обычно <...> фигурирует как принадлежность, и наоборот»¹⁷.

В-четвертых, самым распространенным способом установления подчиненности является обычай, что отмечали еще К.П. Победо-

¹³ Мейер Д.И. Русское гражданское право (в двух частях, часть первая) (по изд. 1902 г.). М., 1997. С. 144.

¹⁴ Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 136.

¹⁵ Например, § 98 ГГУ. Встречались подобные положения и в Своде законов гражданских. Однако современный российский законодатель фактически отказался от использования подобного критерия.

¹⁶ Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. С. 137.

¹⁷ Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. М., 1970. С. 211 ; Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова. М., 1982. С. 180.

носцев¹⁸ и В.В. Ефимов¹⁹. Для судебной практики более предпочтителен объективный подход к пониманию принадлежности. Только не в том смысле, что конкретная принадлежность раз и навсегда задана к исключительному служению конкретной главной вещи, а в том, что она, как правило, в большинстве «среднестатистических» случаев рассматривается в качестве таковой, раз стороны не оговорили иного²⁰.

Сложившиеся обыкновения по поводу того, какая вещь является обслуживающей, а какая – основной, могут проявляться, в том числе в следующем:

1) главная вещь определяется через номинативный критерий, в гражданском обороте именно по ней называется целое. Трудно не согласиться с Д.И. Мейером по этому поводу: «...Для обозначения всех частей употребляется одно собственное имя. Вместо того, чтобы сказать: картина и рама, перстень и алмаз, – говорят – картина, перстень»²¹. Аналогично в современной практике описания недвижимых объектов «наименование единицы недвижимости дается по главной вещи»²². В таких случаях функциональный приоритет, как видно, выражен словесно;

2) не менее важным обычным индикатором субординационной связи вещей выступает существенное превышение стоимости одной вещи над стоимостью другой. В частности, Павел считал, что власти Рима «не хотели того, чтобы человек (раб) являлся принадлежностью такой вещи, которая стоит дешевле, дабы не совершалось нарушения эдикта или гражданского права... Такое же положение было и в отношении прочих вещей, ибо было бы смешно, если бы имение являлось принадлежностью туники»²³. П.П. Цитович полагал, что «при невозможности решить, которая из вещей служит другой, можно признать за главную ту, что ценней»²⁴. В современном праве подобный индикатор также учитывается. В таможенных правоотношениях согласно примеч. 5 по группе 97 Товарной номенклатуры внешнеэконо-

мической деятельности Содружества Независимых Государств²⁵, «рамы для картин, рисунков, пастелей, коллажей или других декоративных изображений, гравюр, эстампов или литографий должны быть отнесены к тем же позициям, что и сами произведения искусства, если характер и стоимость рам соответствуют этим произведениям. Рамы, характер и стоимость которых не соответствуют произведениям искусства, перечисленным в данном примечании, должны классифицироваться отдельно». Необходимо отметить, что в критерии стоимости важно не всякое, а лишь существенное превышение одной цены над другой²⁶.

Из приведенного выше перечня критериев субординации, необходимых для определения главной вещи и принадлежности, к совокупности²⁷ земельный участок – здание, строение, сооружение (недвижимость) в настоящее время можно отнести только договор и обычай. Договор предполагает добровольное соглашение между сторонами, в случае его отсутствия остается обычай. Из двух его разновидностей (номинативный и стоимостный критерии) интерес для рассматриваемой проблемы представляет стоимостный критерий, то есть вещь считается главной, когда ее цена существенно (значительно) превышает цену другой вещи (принадлежности)²⁸. Данное обстоятельство и было отражено в ст. 272 ГК РФ.

Кроме того, было бы логично предоставить возможность собственнику главной вещи требовать выкупа у другого собственника его имущества по рыночной цене в судебном порядке. При этом по аналогии возможно использовать положения об изъятии путем выкупа земельных участков и иного имущества, хотя эти два института и нельзя смешивать, как справедливо отмечается в ст. 272 ГК РФ²⁹.

²⁵ Принята Соглашением стран СНГ от 3 ноября 1995 г. 2-е изд. М., 1996.

²⁶ Аверченко Н.Н. Указ. соч. С. 74.

²⁷ Совокупность – сочетание, общая сумма, общее количество чего-либо (Словарь русского языка : в 4 т. // под ред. А.П. Евгеньевой 2-е изд. М., 1984. С. 177).

²⁸ Неплохо при этом определить, какая разница в цене считается существенной, какая нет. Например, в бухгалтерском учете существенными являются статьи расходов или доходов, составляющие не менее 5 % от общей величины расходов и доходов (Приказ Минфина РФ «Об утверждении положения по бухгалтерскому учету "доходы организации" ПБУ 9/99» от 06.05.1999 г. № 32н и Приказ Минфина РФ «Об утверждении положения по бухгалтерскому учету "расходы организации" ПБУ 10/99» от 06.05.1999 г. № 33н. Зарегистрированы в Минюсте РФ 31.05.1999 г. № 1790 и № 1791).

²⁹ Статьи 240, 241, 279–282, 445–446 ГК РФ ; ст. 49, 54, 55 ЗК РФ.

¹⁸ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть : Вочинные права. М., 2002. С. 122.

¹⁹ Ефимов В.В. Догма римского права. Общая часть. Вещное право. Посмертное перераб. изд. Пг., 1918. С. 110.

²⁰ Аверченко Н.Н. Указ. соч. С. 73.

²¹ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 40.

²² Киселев С. О регистрации летних кухонь, садовых домиков, кабельных сетей. URL: www.anobti.ru/work/bti/2003/index.shtml

²³ Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. IV. М., 2004. С. 145.

²⁴ Цитович П.П. Русское гражданское право. Общая часть : конспект лекций. Киев, 1894. С. 30.

На сегодняшний день, однако, судебная практика рассматривает ст. 272 ГК РФ в неразрывной связи со ст. 36 ЗК РФ, имея в виду исключительное право собственника объекта недвижимости на использование занятого таким объектом земельного участка. В частности ФАС Северо-Кавказского округа оставил в силе принятые по делу № А32-17983/2008³⁰ судебные акты об отказе в освобождении занятого объектом недвижимости земельного участка. Своим постановлением кассационная инстанция подтвердила вывод нижестоящих судов о незаконности попытки администрации добиться освобождения земельного участка от арендатора-собственника находящегося на этом участке объекта недвижимости, лишив последнего тех гарантий и компенсаций, которые предусмотрены законодательством при изъятии недвижимости и земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Как указал суд, такой интерес истца не может быть оценен как законный и подлежащий защите³¹.

В то же время законодатель оставил нерешенным два вопроса: к какому разряду – вещному или обязательственному – следует относить право использования чужого земельного участка собственником недвижимости и какие юридические факты могут рассматриваться в качестве оснований для прекращения подобного права?

Первоначально вариантов решения по первому вопросу в цивилистической литературе предлагалось три: а) считать право использования и право постоянного бессрочного пользования синонимами; б) право использования – это любое вещное или обязательственное право, содержащее правомочие пользования (право пожизненного наследуемого владения, право аренды, право безвозмездного срочного пользования и др.); в) «право использования» – это иное, отличное от всех известных в российском гражданском праве вещное право «пользования» либо «использования», которое всегда имеется у лица на соответствующую часть земельного участка под зданием, строением, находящимся в его собственности³².

Первый вариант на сегодняшний день исключен законодателем, установившим закрытый перечень субъектов права постоянного

(бессрочного) пользования. Круг субъектов права использования чужого земельного участка гораздо шире. Третий вариант также следует признать ошибочным, поскольку четкой характеристики права использования как вещного права в законодательстве не содержится, а правоприменительная практика идет по другому пути, который укладывается в рамки второго варианта, что подтверждается п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 года № 11, где говорится, что покупатель здания, строения, сооружения вправе требовать оформления соответствующих прав на земельный участок, занятый недвижимостью и необходимый для ее использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний собственник недвижимости, с момента государственной регистрации перехода права собственности на здание, строение, сооружение.

Если недвижимость находится на земельном участке, принадлежащем продавцу на праве постоянного (бессрочного) пользования, а покупателю согласно ст. 20 ЗК РФ земельный участок на таком праве предоставляться не может, последний как лицо, к которому перешло право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в связи с приобретением здания, строения, сооружения (п. 2 ст. 268, п. 1 ст. 271 ГК РФ), может оформить свое право на земельный участок путем заключения договора аренды или приобрести его в собственность в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 3 Закона о введении в действие ЗК РФ.

Соответственно если у собственника здания, строения, сооружения есть какое-либо вещное право на земельный участок или право аренды, то при продаже им недвижимости к новому собственнику переходит и данное право на земельный участок. Например, в рамках дела № А41-14506/09 суд постановил, что физическим лицам, ставшим собственниками жилых домов после введения в эксплуатацию коттеджного поселка, перешло и право аренды земельного участка, принадлежавшего застройщику в период строительства, несмотря на отсутствие оформленных с ними в установленном порядке договоров аренды³³. Причем суды признают законным даже переход по этой статье права постоянного (бессрочного) пользования к юридическому лицу, которое, согласно ст. 20 ЗК РФ, не может обладать по-

³⁰ Постановление ФАС СКО от 26.06.2009 г. по делу № А32-17983/2008 // ИПО «Гарант».

³¹ Хужин С., Андрианов Н. Без вины виноватый генплан // ЭЖ-Юрист. 2011. Июль. № 26. С. 36.

³² Плотникова И. Переход прав на участок // ЭЖ-Юрист. 2004. Июль. № 26. С. 4–7.

³³ Постановление Президиума ВАС РФ от 05.07.2011 г. № 1721/11 по делу № А41-14506/09 // Вестн. ВАС РФ. 2011. № 10.

добным правом (если у продавца недвижимости есть право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком), но обязательно указывают на необходимость его переоформления в право собственности или аренды до установленного ЗК РФ срока³⁴.

Иными словами, речь идет не о праве на земельный участок (его у лица нет), а о праве на приобретение (оформление) права на земельный участок, обязательным условием существования которого является наличие у лица в собственности объекта недвижимости на соответствующем земельном участке. Вполне можно такой институт рассматривать как разновидность секундарного права – систему юридически защищенных и признанных правопорядком возможностей правоспособного лица приобрести то или иное субъективное право³⁵.

Вместе с тем в литературе последнего времени предлагаются и иные определения правового положения использования чужого земельного участка собственником расположенной на нем недвижимости. А.В. Германов рассматривает такое использование как частичный суперфиций («частичный этот суперфиций является потому, что не весь земельный участок может переходить к новому собственнику здания, строения, сооружения»), который выступает разновидностью законного, но беститульного владения³⁶. О.М. Козырь, А.А. Маковская³⁷, В.В. Чубаров предлагают считать это новым вещным правом – ограниченное владение земельным участком³⁸. Данное право должно обеспечить правомерность существования недвижимости в пределах чужого земельного участка и правомерности ее дальнейшего беспрепятственного перехода к другому лицу при отчуждении объекта³⁹.

Однако другие авторы критикуют подобные взгляды, указывая, что не решен вопрос

о соотношении права ограниченного владения чужим земельным участком с сервитутом иными ограниченными вещными правами, предлагают использовать уже существующий потенциал и рассматривать этот случай как фактическое беститульное владение, которое именно в таком качестве должно быть закреплено в ГК РФ⁴⁰.

Наконец, В.В. Метельская, со ссылкой на испанское право, предлагает считать право пользования чужим земельным участком собственником расположенной на нем недвижимости легальным сервитутом. В испанском праве под такими сервитутами понимается юридический инструментарий, предоставляющий право пользования чужим имуществом в интересах частных лиц, который предусматривается законом. Правда, в каждом конкретном случае легальный сервитут требует издания правоприменительного акта⁴¹.

Основания прекращения права пользования чужим земельным участком всегда производны от оснований прекращения права собственности на объект недвижимости, изложенные в гл. 15 ГК РФ. Утрата лицом права собственности на здание, строение, сооружение означает и утрату им пользования чужим земельным участком.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы на основании действующего на данный момент времени законодательства:

1. Если у собственника здания, строения, сооружения, расположенного на чужом земельном участке, имеется какое-либо ограниченное вещное или обязательственное право на данный участок, то, в случае продажи им здания, строения, сооружения, к покупателю переходит и его право на земельный участок в порядке, предусмотренном ст. 382–390 ГК РФ.

2. Если у собственника недвижимости нет законно оформленных прав на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, то к приобретателю недвижимости переходит исключительное право на приватизацию данного земельного участка или заключение договора аренды по правилам, предусмотренным ст. 36 ЗК РФ.

³⁴ Определение ВАС РФ от 02.02.2011 г. № ВАС-698/11 по делу № А41-4202/10 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Поволжского округа от 11.03.2011 г. по делу № А55-8573/2010 // ИПО «Гарант».

³⁵ Белов В.А. *Гражданское право: Общая часть*: учеб. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 552–553.

³⁶ Германов А.В. *Земельный участок в системе вещных прав*. М.: Статут, 2011. С. 129.

³⁷ Козырь О.М., Маковская А.А. «Единая судьба» земельного участка и расположенных на нем иных объектов недвижимости имущества (реальность и перспективы) // *Вестн. ВАС РФ*. 2003. № 2. С. 95–114.

³⁸ Чубаров В.В. *Проблемы правового регулирования недвижимости*. М.: Статут, 2006. С. 133.

³⁹ Торкин Д.А. *О праве пользования земельным участком собственником недвижимости* // *Нотариус*. 2008. № 5. С. 18–20.

⁴⁰ Пятков Д.В., Фролов О.В. *Право ограниченного владения земельным участком: быть или не быть?* // *Журн. рос. права*. 2004. № 7. С. 66–75.

⁴¹ Метельская В.В. *Отрицательные и промышленные сервитуты: правовая природа* // *Вестн. Федерал. арбитраж. суда Северо-Кавказ. округа*. 2008. № 6. С. 103–112.

3. Если у собственника недвижимости нет законно оформленных прав на земельный участок, находящийся в частной собственности, то ситуация наиболее сложная, хотя и крайне редко встречающаяся. В данном случае приобретатель недвижимости должен либо оформить право на земельный участок по соглашению с его

собственником, либо приобрести в собственность земельный участок (в случае, когда больше стоимость здания, строения, сооружения), либо продать свою недвижимость собственнику земельного участка (в случае, когда меньше стоимость здания, строения, сооружения, чем земельного участка).

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА С УЧАСТИЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ТРЕТЬЯКОВА Екатерина Сергеевна

Аннотация: статья посвящена историко-правовому анализу процесса формирования основных направлений взаимодействия Российского государства в рамках международного права по вопросам гражданско-правовой сферы. Исследуется временной промежуток с XVIII – начало XX века. Определены и охарактеризованы, со ссылками на соответствующие источники, основные направления в обозначенной сфере, выделены этапы в рассматриваемом процессе.

Annotation: article is devoted historical and legal to analysis of process of formation of the main directions of interaction of the Russian state within international law concerning the civil sphere. The time interval with XVIII on the beginning of the XX century is investigated. The author defines and characterizes the main directions in the specified sphere, allocates stages in c process are allocated and links on the relevant sources.

Ключевые слова: история международного права, гражданско-правовые отношения с иностранным элементом, наследственное право, формы сделок, право на судебную защиту.

Key words: history of international law, civil relations with a foreign element, law of succession, forms of contracts, right to judicial protection.

На сегодняшний день международное право занимает значимую роль в регулировании правоотношений, в том числе на территориях отдельных государств. Однако так было не всегда. Настоящая статья посвящена исследованию генезиса основных направлений взаимодействия государств по вопросам гражданского права. Из круга направлений исключено торговое сотрудничество, лежавшее в основе формирования межгосударственных отношений и послужившее базисом для дальнейшего развития сотрудничества государств в рассматриваемой сфере. Что касается хронологических рамок, то по своему историческому происхождению международное право формировалось как право «европейских христианских» государств, в котором Россия стала принимать активное участие лишь с конца XVII века. Ведь «сношения России с Западной Европой приняли правильный характер не ранее начала XVIII в. В XVI и XVII вв. они отличались случайностью и были исключением из того порядка замкнутости, с которым сжилось Московское государство», – пишет известный исследователь международного права XIX века профессор Ф.Ф. Мартенс¹.

В XVIII веке, таким образом, Российское государство вступает на путь постоянных международных отношений. Все это столетие проходит под знаком неуклонного выдвигания на мировую политическую арену. Бурное развитие взаимоотношений, естественно, влекло развитие торговли, имущественных отношений, а вслед за этим – нарушения законодательства страны пребывания, что с неизбежностью требовало формирования подходов к решению проблем на международно-правовом уровне.

В сфере международного взаимодействия, касающегося непосредственно гражданско-правового аспекта, возникает потребность в регулировании отношений, возникающих в результате бурно развивающейся в рассматриваемый период торговли с иностранными государствами, а это, прежде всего, право собственности. Обеспечение права купцов на принадлежащее им имущество составляло основу гражданско-правовых отношений с участием субъектов различных национальностей. Торговые договоры в первую очередь были направлены на регламентацию и защиту гражданских прав собственных подданных на территории иностранных государств. Прежде всего, защищалось право владения. Так, например, договор между Россией и Португалией «О взаимной дружбе и торговле» от 9 (20) декабря 1787 года

¹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1883. С. 17.

подчеркивал: «Купеческие корабли, принадлежащие подданным одной из договаривающихся держав, не будут задержаны, ни товары их захвачены, исключая случаи судебного захвата»².

Таким образом, обеспечение права купцов на принадлежащее им имущество составляло основу гражданско-правовых отношений с участием субъектов, являющихся подданными различных государств. Иностранцам купцам, в России поселившимся, позволялось строить, продавать и покупать дома, осуществлять всю полноту гражданско-правовых сделок, разрешенных в России, взамен этого российские подданные получали аналогичные права в соответствующем государстве. Правительство Российского государства не оспаривало и права иностранных подданных на распоряжение своим имуществом. Оно подтверждало право купцов на их корабли и доставленное в страну имущество, удовлетворяло претензии о возмещении вреда, причиненного по вине российских подданных, возвращало вещи и предметы, которые были временно изъяты в чрезвычайных ситуациях, и принимало ряд других мер, направленных на защиту иностранных купцов. Наряду с этим, главы Русского государства выступали в поддержку прав и интересов своих купцов. Они протестовали против нарушений их имущественных прав, требовали возврата изъятого имущества и, ссылаясь на принятые в международной жизни «обыкновения» ради «дружбы» и «общей пользы государств», настаивали на удовлетворении справедливых претензий пострадавших торговцев³. В свете этих представлений развивалась и договорная практика. Норма о необходимости уважать права торговых людей на их имущество вошла во многие международные договоры в виде положений о недопустимости захвата купеческих судов и товаров, а также о том, что государства будут возмещать ущерб, причиненный действиями их граждан, которые нарушили установленные запреты.

Право купцов распоряжаться своим имуществом закреплялось и по отношению к другим случаям. В рассматриваемый период получило широкое признание право купцов за-

вещать свое имущество наследникам. В случае смерти подданного одной из договаривающихся стран во владениях другой, законные его наследники по завещанию или без такового или их представители тотчас имели право вступать во владение наследством, а если таковые не являлись, то наследство переписывалось и оставалось на хранении.

До конца XVIII века вопрос, по каким законам необходимо определять право наследования после иностранцев, был просто неуместен в связи с тем, что в государствах иностранные законы не признавались, а иностранные подданные при отсутствии соответствующих договоров, считались бесправными.

О регулировании вопроса о праве наследования иностранцев в России до XVIII века согласно исследованным источникам достоверных сведений не имеется. С уверенностью можно говорить о регламентации данного вопроса, начиная с 18 апреля 1749 года, когда с принятием Сенатского указа о передаче иностранцам доходящих им по наследству имений, по предварительной учиненной ими в верности присяги, право наследования иностранцев было признано, хотя и с ограничениями, вызванными, прежде всего, политическими побуждениями⁴.

Впервые более или менее определенное правило о праве наследования иностранными подданными движимых и недвижимых имений, остающихся в России, было отражено в манифесте от 1 ноября 1785 года и имело отношение лишь к австрийским подданным⁵. Далее Сенатским указом от 1 августа 1790 года было установлено, что относительно имения, оставшегося после умерших, в случае если явятся наследники, вне Российского государства обитающие, и станут требовать того имения, то при выпуске оно поступать во взыскании 1/10 части, городу по указаниям следующей⁶. А уже с 1772 года, в связи с принятием закона «О вычете десятой части из выво-

² ПСЗ-1. Т. XXII. № 16594.

³ Трактат между Россией и Англией «О дружбе и взаимной между обеими державами коммерции» от 2 декабря 1733 г. // Там же. Т. IX. № 6652; Трактат, заключенный между Российской империей и Великобританией «О торговле и мореплавании» от 10 февраля 1797 г. // Там же. Т. XXIV. № 17796.

⁴ Сенатский указ «О выдавании иностранцам доходящим им по наследству имений, по предварительной учиненной ими в верности подданству присяге» от 18 апреля 1749 г. // ПСЗ-1. Т. XIII. № 9603.

⁵ Манифест «Об открытии торговли между Российской империей и областями австрийской монархии» от 1 ноября 1785 г. // Там же. Т. XXII. № 16284.

⁶ Сенатский указ «О взыскании доимки податей с иностранцев при увольнении их из городского общества и о считании имущества иностранцев выморочным, когда родственников их, по вызовам и в чужих краях не отыщется» от 1 августа 1790 г. // Там же. Т. XXIII. № 16891.

зимого из России иностранцами имения»⁷, с иностранными государствами начали заключаться взаимные договоры, отменяющие эти правила. Так, 20 августа 1800 года была заключена первая конвенция между Россией и Саксонией «О невзимании пошлин с наследственных имений, достоящихся обоюдным подданным», ст. II которой предусматривала «наследникам, как Российским, так и саксонским, имеющим право на наследство, которое находится во владениях другого государя, по завещанию или без такового им доставшегося, позволено свободно получать и переводить те наследственные имения, не подвергаясь праву удержания ими десятой доли, какого бы то ни было рода...»⁸.

Положения, аналогичные вышеприведенным нормам договора с Саксонией, были предусмотрены и в ряде аналогичных конвенций⁹. Однако данные декларации содержали более широкий объект регулирования, так как распространяли свое действие не только на наследственные имения, а на все имущество иностранных подданных, находящихся на территории России; или же, наоборот, российских подданных, имущество которых, неважно каким способом приобретенное, находилось на территории зарубежного государства.

В российском законодательстве присутствовали факты нормативного закрепления устных договоренностей на правительственном уровне о судьбе наследства подданных отдельных стран. Это, например, Сенатский указ от 1 июля 1820 года, который был принят в связи с именованным повелением о данном обещании неаполитанскому и пармскому правительствам не обращать в казну имуществ, остающихся после умирающих в России и царстве Польском подданных неаполитанских и пармских¹⁰.

⁷ Закон «О выдаче десятой части из вывозимой из России иностранцами имения» от 18 июня 1772 г. // ПСЗ-1. Т. XIX. № 13824.

⁸ Конвенция между Россией и Саксонией «О невзимании пошлин с наследственных имений, достоящихся обоюдным подданным» от 20 августа 1800 г. // Там же. Т. XXVI. № 19520.

⁹ Конвенция между Россией и Пруссией «Об отмене вычета из имений переводимых за границу Прусскими подданными из России, а Российскими из Пруссии» от 21 апреля 1824 г. // Там же. Т. XXXIX. № 29874 ; Декларация «О взаимной отмене вычета за вывоз и перевод за границу имений, доставшихся или принадлежащих Российским и Ганноверским подданным» от 20 июня 1824 г. // Там же. Т. XXXIX. № 29959 ; Декларация «О взаимной отмене вычета за вывоз и перевод за границу имений, принадлежащих Российским подданным во Франции и Французским подданным в России» от 31 октября 1824 г. // Там же. Т. XXXIX. № 30103.

¹⁰ Сенатский указ «О данном обещании неаполитанскому и пармскому правительствам не обращать в казну имуществ, остающихся после умирающих в России их подданных» от 1 июля 1820 г. // Там же. Т. XXXVI. № 28339.

Таким образом, что касается обеспечения наследственных прав подданных, Россия изначально, наряду с некоторыми другими странами (например, Франция, Англия), относительно недвижимого имущества придерживалась принципа применения закона местонахождения имущества. Так, ст. 1106 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи содержала норму, согласно которой иностранные подданные не устранялись от права наследования¹¹. Порядок наследства иностранцев в имении, остающемся в России, определялся общими правилами, существовавшими для коренных подданных, с изъятиями, изложенными в законах о состоянии. Они содержались в ст. 1284, которая закрепляла, что «гражданские права и обязанности по распоряжению движимым имуществом лиц, не имеющих постоянного места жительства, и иностранцев определяются общими законами империи», а также в ст. 1294, устанавливающей, что «если иностранец, умерший во время пребывания своего в империи, или в Царстве Польском, или в Великом Княжестве Финляндском не был подданным России, то дела по оставшемуся после него движимому имуществу решаются по общим о иностранцах законам того места, где он имел пребывание»¹².

Итак, проблеме наследования имущества уделялось довольно-таки большое внимание при принятии различных трактатов на международном уровне, которые, в свою очередь, устанавливали существенные ограничения действия российского законодательства. При этом вообще дела о наследствах можно разделить на несколько категорий: 1) наследства, открывающиеся в государствах, с которыми Россия не заключила наследственных конвенций; 2) наследства известной категории лиц (например, мореходцев), открывающиеся в государстве, с которым заключена специальная конвенция; 3) наследства, открывающиеся в государствах, с которыми не заключено специальных конвенций о наследствах, но в торговых трактатах с которыми имеются положения на сей предмет; 4) наследства, открывающиеся в странах, с которыми Россия заключила специальные конвенции о наследствах.

Если рассмотреть временной элемент в процессе заключения конвенций, содержащих ка-

¹¹ Свод законов гражданских // Свод законов Рос. империи. Изд. 1900 г. СПб., 1900. Т. 10. Ч. 1.

¹² Свод законов о состояниях // Там же. Изд. 1898 г. СПб., 1898, 1896. Т. 9.

кие-либо положения относительно открывающихся наследств иностранных подданных, то согласно исследованиям теоретиков международного права в отношении вопроса о наследовании имущества иностранными подданными можно выделить два периода: (1) до заключения в 1874 году специальных международно-правовых актов о наследствах и (2) после принятия в 1874 году специальных конвенций о наследствах.

В первый период, до 1874 года, в трактатах о торговле и мореплавании, заключенных Россией и другими государствами, сохранялся общеустановленный в Своде законов Российской империи порядок наследования. Так, трактат с Великобританией, заключенный 31 декабря 1858 года (12 января 1859 года) ст. 13 указывал, что «подданные каждой из обеих договаривающихся держав будут иметь право приобретать собственность и располагать ею, между прочим, посредством духовных завещаний, наследство по умершем без духовного завещания, или всякими иными способами, на тех же условиях, какие установлены законами страны для всех иностранцев. Их наследники и представители их прав могли наследовать такую собственность и вступать во владение как сами лично, так и через действующих от их имени агентов, точно также и с соблюдением тех же законом предписанных формальностей, которые существовали для собственных подданных государства. Если у умершего не было наследников либо представителей прав таковых, в отношении оставленной собственности принимались меры, аналогичные соответствующим при смерти собственного подданного государства при подобных обстоятельствах»¹³. Аналогичные положения содержались и в трактате о торговле и мореплавании между Россией и Италией 16 (28) сентября 1863 года¹⁴.

Следующим этапом в развитии наследственного права на международном уровне с участием Российского государства стало нормативное закрепление процесса наследования в соответствии с конвенциями о наследствах, заключенных с Францией 20 марта (1 апреля) 1874 года¹⁵, с Германией 31 октября (12 нояб-

ря) 1874 года¹⁶, с Италией 16 (28) апреля 1875 года¹⁷, с Испанией 14 (26) июня 1876 года¹⁸ и др. Все указанные конвенции и соответственно порядок наследования, регламентируемый ими, за небольшими исключениями тождественны и содержат общее правило, что наследство разделяется на две части: движимое, которое должно подчиняться отечественным законам наследодателя, и недвижимость, правовой режим которой определялся по законам страны нахождения имущества. Из этого следовало, что и все возникающие споры, относящиеся к наследованию недвижимого имущества, подлежали разбору исключительно судебных установлений той же страны (ст. 10). Но из данного правила, касающегося движимого имущества, существовало одно исключение на случай, если подданный того государства, в котором наследство открылось, предъявит свои права на наследство до истечения шестимесячного со дня последней публикации о вызове наследников и кредиторов умершего срока, либо восьмимесячного, если публикация не была сделана. В означенном случае рассмотрение иска предоставлялось судебным установлениям или подлежащим властям той страны, где наследство открылось, которые и выносят решение по законам своей страны. Иные же споры, предъявленные до истечения указанных сроков местными подданными либо подданными третьего государства, хотя и подлежали рассмотрению судебных установлений страны, где открылось наследство, но лишь в случае, когда данные требования не были основаны на праве наследства по закону или по завещанию. Согласно ст. 8 рассматриваемых конвенций по истечении установленных сроков (шесть и восемь месяцев соответственно) «если не будет заявлено никакой претензии, консульская власть, уплатив в установленных местными законами размерах все числящиеся на наследстве издержки и счета, получает окончательно в свое заведывание движимую часть наследства, которую ликвидирует и передает наследникам по принадлежности, отдавая в том отчет только своему собст-

¹³ Трактат между Россией и Великобританией от 31 декабря 1858 г. (12 января 1859 г.) // ПСЗ-2. Т. XXXIII. № 34157.

¹⁴ Трактат между Россией и Италией «О торговле и мореплавании» от 16 (28) сентября 1863 г. // Там же. Т. XXXVIII. № 40454.

¹⁵ Конвенция о наследствах, заключенная между Россией и Францией 20 марта (1 апреля) 1874 г. / В.Н. Александренко // Собр. важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906). Варшава, 1906. № 61.

¹⁶ Манифест «Об открытии торговли между Российской империей и областями австрийской монархии» от 1 ноября 1785 г. // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16284.

¹⁷ Конвенция о наследствах, заключенная в Санкт-Петербурге между Россией и Италией 16 (28) апреля 1875 г. / В.Н. Александренко. № 63.

¹⁸ Конвенция о наследствах, заключенная в Санкт-Петербурге между Россией и Испанией 14 (26) июня 1876 г. / Он же. № 64.

венному правительству»¹⁹. Таким образом, в иностранных государствах русские подданные имели возможность оставлять наследственное имущество. Относительно совершения завещаний за границей можно отметить, что они могли совершаться либо по местным законам страны пребывания, или по Консульскому уставу.

Итак, заключение конвенций о наследстве было необходимо, диктуемой временем и уровнем развития международного права на рассматриваемом этапе. Поэтому в конце XIX века Институт международного права принял в проекте международной конвенции резолюции, относящиеся к праву наследства. В ст. VII проекта постановлено, что все наследство определяется по законам государства наследодателя или местонахождения, независимо из какого имущества (движимого или недвижимого) оно состоит. На основании ст. VIII этого же проекта, иностранные законы, отечественные или места жительства не могут применяться к наследству, «если они противоречат (местному) публичному праву или общественному порядку»²⁰.

Безусловно, вопросы наследования имущества в рассматриваемый период времени были наиболее детально проработаны с точки зрения нормативного регулирования, однако и другим вопросам гражданско-правовой сферы уделялось внимание. В целом иностранцы за границей (как подданные иных держав в России, так и русские в других государствах) имели неоспоримое право приобретать движимое и недвижимое имущество на территории других стран на основании местных законов. В сфере обязательственного права действовало правило, что формальные условия сделки определяются законом места совершения таковой. В случае, если место совершения сделки определить трудно, то формальные условия обязательства должны были определяться по национальным законодательствам сторон. Также в различных конвенциях допускалось применение законов контрагентов в качестве общего правила. Такова, например, российско-испанская конвенция 1876 года²¹.

Применение национальных законов к формам сделок, совершаемых на территории других государств, в рассматриваемый период получило довольно точное определение в между-

народных конвенциях, в статьях, определяющих нотариальные права консулов. Так, в ст. 9 упомянутой российско-испанской конвенции 1876 года содержалось правило, что «консулы могут принимать к явке и совершению в качестве нотариусов и на основании законов их страны: 1) завещания соотечественников и всякие другие нотариальные акты, их касающиеся, в том числе и всякого рода договоры (за исключением тех, которые определяют право собственности на недвижимость), и 2) всякого рода акты, заключаемые соотечественниками и вообще лицами, имеющими пребывание за границей, или даже туземными подданными, если только эти акты относятся исключительно до имущества или до дел, находящихся или подлежащих производству в пределах государства, к которому принадлежит консул». На основании этой статьи, если российские подданные, находясь на территории России, желали заключить договор, действие которого должно осуществляться в Испании, они могли обратиться к испанскому консулу для нотариального заверения обозначенного договора, и с формальной стороны такой договор признавался законным, хотя его правило и противоречит принципу места совершения сделки.

Ограничения права купцов на распоряжение имуществом налагались в связи с уголовными преступлениями, а также были связаны с нарушением таможенных правил, регламентов по уплате пошлины и банкротством. На случай банкротства взаимных подданных в основном договоры о дружбе и мореплавании также предусматривали соответствующие статьи. Так, в случае банкротства дела иностранных подданных рассматривались органами местной судебной власти по местным законам²².

Безусловно, важнейшей гарантией прав и интересов иностранных купцов, получившей значительное развитие в XVIII – первой половине XIX века, явилось их право на судебную защиту. В случае возникновения гражданско-правовых споров было предусмотрено обращение в органы государственной власти. «Если подданные одной или другой из договаривающихся Держав будут иметь между собой тяжбы, они могут прибегнуть с общего согласия к собственным консулам <...> или просить помощи у правления», прибегая к помощи местных судов для разрешения дела по местным законам²³. Аналогичные нормы содержались

¹⁹ Конвенция о наследствах, заключенная между Россией и Францией 20 марта (1 апреля) 1874 г. / В.Н. Александренко. № 61.

²⁰ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. С. 315.

²¹ Конвенция о наследствах, заключенная в Санкт-Петербурге между Россией и Испанией 14 (26) июня 1876 г. / В.Н. Александренко. № 64.

²² Трактат между Россией и Францией «О дружбе, торговле и мореплавании» от 31 декабря 1786 г. // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16489.

²³ Там же.

и в других договорах, заключенных Россией с иностранными государствами в рассматриваемый период.

Нараставшая интенсивность деловых связей, увеличение сложности гражданско-правовых отношений субъектов различной национальности повлекли за собой и перемены в системе органов, занятых улаживанием конфликтов.

В XVIII веке делами улаживания спорных вопросов в сфере торговли занимались уже наделенные специальными полномочиями Посольский приказ, Коммерц-коллегия, городские думы, таможенные и земские суды, присутственные места, а также посланники и консулы (по спорам находящихся за границей подданных). На основе соответствующих соглашений гражданско-правовые конфликты русских купцов во время их пребывания за границей, как правило, рассматривались местными судебными учреждениями независимо от того, кто являлся сторонами в этих конфликтах, свои или же иностранные купцы. Как отмечалось в некоторых международных договорах, русские и иностранные купцы в целях защиты своих прав и интересов имели право обращаться к услугам местных «стряпчих, поверенных и нотариусов». При возникновении споров о том, какой закон должен быть применен, было установлено соответствующее правило, что на территории Российской империи решение споров должно основываться на российских «узаконениях». Рассматривая дела по спорам субъектов различной национальности, судебные инстанции должны были руководствоваться законами местонахождения этих инстанций. Это вытекало из требований о том, что купцы должны совершать свои сделки по законам земли местопребывания, а также из договорных положений, которые предписывали судам рассматривать споры «на основе» местных «законов». Почти во всех договорах Российского государства устанавливались обязанности властей соответствующих сторон способствовать исполнению судебных решений, состоявшихся по спорам купцов.

Таким образом, в большинстве государств в рассматриваемый период времени установилось общее правило, что собственные подданные не отличаются от иностранных в вопросе

пользования личными и гражданскими правами. Защита интересов отдельного лица, независимо от его подданства, – одно из важнейших достижений в области международного права того времени. Причем в отличие от ряда государств, требующих соответствующих взаимных правовых установлений (Германия, Австрия, Швеция), для предоставления иностранным подданным гражданских прав Россия никаких специальных условий не выдвигала.

Таковы основные положения, которые были урегулированы международными договорами в области взаимодействия государств по вопросам гражданского права. Заметим, что начала международного частного права вырабатывались в том числе независимо от государственной воли, путем установления обычая и деловой практики в качестве основных источников.

В качестве этапов развития взаимодействия государств в сфере гражданского права с участием России можно выделить шесть хронологических отрезков: 1) до конца XVII века, когда взаимодействие между отдельными государствами в данной сфере практически отсутствовало и являлось исключением, контакты носили разовый характер; 2) начало XVIII – вторая половина XVIII века – период активного выдвижения России на мировую арену, становление систематического взаимодействия в первую очередь в сфере гражданского права в основном на уровне торговых и союзных трактатов; 3) конец XVIII века – 60-е годы XIX века – процесс заключения большого числа специальных трактатов в сфере гражданского права; 4) 60-е годы XIX века – конец XIX века, когда, в связи с совершенствованием внутреннего российского законодательства в ходе реформ, процесс заключения договоров в сфере гражданского права активизировался, что характеризуется большим количеством специальных трактатов; 5) конец XIX – начало XX века – увеличение количества конгрессов и конференций для решения вопросов правовой сферы, в том числе в обозначенной сфере и, вследствие этого, увеличение количества многосторонних договоров, начало процесса кодификации международного частного права; 6) с середины 1914 до 1917 года – отмена действия ряда договоров о взаимодействии в сфере гражданского права с неприятельскими странами.

ДЕЯНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ (ч. 1 ст. 195 УК РФ)

ШМАТЕНКО Андрей Андреевич

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы юридического содержания деяний, указанных в ч. 1 ст. 195 УК РФ.

Annotation: the article deals with the law matters of actions, provided in the p. 1 art. 195 CrC RF.

Ключевые слова: деяние, банкротство, кредитор, должник, владение, отчуждение, сокрытие, фальсификация.

Key words: action, bankruptcy, creditor, debtor, possession, fraudulent alienation, concealment, falsification.

Несостоятельность – достаточно сложная с юридической точки зрения процедура, включающая в себя многие, свойственные исключительно ей, нюансы. Специальное законодательство в этой сфере весьма динамично. Подтверждением чему является хотя бы тот факт, что с момента своего образования в нашем государстве действует уже третий по счету закон о несостоятельности. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что перед законодателем стоит непростая задача: с одной стороны, вводя уголовную ответственность за криминальные банкротства, он должен формулировать нормы простым, грамматически и стилистически правильным, ясным языком, понятным не только специалистам, но и всем другим гражданам¹; с другой стороны, ему необходимо учитывать особенности правового регулирования вопросов несостоятельности для того, чтобы на практике нормы УК РФ могли применяться без особых затруднений и тем самым надлежащим образом выполняли возложенные на уголовный закон задачи (ст. 2 Кодекса). В связи с этим в вопросах правового регулирования уголовной ответственности за совершение такого преступления, как неправомерные действия при банкротстве, важную роль играет то, как сформулирована объективная сторона данной категории экономических преступлений. Главным образом, оценке подлежит формулировка нормы уголовного закона в части указания на то, какие именно деяния влекут возникновение уголовных правоотношений. Настоящее исследование посвящено анализу

юридического содержания деяний, являющихся элементом объективной стороны неправомерных действий при банкротстве (ч. 1 ст. 195 УК РФ).

Объективная сторона преступления, установленного ч. 1 ст. 195 УК РФ, предусматривает совершение следующих альтернативных действий:

- 1) сокрытие имущества;
- 2) сокрытие имущественных прав;
- 3) сокрытие имущественных обязанностей;
- 4) сокрытие сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе;
- 5) сокрытие сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо об имущественных правах;
- 6) сокрытие сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имущественных обязанностях;
- 7) передача имущества во владение иным лицам;
- 8) отчуждение имущества;
- 9) уничтожение имущества;
- 10) сокрытие бухгалтерских документов;
- 11) сокрытие иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя;
- 12) уничтожение бухгалтерских документов;
- 13) уничтожение иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя;
- 14) фальсификация бухгалтерских документов;

¹ Курс советского уголовного права (Часть Общая). Т. 1 / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 83.

15) фальсификация иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Поэтому всю совокупность названных в Кодексе деяний условно можно сгруппировать в зависимости от характера действий: сокрытие, передача, отчуждение, уничтожение, фальсификация.

Глагол «сокрыть» означает: 1) спрятать, чтобы кто-нибудь не обнаружил; 2) утаить, сделать незаметным². Применительно к сокрытию имущества в научной литературе возникает ряд непростых вопросов. Во-первых, какое именно имущество может быть сокрыто преступником? Во-вторых, может ли совершаться сокрытие в форме бездействия?

Анализ положений ст. 195 УК РФ дает основания полагать, что под имуществом в рассматриваемой норме понимаются лишь вещи, которые, в свою очередь, могут быть движимыми и недвижимыми. Считаем, что сокрытие недвижимого имущества невозможно в силу самой сущности данного объекта прав (неразрывная связь с землей). Исключением из этого правила, на наш взгляд, должны являться лишь вещи, которые признаются недвижимостью в силу юридической фикции. В качестве таковых выступают воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические корабли (п. 1 ст. 130 ГК РФ).

Между тем, практике известны примеры, когда неправомерное отчуждение недвижимого имущества расценивалось судом как его сокрытие. Так, в Кассационном определении Хабаровского краевого суда от 28.07.2011 г. по делу № 22-2800/11 судебная коллегия судей, оставляя приговор в силе, поддержала позицию нижестоящего суда о направленности умысла осужденного генерального директора ООО «Нижеамурстрой» Л. на сокрытие недвижимого имущества путем его отчуждения по договорам купли-продажи в пользу аффилированного юридического лица. С позицией суда, в силу сказанного ранее, сложно согласиться. Более того, предложенный судом подход не позволяет разграничить сокрытие имущества с его отчуждением.

В то же время мы должны отметить, что в настоящий момент кредиторы недобросовестных должников могут столкнуться с проблемами, когда заинтересованные лица «внедого-

ворными способами» пытаются вывести из конкурсной массы недвижимость. Автору статьи в рамках своей практической деятельности известен случай, когда бенефициары организации-должника, ссылаясь на произведенную ею реконструкцию торгового центра, пытались признать юридическую гибель этого имущества в целях последующей констатации его обременений отсутствующими. Однако полагаем, что уголовно-правовая составляющая подобных деяний может иметь лишь коррупционный характер (подкуп должностных лиц органов, осуществляющих регистрацию прав на недвижимое имущество, в целях закрепления юридической гибели имущества).

Вопрос о возможности сокрытия имущества в результате бездействия также является дискуссионным. По мнению одних ученых, сокрытие имущества путем бездействия возможно. Оно выражается в непредоставлении документов о приобретении имущества, умолчании о нем³. В качестве контраргументов в отношении данной позиции указывается, в частности, на содержание приведенного выше лексического значения глагола «сокрыть»⁴, подразумевающего совершение активных действий, а также на формулировку диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ. В названной норме Кодекса перечисленные в ней деяния прямо именуется действиями. Заметим, что, применительно к другому виду неправомерных действий при банкротстве – воспрепятствованию деятельности арбитражного управляющего (временной администрации), – законодатель прямо указывает на возможность совершения данного деяния как путем совершения активных действий, так и в форме бездействия.

Сокрытие в отношении иных указанных в ч. 1 ст. 195 УК РФ объектов по способу совершения аналогично сокрытию имущества. Однако, на наш взгляд, необходимо декриминализировать сокрытие имущественных обязанностей (прав требований кредиторов к должнику), поскольку такие деяния не представляют общественной опасности. Действующий Закон о банкротстве 2002 года предусматривает в качестве необходимого условия удовле-

³ См., например: Кудрявцев А.Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с банкротством, на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 16 ; Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК РФ). Ростов н/Д, 1999. С. 299.

⁴ Михалев И.Ю. Криминальное банкротство. СПб., 2001. С. 84–85.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2008. С. 713, 732.

творения требований кредиторов включение их притязаний в реестр требований (ст. 71). Само включение в реестр осуществляется арбитражным судом, который рассматривает соответствующее заявление кредитора и оценивает его обоснованность. При этом должник не лишен возможности выдвигания возражений против включения требований кредитора в реестр. Таким образом, установление арбитражным судом размера требований кредиторов и включение их в указанный выше реестр делает фактически бессмысленными какие-либо действия по сокрытию имущественных обязательств. Напротив, судебная проверка обоснованности притязаний кредиторов, осуществляемая в рамках состязательного процесса, вынуждает должника заявлять возражения относительно их обоснованности, а значит, и представлять в арбитражный суд соответствующие доказательства.

Следующим вариантом преступного поведения, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, является передача имущества во владение иным лицам. По смыслу Кодекса, указанное действие должно быть совершено открыто, внешне правомерно в виде исполнения той или иной сделки (например, аренда). Иного мнения придерживается И.А. Клепицкий. Ученый считает, что передача имущества во владение должна быть связана с сокрытием или иными действиями, препятствующими осуществлению кредиторами их прав⁵. Однако при таком подходе, на наш взгляд, утрачивается какое-либо самостоятельное уголовно-правовое значение передачи имущества во владение как деяния, совершение которого необходимо и достаточно для привлечения лица к уголовной ответственности.

Ответ на вопрос о целесообразности криминализации данного деяния достаточно неоднозначен. Так, у одних ученых решение законодателя вызывает поддержку, поскольку, по их мнению, утрата владения влечет неправомерное уменьшение конкурсной массы должника⁶. Изложенная позиция подкрепляется и материалами судебной практики. Например, приговором Серовского районного суда Свердловской области от 08.08.2011 г. генеральный

директор ООО «Атлант» Е. был признан виновным в передаче во владение денежных средств организации путем заключения фиктивных договоров займа. Также можно встретить точку зрения, согласно которой следует рассматривать в качестве преступления не только передачу во владение, но и передачу в пользование⁷.

Полагаем, что для корректного применения норм об уголовной ответственности за совершение рассматриваемого деяния необходимо учитывать следующее. Передача имущества во владение, а тем более, в пользование иным лицам вовсе не приводит к уменьшению конкурсной массы должника, поскольку владение и пользование являются лишь отдельными правомочиями. В то же время выбытие того или иного имущества из состава актива должника, а значит, и прекращение права собственности, возможно только в случаях отчуждения, уничтожения, потребления вещи, а также в иных установленных гражданским законодательством случаях. Важно отметить и то, что сам Закон о банкротстве 2002 года устанавливает дополнительные гарантии интересов должника, в соответствии с которыми внешний управляющий в течение трех месяцев с даты введения внешнего управления вправе отказаться от исполнения договоров и иных сделок должника (п. 1 ст. 102). При этом названный отказ может быть заявлен только в отношении сделок, не исполненных сторонами полностью или частично, если такие сделки препятствуют восстановлению платежеспособности должника или если исполнение таких сделок повлечет за собой убытки для должника по сравнению с аналогичными сделками, заключенными при сравнимых обстоятельствах (п. 2 ст. 102). Рассматриваемое право внешнего управляющего обусловлено необходимостью обеспечения главных целей внешнего управления: удовлетворения требований конкурсных кредиторов и восстановления платежеспособности должника⁸. Кроме того, аналогичным правомочием наделен и конкурсный управляющий (п. 2 ст. 129). Во многом, в силу сказанного, некоторые ученые сделали вывод о том, что сделки по передаче имущества во владение иным лицам не

⁵ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 327.

⁶ Классен А.Н. Проблемы ответственности за неправомерные действия при банкротстве (социальный и уголовно-правовой аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 20–21.

⁷ Кузнецов А.В. Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195–197 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 15.

⁸ Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». Постатейный / под ред. В.Ф. Попондопуло. М., 2011. С. 390.

причиняют существенного вреда охраняемым общественным отношениям и не требуют их криминализации⁹.

Однако точку в данном вопросе ставить преждевременно. Необходимо принимать во внимание, что собственник имущества может извлекать доход от его использования. В свою очередь, возможна ситуация, когда какой-либо актив должника передается во владение иному лицу на возмездной основе по заниженной арендной ставке, в сравнении с рыночной, либо вовсе безвозмездно. Получатель имущества – фирма-прокладка либо аффилированное с бенефициаром должника лицо – сразу же после получения такого имущества начинает извлекать из него доход на рыночных условиях.

Так, автор настоящей статьи в рамках своей практической деятельности столкнулся с ситуацией, когда бенефициары должника, в отношении которого было возбуждено дело о банкротстве, передали организации, возглавляемой женой брата руководителя должника, помещения по договору аренды по заниженной ставке арендной платы. При этом арендатор практически сразу сдавал полученные таким образом помещения бизнес-центра субарендаторам за плату, минимум вдвое превосходящую размер арендной платы, выплачиваемой им собственнику-должнику. Таким образом, бенефициары должника, в целях недопущения включения доходов от сдачи в аренду помещений, принадлежащих должнику, и последующего их распределения между добросовестными конкурсными кредиторами, разработали и реализовали преступную схему, причиняющую многомиллионный ущерб как самому должнику, так и его кредиторам.

Учитывая изложенное, полагаем обоснованной позицию законодателя, установившего преступность и наказуемость передачи во владение имущества должника. При этом еще раз укажем на необходимость корректного применения положений ч. 1 ст. 195 УК РФ во избежание смещения передачи во владение имущества с иными деяниями, поименованными в названной норме Кодекса.

Еще одним деянием, предусмотренным названной нормой Кодекса, является отчуждение имущества должника¹⁰. Согласно п. 1 ст. 235

ГК РФ под отчуждением следует понимать основание прекращения права собственности одного лица в пользу других лиц. Отчуждение имущества может быть как возмездным, так и безвозмездным. В свою очередь, формулировка нормы ч. 1 ст. 195 УК РФ не содержит прямого указания на необходимость отсутствия имущественного предоставления в счет отчуждаемого имущества. Влечет ли подобное решение законодателя криминализацию всякого отчуждения имущества должника? Полагаем, что нет. В случае предоставления равноценного имущественного исполнения имущественная сфера должника не претерпевает каких-либо негативных изменений. Об обратном можно вести речь, когда отчуждение произведено безвозмездно либо в обмен на неравноценное встречное исполнение, либо по возмездной сделке, предусматривающей равноценное исполнение, но при фактическом отсутствии такового. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что криминальное отчуждение имущества должника сопряжено с совершением сделок, условия которых, главным образом ценовые, заведомо невыгодны для него. Вместе с тем отметим, что сделке по отчуждению имущества может придаваться внешне экономически обоснованный вид. Так, Приговором Пошехонского районного суда Ярославской области от 02.06.2011 г. по делу № 1-26/2011 Ч. был признан виновным в неправомерном отчуждении имущества организации, в отношении которой возбудили дело о банкротстве. При этом судом было установлено, что Ч. в целях реализации преступного умысла произвел оценку отчуждаемого имущества, результатом которой стало искажение его реальной рыночной стоимости.

Закон о банкротстве 2002 года в гл. III содержит описание составов так называемых подозрительных сделок должника. Данное законодательное регулирование позволяет не только решать вопросы оспаривания сделок в рамках арбитражного процесса, но и служит важным ориентиром при квалификации тех или иных действий в качестве преступлений. В п. 2 ст. 61.2 предлагается легальная трактовка того, что следует понимать под неравноценным встречным исполнением. Им признается любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обяза-

⁹ См. также: Бондарь Е.А. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 23 ; Михалев И.Ю. Указ. соч. С. 90.

¹⁰ Отметим, что совершение должником сделок, направленных на уменьшение его имущества с целью защитить последнее от обращения на него взыскания (*fraus creditorum*) известно еще со времен римского права (см.: Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2006. С. 433).

тельств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств. Подчеркнем, что в указанной норме Закона о банкротстве 2002 года имущество понимается в значении ст. 128 ГК РФ, что служит лишним подтверждением правомерности довода о необходимости внесения изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, гармонизирующих Кодекс и гражданское законодательство.

Проблема интерпретации понятия «имущество» применительно к уголовно-наказуемому отчуждению также проявляется и в вопросах допустимости квалификации в качестве таких деяний приобретения должником по заведомо завышенной цене имущества. Некоторые ученые допускают подобную уголовную трактовку таких сделок¹¹. Причем под имуществом должника в данном случае понимаются деньги. На наш взгляд, совершенно оправданно, что по своим экономически вредным последствиям сделки по приобретению сопоставляются с отчуждением какого-либо ценного имущества должника. Однако следует иметь в виду, что приобретение осуществляется не за деньги, а денежные средства, с точки зрения ст. 195 УК РФ, имуществом не являющиеся. Следовательно, *de lege lata* приобретение по заведомо завышенной цене какого-либо имущества не может рассматриваться в качестве неправомερных действий при банкротстве.

Спорным в науке уголовного права является вопрос о допустимости квалификации передачи активов должника в уставный капитал других организаций в качестве отчуждения имущества. По мнению И.Ю. Михалева, не является уголовно-наказуемым деянием передача в уставный капитал имущества, оцененного при передаче по рыночной стоимости¹². В качестве аргумента в поддержку данной позиции выдвигается тезис о том, что, передавая имущество в уставный капитал, например, общества с ограниченной ответственностью, и тем самым прекращая свое вещное право собственности, лицо одновременно приобретает имущественные права, соразмерные со стоимостной оценкой его доли в уставном капитале. Иными словами, актив должника в денежном измерении каких-либо негативных изменений не претерпевает. В свою очередь, можно

встретить точку зрения, согласно которой передача в уставный капитал имущества безапелляционно рассматривается в качестве противоправного отчуждения¹³.

Считаем, что в рассматриваемом вопросе следует избегать категоричных суждений «за» и «против». С одной стороны, признание любой передачи имущества в уставный капитал других организаций в качестве отчуждения в значении ч. 1 ст. 195 УК РФ неизбежно повлечет за собой негативные экономические последствия, выражающиеся в снижении инвестиционной активности. С другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что для современного гражданского оборота характерны сделки, направленные на вывод активов и создание фигуры добросовестного приобретателя. Причем наличие таких сделок признается Высшим Арбитражным Судом РФ, который периодически разрабатывает рекомендации, направленные на гражданско-правовое противодействие таким сделкам¹⁴. Кроме того, в самом Законе о банкротстве 2002 года под отчуждением имущества понимается не только совершение какой-либо одной сделки, но и совершение нескольких взаимосвязанных сделок (абз. 3 п. 2 ст. 61.2). Применительно к рассматриваемому вопросу вполне возможно допустить возникновение ситуации, когда имущество передается в уставный капитал аффилированной организации, а затем оно практически сразу же отчуждается третьим лицам, а сама организация ликвидируется. Учитывая изложенное, считаем допустимым квалифицировать по ч. 1 ст. 195 УК РФ передачу имущества в уставный капитал аффилированной с должником организации, сопряженную с последующим совершением взаимосвязанных сделок по отчуждению такого имущества и созданием условий для невозможности погашения кредиторской задолженности за счет этого имущества или его стоимостного эквивалента (доли в уставном капитале).

Следующим действием, указанным в ч. 1 ст. 195 УК РФ, является уничтожение имущества, бухгалтерских и иных учетных документов. Под уничтожением имущества и указанных документов следует понимать такое

¹¹ Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 127; Михалев И.Ю. Указ. соч. С. 91.

¹² Михалев И.Ю. Указ соч. С. 91.

¹³ Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Указ. соч. С. 127.

¹⁴ См., например: Пункты 8, 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения».

внешнее воздействие, в результате которого имущество (документы) полностью прекращает свое физическое существование (сожжение, растворение в кислоте, полное и невозможное разрушение) либо приводится в полную негодность для использования по целевому назначению и не подлежит восстановлению¹⁵.

Наконец, фальсификацией бухгалтерских и иных учетных документов являются действия лица, направленные на причинение вреда интересам должника, а также кредиторов и государства. Возникает вопрос: что именно фальсифицируется преступником? Форма документа (материальный подлог), или его содержание (интеллектуальный подлог), или и то и другое одновременно? В науке уголовного права не выработан однозначный ответ на данный вопрос. По мнению одних ученых, возможен как материальный, так и интеллектуальный

подлог¹⁶. В то же время более корректной представляется точка зрения И.Ю. Михалева, согласно которой необходимо принимать во внимание те задачи, которые ставит перед собой лицо, совершая рассматриваемое деяние. Таковыми являются действия по искажению информации об имущественном состоянии должника¹⁷. А значит, фальсификация неизбежно влечет интеллектуальный подлог. В то же время нельзя исключать того, что интеллектуальный подлог будет сопровождаться подлогом материальным. Таким образом, фальсификация формы носит факультативный характер.

В заключение еще раз отметим, что надлежащее применение уголовных норм об ответственности за неправомерные действия при банкротстве возможно только при должном уяснении норм иной отраслевой принадлежности и экономического характера регулируемых ими общественных отношений.

¹⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Рапога. М., 2009. С. 298.

¹⁶ Там же. С. 363; Уголовное право. Особенная часть / под ред. И.В. Шишко. М., 2012. С. 266.

¹⁷ Михалев И.Ю. Указ. соч. С. 95–97.

ДОГОВОРНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

ГЛУХОВ Александр Викторович

Аннотация: автор рассматривает основания возникновения индивидуальных трудовых споров при осуществлении выплат выходных пособий работникам при увольнении в договорном порядке, которые связаны со злоупотреблением правом при заключении или изменении трудовых договоров.

Annotation: the author examines the reasons for individual labor disputes in cases of dismissal pays on contractual basis which are connected with abuse of right while making or alteration of a labor contract.

Ключевые слова: трудовой договор, Трудовой кодекс РФ, выходное пособие, работник, работодатель, злоупотребление правом.

Key words: labor contract, Labor Code of the Russian Federation, dismissal pay, employee, employer, abuse of right.

На основании ч. 4 ст. 178 Трудового кодекса РФ¹ трудовым договором или коллективным договором могут предусматриваться случаи выплаты выходных пособий, не указанные в трудовом законодательстве, а также устанавливаться повышенные размеры выходных пособий. Таким образом, допускается выплата работникам увеличенного размера выходного пособия при увольнении, если такое условие предусмотрено надлежащим образом оформленным трудовым договором или дополнительным соглашением к нему.

Порядок установления повышенных размеров выходных пособий и случаев их выплаты в договорах не ограничен и не регламентирован законом. Это является причиной возникновения в правоприменительной практике споров между работниками, претендующими на получение таких пособий, и работодателями, считающими, что осуществление крупных выплат на условиях трудового договора, нарушает их имущественные права.

Индивидуальные трудовые споры, связанные с осуществлением установленных трудовыми договорами выплат выходных пособий работникам при увольнении, возникают чаще всего по таким основаниям, как: несоответствие условия договора локальным нормативным актам работодателя или коллективному договору; нарушение корпоративного порядка заключения крупных сделок и сделок с заинтересованностью; превышение представителем

работодателя своих полномочий; злоупотребление правом при заключении или изменении трудового договора.

Первые три основания возникновения трудовых споров о выплате выходных пособий в договорном порядке были рассмотрены ранее². Поскольку нормативные определения понятия злоупотребления трудовыми правами и его четких критериев отсутствуют, постольку проблема злоупотребления правом при заключении трудового договора и изменении его условий в части установления повышенной денежной компенсации работнику при увольнении требует отдельного рассмотрения.

Попытки обогатиться за счет работодателя могут быть квалифицированы как злоупотребление работником своим правом и даже при формальном соответствии документов законодательству суммы, предусмотренные трудовым договором, не будут взысканы в пользу работника.

Принцип незлоупотребления правами исторически возник в рамках гражданского права, где господствуют диспозитивные (частноправовые) начала регулирования, и рассматривался во взаимосвязи с понятиями добросовестности участников гражданских правоотношений. Данный принцип, хотя и является общеправовым, но в отношении трудовых прав до недавнего времени не применялся, во многом вследствие того, что советское трудовое право было по своей природе публичным.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 5 апреля 2013 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

² Глухов А.В. Договорный порядок выплаты выходных пособий при увольнении // Юрид. наука. 2013. № 1.

Отсутствие легального определения понятия злоупотребления трудовыми правами, его признаков приводит к тому, что разрешение этих сложных индивидуальных трудовых споров производится судами на основании судебного усмотрения и правопонимания. Современная судебная практика по трудовым делам признала принцип запрещения злоупотребления правом как в отношении осуществления прав работником, так и работодателем.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 года № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан»³ подчеркивалось, что общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом в полной мере распространяется на сферу трудовых отношений, определяя пределы дискреционных полномочий собственника. Кроме того, в данном Постановлении было отмечено, что вопрос о размере компенсации при увольнении работника решается по соглашению сторон, а не собственником в одностороннем порядке, в связи с чем суммы, подлежащие выплате, должны определяться по договоренности между руководителем организации и собственником, а в случае возникновения спора – по решению суда с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, цели и предназначения данной выплаты.

Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что целевое назначение подобной выплаты состоит в том, чтобы в максимальной степени компенсировать увольняемому лицу неблагоприятные последствия, вызванные потерей работы. Размер компенсации может определяться с учетом времени, остающегося до истечения срока действия трудового договора, тех сумм (оплаты труда), которые увольняемый мог бы получить, продолжая работать в должности руководителя организации, до-

полнительных расходов, которые он, возможно, вынужден будет понести в результате досрочного прекращения договора, и т.п. (абз. 3 п. 4.2 Постановления).

В п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ разъясняется, что «...при разрешении споров следует иметь в виду, что отказ в защите права со стороны суда допускается лишь в случаях, когда материалы дела свидетельствуют о совершении гражданином или юридическим лицом действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом, в частности действий, имеющих своей целью причинить вред другим лицам. В мотивировочной части соответствующего решения должны быть указаны основания квалификации действий истца как злоупотребление правом».

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»⁵ также отмечается, что при рассмотрении дел о восстановлении на работе следует иметь в виду, что при реализации гарантий, предоставленных Трудовым кодексом РФ, работникам, в случае расторжения с ними трудового договора, должен соблюдаться общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны самих работников.

В разъяснениях и судебных актах высших судебных органов, как и в Трудовом кодексе РФ и в иных нормативных правовых актах, содержащих нормы трудового права, не раскрываются такие правовые категории, как злоупотребление правом и недобросовестное поведение в аспекте конкретных действий работника или работодателя, содержащих признаки такого поведения. При отсутствии в отраслевом законодательстве четко определенных критериев этих правовых явлений неизбежно возникают сложности квалификации таких

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 13. Ст. 1209.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1996. № 9.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 28 сент. 2010 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Там же. 2004. № 6.

действий и, как следствие этого, лишение работника без достаточных правовых оснований судебной защиты.

Использование в деятельности правоприменительных органов оценочных категорий (добросовестность, недобросовестность, справедливость, злоупотребление правом) может привести к произволу, в связи с чем требуется определенная формализация критериев злоупотребления стороной трудовых правоотношений своими правами.

В научных исследованиях, посвященных данной проблеме, понятийной стороне уделено достаточно серьезное внимание. В цивилистике злоупотребление правом рассматривалось как особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволённых конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения⁶. Иными словами, злоупотребление сопровождается «выходом» за пределы осуществления права. Эта концепция получила широкую поддержку в советской и современной теории гражданского права, а равно и поддержку представителей других отраслей права. В отличие от гражданского, в трудовом праве, основанном на единстве частных и публичных начал, юридическая конструкция «злоупотребление правом» характеризуется отраслевыми особенностями. В науке трудового права сложилось несколько подходов к определению данного понятия. Злоупотреблением правом в сфере трудовых правоотношений А.В. Юдин предлагает считать такое недобросовестное осуществление сторонами трудового договора субъективных прав, предоставленных Трудовым кодексом РФ, а также иными федеральными законами, при котором управомоченное лицо создает видимость законности собственного поведения, направленного на необоснованное получение организационных, имущественных и иных выгод, сопряженное с обманом другой стороны трудового договора⁷. В.В. Архипов рассматривает злоупотребление правом в трудовых отношениях как установленный в процессуальном порядке юридический факт, который влечет за собой отказ злоупотребившему своими правами работнику или работодателю в защите

принадлежащих им прав при совершении проступка или поступка, заключающегося в использовании своих субъективных прав с превышением возможностей, предусмотренных трудовым законодательством, или без учета видимых негативных последствий для другой стороны трудового правоотношения⁸. Очевидно, что определения данного понятия строятся на категориях неопределённого характера, что усложняет использование их для квалификации. В то же время, полный перечень конкретных случаев (составов) злоупотребления правом описать объективно сложно.

Диспозитивный характер правовой нормы, устанавливающей право работника на увеличенный размер выходного пособия при прекращении трудовых правоотношений, определяет договорный порядок решения данного вопроса.

Трудовые правоотношения и, в частности, отношения, касающиеся повышенного размера выходных пособий, строятся на договорных началах и характеризуются согласованием воли сторон, взаимным доверием (личностный признак трудового отношения), что предполагает добросовестное использование сторонами своих субъективных прав. В этой связи в большинстве случаев добросовестность поведения понимается в объективном смысле как недопущение обмана, принуждения и презюмируется в оценке правоотношений сторон.

Договорное основание права на установление увеличенного размера выходного пособия работнику позволяет выделить работника как единственного субъекта возможного злоупотребления данным правом. Работодатель (как и его представитель) не может быть признан таковым в силу отсутствия у него данного субъективного права.

Из приведенных выше определений понятия «злоупотребление правом», а также учитывая специфику рассматриваемого субъективного права работника, следует согласиться с тем, что в основе злоупотребления правом на получение повышенной компенсации при увольнении лежит поведение работника, выраженное в определенных действиях. Данная позиция основана на Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2. Как указал суд в п. 27, при рассмотрении дел о восстановлении на работе необходимо

⁶ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 63.

⁷ Юдин А.В. Злоупотребление правом в трудовых отношениях // Трудовое право. 2007. № 10. С. 36.

⁸ Архипов В.В. Злоупотребление правом в трудовых отношениях: сознательная мистификация или добросовестное заблуждение? // Законодательство и экономика. 2008. № 2.

учитывать действие общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом. В частности, если работник умышленно скрывает факт временной нетрудоспособности или свое членство в профессиональном союзе (обстоятельства, препятствующие увольнению или предполагающие особый порядок увольнения), когда решается вопрос об его увольнении, работодатель не должен отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий самого работника.

Действия работника, направленные на подписание трудового договора не могут нарушать принципа злоупотребления правом. Заключение трудового договора является юридическим фактом, направленным на возникновение трудового правоотношения, которое всегда обусловлено волей сторон договора, выраженной в его тексте. В связи с вопросами, возникающими при заключении трудового договора, Пленум Верховного Суда РФ указал, что в целях оптимального согласования интересов работодателя и лица, желающего заключить трудовой договор, и с учетом того, что исходя из содержания ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 1 и 2 ст. 35 Конституции РФ и абз. 2 ч. 1 ст. 22 Трудового кодекса работодатель в целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом самостоятельно, под свою ответственность принимает необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала) и заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью работодателя⁹.

Таким образом, действия работника, направленные на заключение трудового договора (дополнительного соглашения к трудовому договору) не могут быть сопряжены со злоупотреблением правом в силу того, что трудовой договор является результатом обоюдного волеизъявления сторон, и безусловного доминирующего положения работодателя в процедуре найма работника и изменения трудового правоотношения.

Субъективному праву работника на получение увеличенного размера выходного пособия корреспондирует обязанность работодателя выплатить обусловленную договором денежную сумму при возникновении предусмотренных соглашением оснований.

⁹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6.

В практике встречаются случаи, когда представитель организации-работодателя при наличии корпоративного конфликта или личной финансовой заинтересованности (например, в случае сговора с работником) подписывает трудовой договор, устанавливающий гарантию увольняемому в виде выплаты дополнительной компенсации или обеспечивает его увольнение по основаниям, дающим право на получение повышенного выходного пособия. Соответственно увольнение работника для работодателя становится финансово обременительным. Действия представителя работодателя, направленные на создание условий, способствующих получению работником увеличенного размера выходного пособия, не ставят под сомнение право работника на получение пособия, если, конечно, не установлен факт их сговора с целью хищения денежных средств работодателя.

Если устав и локальные акты юридического лица не содержат ограничений по дополнительным выплатам компенсаций работникам, а также при отсутствии их вины, подобные условия трудовых договоров признаются действующими, что подтверждается судебной практикой¹⁰. С руководителя же организации при наличии доказательств виновности его действий могут быть взысканы убытки. Участники юридического лица или его учредитель вправе обратиться в суд о взыскании с директора убытков, вызванных необоснованным установлением компенсаций в размере, значительно превышающем обычные условия делового оборота и сложившуюся практику выплат компенсаций в обществе (ст. 71 Закона об акционерных обществах, ст. 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»)¹¹.

Таким образом, даже в случае обнаружения допущенных представителем работодателя нарушений трудовых норм, направленных на выплату работнику выходного пособия в повышенном размере, важно установить, какие действия для реализации своего права предпринял сам работник.

Это подтверждается и судебной практикой. Так, Верховный Суд РФ направил на но-

¹⁰ Определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 20 июля 2011 г. № 33-22649. URL: www.mosgorsud.ru

¹¹ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

вое рассмотрение в суд первой инстанции дело о взыскании выходного пособия и компенсации морального вреда, поскольку ссылка в решении суда на то, что дополнительное соглашение к трудовому договору о выплате выходного пособия в повышенном размере не подлежит исполнению, так как оно нарушает общеправовые принципы разумности и справедливости, и не может служить основанием для отказа в удовлетворении заявленных истцом требований, потому что понятия разумности и справедливости являются не правовыми, а моральными. Суд же в своем решении, в силу ст. 2, 5 Трудового кодекса Российской Федерации, обязан указать именно правовые принципы и нормы, на основе которых это решение выносится. Одним из таких общеправовых принципов является принцип недопустимости злоупотребления правом участниками правоотношений. В решении обязательно должны указываться мотивы того, в чьих и в каких именно действиях суд усматривает признаки злоупотребления правом применительно к конкретному делу¹².

Для лица, претендующего на вакантную должность, бывает затруднительно договориться о включении в трудовой договор условий о повышенном размере компенсации при увольнении по обстоятельствам объективного и субъективного характера, в частности, в связи с конкуренцией на рынке труда, корпоративными особенностями заключения трудового договора и т.д.

Как отмечалось, доминирующую позицию в процедуре найма всегда занимает наниматель рабочей силы, за которым остается «последнее слово» как в вопросе заключения договора, так и в вопросе его содержания. Очевидно, что при таких обстоятельствах договор не может быть заключен под влиянием тяжелых обстоятельств для организации-работодателя на крайне невыгодных для нее условиях и рассматриваться в связи с этим как кабальный. Гораздо чаще происходит наоборот, в силу слабости переговорных позиций потенциального работника в отношениях с работодателем. Вместе с тем, досрочное расторжение трудового договора с работниками определенной профессии, не имеющей широкого спроса на рынке труда, или в кризисный период может обернуться месяцами, а то и годами безработицы,

что заставляет таких специалистов добиваться повышенной компенсации при заключении договора.

Для защиты своих экономических интересов работодателю предоставлены достаточно широкие правовые возможности, в частности: осуществлять свои дисциплинарно-распорядительные и правоприменительные полномочия, заключать коллективный договор, участвовать в заключении соглашений, принимать локальные акты, содержащие нормы трудового права.

Установленные в ст. 1 Трудового кодекса РФ цели трудового законодательства выражают основные направления его воздействия на регулируемые отношения. Эти направления определяются как функции трудового права, именуемые защитной и производственной.

В соотношении указанных функций некоторый приоритет имеет защитная функция. Реализация трудовых прав и свобод, соблюдение гарантий и учет интересов работника зависят от действий работодателя. Нарушение им трудового законодательства, невыполнение своих обязанностей ставят работника в положение «наиболее слабой стороны», когда он более нуждается в государственной защите его трудовых прав и свобод.

На практике правовые последствия такого разделения, как правило, выражаются в возложении в судебном процессе на сильную сторону обязанности представить доказательства неправомерного поведения работника, причинения работодателю убытков, подрыва стабильности его финансового положения.

Полагаю, что для разрешения вопроса о квалификации злоупотребления правом в действиях работника необходимо ответить на вопросы: обладает ли субъект конкретным правом; какие конкретно действия совершил работник для реализации своего права; осуществлено ли субъективное право в противоречии с его назначением; был ли причинен вред контрагенту, обществу, государству в результате осуществления права; имеет ли место злоумышленный умысел работника или его сговор с представителем работодателя; принята ли в организации практика договорного увеличения размеров выходных пособий.

При этом на использование рассматриваемого субъективного права в противоречии с целями (назначением), заложенными законодателем в норме права, указывает наличие одновременно следующих фактов: значительный размер дополнительного выходного пособия, не соответствующий экономическим показате-

¹² Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2012 г. № 45-КГ12-6. URL: www.vsrp.ru/second.php

лям организации-работодателя на момент заключения договора (при этом должен учитываться факт стабильности финансового положения общества и положительной динамики его прибыли); основанием выплаты является увольнение по инициативе работника при отсутствии каких-либо обстоятельств, которые исключали бы возможность продолжения работы; непродолжительный период работы

(например, менее года) или подписание дополнительного соглашения, устанавливающего повышенный размер выходного пособия непосредственно перед увольнением.

Фактически подобная выплата не может иметь компенсационного характера, что противоречит смыслу положений гл. 27 Трудового кодекса РФ «Гарантии и компенсации работникам, связанные с расторжением трудового договора».

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

БОРИСОВ Сергей Викторович

***Аннотация:** в статье выделены и проанализированы актуальные проблемы уголовно-правовых норм об ответственности за преступления экстремистской направленности, продемонстрировано влияние данных проблем на эффективность правоприменительной деятельности и предложены пути их устранения.*

***Annotation:** in article actual problems of criminal rules of law about responsibility for crimes of an extremist orientation are allocated and analysed, influence of these problems on efficiency of law-enforcement activity is shown and ways of their elimination are offered.*

***Ключевые слова:** вражда, ненависть, принцип системности права, преступления экстремистской направленности, экстремизм.*

***Key words:** hostility, hatred, principle of systemacity of the right, crime of an extremist orientation, extremism.*

Изучение статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации¹ об ответственности за преступления экстремистской направленности и практики их применения позволяет выделить определенные проблемы, обусловленные недостатками законодательной техники, допущенными при определении признаков данных уголовно наказуемых деяний.

Первая группа проблем выявляется уже при анализе примеч. 2 к ст. 282.1 УК РФ, где преступления экстремистской направленности определяются как уголовно наказуемые деяния, «...совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса».

Во-первых, слово «направленность» в обозначенном контексте должно означать стремление виновных достичь определенного преступного результата, а не совершение ими деяний на основе тех либо иных уже существующих в их психике мотивов, тогда как указанные преступления не имеют какой-либо определенной в законе цели, к достижению которой направлены усилия виновных. Поэтому

данные преступления обладают не направленностью, а характером, так как никуда и ни к чему не направлены, а отличаются от других уголовно наказуемых деяний в основном присущими им специфическими мотивами.

Считаем, что отнесение к мотиву преступлений экстремистской направленности не только ненависти, но и вражды нельзя признать обоснованным, поскольку термин «вражда» характеризует не побуждения, а объективно существующие отношения, основанные на взаимной ненависти. В связи с этим при определении преступлений экстремистской направленности в качестве мотива последних следует указать именно ненависть, а не ее сочетание с враждой, которая, однако, может выступать в качестве желаемого результата, цели таких деяний, придавая им тем самым экстремистскую направленность, а также объективную способность существенно нарушать основы конституционного строя государства.

Позволим себе не согласиться с предложением С.Н. Фридинского о дополнении законодательного определения преступлений экстремистской направленности указанием еще на один мотив – рознь², поскольку таковой ни теоретически, ни практически невозможно однозначно отличить от ненависти либо вражды, более того, слово «рознь» несколько не дета-

¹ Далее – УК РФ.

² См.: Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 12, 26.

лизирует и не уточняет субъективную сторону рассматриваемых уголовно наказуемых деяний и способно еще больше размыть границы понятия экстремизма, внести диссонанс в практическую деятельность по противодействию последнему.

Во-вторых, следует признать недопустимым использование в законодательном определении преступлений экстремистской направленности излишне обобщенного словосочетания «какая-либо социальная группа» без указания определенных и существенных отличительных признаков такой группы. Буквальное толкование данного словосочетания позволяет подвести под соответствующее понятие любую из неисчислимого множества социальную группу, например группу болельщиков каждой из существующих спортивных команд, все преступные группы и т.д.³, что может привести к неоправданно широкому применению уголовно-правовых норм о преступлениях экстремистской направленности.

Полагаем, что в законодательном определении преступлений экстремистской направленности следует привести исчерпывающий перечень отличительных признаков социальных групп и их представителей, вызывающих ненависть либо вражду виновных. Представляется, что такими признаками должны быть наиболее существенные из них, причем вызывающие ненависть либо вражду в самых крайних формах на протяжении всей истории человеческого общества: принадлежность к определенной расе либо национальности (этносу), а также отношение к религии.

В-третьих, буквальное толкование примеч. 2 к ст. 282¹ УК РФ приводит к выводу, что преступления экстремистской направленности должны быть предусмотрены соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 этого УК. Однако преступление не может быть предусмотрено никакой статьей (статьями) Общей части УК РФ, в том числе п. «е» ч. 1 ст. 63 этого УК, где приводится лишь перечень побуждений, свидетельствующих об экстремистской направленности деяния и отягчающих наказание за его совершение.

Последнее из приведенных критических замечаний указывает еще на одну довольно

существенную проблему уголовного закона и правоприменения, обусловленную недочетом законодательной техники. Дело в том, что при буквальном толковании примеч. 2 к ст. 282¹ УК РФ можно и, пожалуй, даже нужно прийти к выводу, что перечень преступлений экстремистской направленности очерчен лишь теми статьями Особенной части УК РФ, которые непосредственно содержат указание на соответствующие побуждения деяния, так как в п. «е» ч. 1 ст. 63 данного нормативного правового акта не предусмотрено ни одного преступления, а лишь содержится указание на мотивы деяния, выступающие в роли обстоятельства, отягчающего наказание.

Считаем, что на законодательном уровне следует определить не группу преступлений, а преступление экстремистской направленности, то есть привести те признаки, которые с содержательной стороны характеризуют все и каждое из относящихся к объему такого понятия уголовно наказуемых деяний. Определение такого преступления в единственном числе подчеркнет, что каждый из используемых в нем признаков присущ любому единичному деянию, имеющему экстремистскую направленность.

При этом законодательно определенный объем понятия преступления экстремистской направленности должен содержать исчерпывающий перечень таких уголовно наказуемых деяний, поскольку в обратном случае данный перечень будет формировать правоприменение, причем во многом произвольно: с учетом конкретной ситуации, особенностей региона, устоявшейся в нем практики и т.д.

Вторая группа проблем связана с законодательным описанием признаков конкретных составов преступлений экстремистской направленности. Так, отсутствие определенного объективного «наполнения» действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, а равно на унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), вызывает оживленные дискуссии в обществе и расценивается многими гражданами как ограничение свободы слова, позволяющее произвольно привлекать к уголовной ответственности любого человека, выражающего свое негативное отношение либо критикующего представителей какой-либо социальной группы или такую группу в целом.

Поэтому не случайно ст. 282 УК РФ стала предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В жалобе гражданина Р.В. Замураева, поступившей в данный Суд, бы-

³ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: Городец, 2007. С. 41.

ла отмечена неопределенность содержащегося в оспариваемой норме понятия «социальная группа», создающая возможность необоснованных ограничений свободы выражения мнений и, как следствие, незаконного уголовного преследования граждан, что не согласуется с Конституцией Российской Федерации (ст. 15 ч. 4 и ст. 29).

В определении Конституционного Суда Российской Федерации по существу данной жалобы отмечается, что Конституция России, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 1 и 2 ст. 29 Конституции РФ). Это соответствует и международно-правовым стандартам, которые, провозглашая право каждого человека на свободное выражение своего мнения, в то же время устанавливают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом (ст. 19 и 20 Международного пакта о гражданских и политических правах).

В целях обеспечения названного конституционного запрета УК РФ в ст. 282 предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение человеческого достоинства. Конституционный Суд РФ также подчеркнул, что содержащаяся в ст. 282 УК РФ норма устанавливает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с прямым умыслом, направленным на возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека или группы лиц, в связи с чем неопределенности не содержит и сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителя⁴.

По нашему мнению, Конституционному Суду Российской Федерации не удалось обосновать отсутствие неопределенности в положениях ст. 282 УК РФ, так как указание на то,

что уголовная ответственность предусмотрена «не за любые действия» одновременно нисколько не разъясняет, какие же именно действия в данном случае являются уголовно наказуемыми. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации даже не затронул основной момент жалобы, касающийся оценочного признака, обозначаемого словосочетанием «социальная группа». Ссылка же на Международный пакт о гражданских и политических правах⁵, на наш взгляд, еще более подчеркивает социальную и юридическую необоснованность ст. 282 УК РФ, поскольку данный международный нормативный правовой акт, несмотря на всю его декларативность, предлагает более точную и определенную формулировку, указывая на недопустимость выступления в пользу *национальной, расовой или религиозной* ненависти, представляющего собой *подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию* (здесь и далее выделено нами. – С.Б.). То есть Международный пакт не содержит указания на ненависть по признакам пола, языка, происхождения, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, но обязательно связывает выступление в пользу ненависти с подстрекательством к дискриминации, вражде или насилию. Кроме того, ни данный международно-правовой документ, ни Конституция России не сводят запрет на совершение указанных действий исключительно к предмету уголовного права.

Считаем, что установление и реализация административной ответственности является более эффективным средством предупреждения выражения либо возбуждения ненависти или вражды, осуществляемых путем действий, не связанных с какими-либо общественно опасными деяниями, например с применением насилия. Если же такие действия, не проявляясь в общественно опасном деянии, касаются конкретного человека или группы людей, то защита их прав возможна и за счет гражданско-правовых средств.

К числу проблем уголовного законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности следует, на наш взгляд, отнести и использование в диспозициях соответствующих статей Особенной части УК РФ множественного числа при опи-

⁴ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Замураева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Текст официально опубликован не был // СПС «Гарант». URL: www.garant.ru

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978.

сании объективных признаков данных посягательств.

Например, в ч. 1 ст. 280 УК РФ предусматривается ответственность за публичные *призывы* к осуществлению экстремистской деятельности, то есть неясным является вопрос о необходимом количестве таких призывов для констатации оконченного преступления. В квалифицированном составе данного преступления (ч. 2 ст. 280 УК РФ) присутствует такой признак, как использование *средств* массовой информации, а значит снова необходимо решать вопрос о количестве таких средств.

Сходная ситуация наблюдается и в ст. 282 УК РФ об ответственности за *действия, направленные* на возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, которые также могут совершаться с использованием *средств* массовой информации.

В ч. 1 ст. 282¹ УК РФ об ответственности за организацию экстремистского сообщества понятие «преступление экстремистской направленности» дважды используется во множественном числе, что может приводить к выводу о направленности такого объединения на совершение как минимум двух таких уголовно наказуемых деяний. При описании данного преступления законодатель использует множественное число и применительно к руководству структурными *подразделениями* данного сообщества, разработке *планов и условий* для совершения преступлений.

Полагаем, что без изменений законодательства такое описание признаков порождает сомнения, которые не могут быть однозначно разрешены на уровне правоприменения, что создает возможность, а может быть, даже необходимость толкования всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, то есть использования буквального значения данных признаков. Н.Ф. Кузнецова справедливо отметила, что «во всех статьях УК должно употребляться единственное число имен существительных. Иначе проблему квалификации <...> трудно решить»⁶.

К проблемным моментам конкретных составов преступлений экстремистской направленности следует отнести и присутствующее в некоторых из них необоснованное смешение (совмещение) двух различающихся понятий и соответствующих им явлений. Так, в ст. 282.1

УК РФ используется понятие «экстремистское сообщество», определяемое через словосочетание «организованная группа», на которое наслаиваются признаки другого криминального объединения – преступного сообщества (преступной организации) за счет указания таких его составляющих, как структурные подразделения, объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений. В связи с этим даже Пленум Верховного Суда Российской Федерации вынужден искать «золотую середину» и, констатируя, что экстремистское сообщество является устойчивой группой лиц, тем не менее, отмечать, что таковая может состоять из структурных подразделений (частей)⁷. Отмеченная проблема на практике приводит к тому, что при квалификации действий по созданию экстремистского сообщества, руководству таковым или участию в нем при сходных фактических обстоятельствах с равным успехом может устанавливаться наличие или отсутствие соответствующих составов преступлений. При этом по изученным нами уголовным делам наблюдается общая тенденция отнесения экстремистского сообщества к разновидности именно преступного сообщества (преступной организации), а не организованной группы.

Так, по одному уголовному делу суд отметил, что «сама по себе экстремистская деятельность, осуществляемая осужденными в составе организованной группы, не может служить основанием к тому, чтобы считать данную группу экстремистским сообществом». Данное утверждение суда, в частности, обосновывалось тем, что «по смыслу закона экстремистское сообщество отличается высшей степенью сплоченности участников, согласованности их действий по достижению общих целей. Также признаками данного сообщества являются наличие устава, лидера или руководящего ядра, четкой структуры, символики, финансового обеспечения, дисциплины и мер воздействия за ее нарушение»⁸.

⁷ См.: Абзац 1 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Рос. газ. 2011. 4 июля.

⁸ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 24 августа 2010 г. // Справка по итогам изучения практики рассмотрения судами Челябинской области уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности. Челябинск, 2011. С. 5–6 // Арх. Верхов. Суда Рос. Федерации.

⁶ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 90–91.

Приведенный пример свидетельствует о том, что неправильное использование терминов и необоснованное совмещение признаков двух самостоятельных уголовно-правовых категорий приводит к столь же противоречивым правоприменительным решениям. То же самое можно сказать и о привнесении в состав хулиганства абсолютно чуждого ему признака – мотива в виде ненависти или вражды, присущего преступлениям экстремистской направленности, но никак не хулиганским действиям. Речь идет о п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что хулиганским побуждениям свойственно отсутствие либо незначительность повода, используемого виновным для совершения преступления⁹. Осуществление же противоправных действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы предполагает избирательность поведения виновного и использование им конкретного повода, который вряд ли можно признать незначительным.

Также отметим, что во всех статьях Особенной части УК РФ, кроме ст. 213 этого УК, одновременно предусматривающих указание на хулиганские и «экстремистские» мотивы деяния, данные побуждения используются в качестве самостоятельных квалифицирующих признаков соответствующего состава преступления. Кроме того, указанные виды мотивов расцениваются законодателем в качестве равнозначных по их уголовно-правовому значению, однако не находящихся в отношении соподчинения или взаимопоглощения.

Отметим, что в самом законодательном определении преступлений экстремистской направленности предусмотрено сочетание двух сходных, но различающихся между собой побуждений: ненависти и вражды. В диспозиции же ч. 1 ст. 213 УК РФ данное сочетание дополнено еще одним мотивом, имеющим сложный характер и заключающимся в хулиганских побуждениях. При этом если в любом другом преступлении экстремистской направленности обязательным является мотив нена-

висти либо мотив вражды, а равно их сочетание, то в хулиганстве, предусмотренном п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, неотъемлемым мотивом, в первую очередь, выступает хулиганский мотив, который, по мысли законодателя, неизменно должен быть связан хотя бы с одним «экстремистским» побуждением. Следовательно, в таком хулиганстве виновный должен стремиться грубо нарушить общественный порядок, выразить явное неуважение к обществу, не имея для этого существенного повода, и одновременно испытывать ненависть либо вражду к какой-либо социальной группе и (или) ее представителям в связи с их национальной или расовой принадлежностью, идеологией, отношением к религии, а равно иным отличительным признаком.

Считаем, что приведенное сочетание мотивов невозможно, так как они взаимно исключают друг друга. Преступлениям экстремистской направленности свойственны избирательность действий, стремление продемонстрировать свое резко негативное отношение не к обществу в целом, а применительно к отдельной его части (социальной группе). Виновные при этом могут полагать, что действуют на благо всего общества, относя себя к его основной и (либо) «лучшей» части, причем потерпевшим может стать не любой человек, а только обладатель тех или иных, вызывающих ненависть признаков, отличающих его от других и относящих к какой-либо социальной группе.

Проблема включения в состав хулиганства мотивов ненависти или вражды состоит в том, что соответствующий признак является альтернативным по отношению к применению оружия или предметов, используемых в его качестве (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ), то есть законодатель создал формальную возможность отнесения к данному преступлению действий, которые рассматривались бы как мелкое хулиганство, не будь они совершены из «экстремистских» побуждений. Считаем, что мотив сам по себе не должен выступать криминалообразующим признаком, «превращающим» административное правонарушение в преступление, причем как минимум средней тяжести¹⁰.

В заключение приведем еще одну проблему, обусловленную необоснованным заимствованием (копированием) положений одной

⁹ См.: Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Рос. газ. 2007. 21 нояб.

¹⁰ Подробнее см.: Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 337–344.

уголовно-правовой нормы при законодательной регламентации сходных, но не идентичных отношений в тексте другой нормы УК РФ. Такая проблема выявляется при прочтении примеч. 1 к ст. 282.1 УК РФ, действующая редакция которого буквально повторяет примечание к ст. 282.2 этого УК об организации деятельности экстремистской организации, что, по нашему мнению, свидетельствует еще об одном недочете законодательной техники. Данное утверждение обусловлено тем, что примеч. 1 к ст. 282.1 УК РФ никоим образом не относится к предусмотренным в ней преступлениям. Помимо этого, примечание к ст. 282.2 УК РФ продолжает действовать, являясь полным аналогом рассматриваемого примеч. к ст. 282.1 УК РФ. В связи с изложенными обстоятельствами считаем, что в настоящее время в УК РФ специальный вид освобождения от уголовной ответственности за совершение какого-либо преступления, из предусмотренных в ст. 282.1 УК РФ, отсутствует. В противном случае, необходимо было бы констатировать, что квалификация тех или иных действий по ст. 282.1 УК РФ допустима только после того, как суд признает, что соответствующее объединение осуществляет экстремистскую деятельность и вступит в законную силу принятое

им решение о ликвидации или запрете деятельности такого объединения, а последнее продолжит запрещенную деятельность. Так как приведенное допущение для квалификации организации экстремистского сообщества и участия в нем, по меньшей мере, абсурдно, можно предположить, что законодательная ошибка будет исправлена и примеч. 1 к ст. 282¹ УК РФ об освобождении от уголовной ответственности будет изложено в первоначальной редакции.

В качестве вывода отметим, что проблемы законодательства в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности в основном связаны с различными отступлениями от принципа системности права, поэтому и пути устранения данных проблем должны иметь не фрагментарный, а системный и последовательный характер. При этом совершенствование уголовно-правовых норм следует осуществлять на основе неукоснительного соблюдения общих принципов уголовной ответственности, содержащихся непосредственно в Общей части УК РФ, критериев (принципов) криминализации общественно опасных деяний, разработанных в теории уголовного права и криминологии, а также проверенных временем и практикой правил законодательной техники.

ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

ДОЛГОПОЛОВ Кирилл Андреевич

Аннотация: в статье рассмотрен принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права, показано влияние данного принципа на назначение уголовного наказания.

Annotation: in this article the principle of individualization of punishment as one of the principles of criminal law, shows the influence of this principle on a criminal sentence.

Ключевые слова: наказание, назначение наказания, принцип индивидуализации наказания.

Key words: punishment, sentencing, the principle of individualization of punishment.

Значение правовых принципов особенно возрастает в настоящее время. Объясняется это тем, что дальнейшее упрочение и реформирование правовой основы всей государственной и общественной жизни требует неуклонного соблюдения законности.

В принципах права наиболее отчетливо раскрывается социально- нравственная природа права. Поэтому важное теоретическое значение имеет определение принципа права вообще и уголовного в частности.

Принцип – это основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки и т.д. Исходя из общего понятия принципа, формулируется понятие принципа права. Г.А. Кригер определил принцип права как закрепленные в праве идеологические, политические и нравственные начала (руководящие идеи), направляющие регулятивную и охранительную функции права и определяющие характер, основания и объем применения государственного принуждения и иных мер воздействия, необходимых для обеспечения развития общественных отношений¹.

По определению С.С. Алексеева, «принципы права – это выраженные в праве руководящие начала, характеризующие его содержание»².

Ранее нами было отмечено, что выделение в качестве принципов уголовного права дополнительных, кроме уже названных в УК РФ, хотя и возможно, но требует тщательной проработки с целью их включения в уравнове-

шенную и согласованную систему принципов российского уголовного права³.

На наш взгляд, более полно и точно принципы права можно определить следующим образом: принципы права – это закрепленные в правовых нормах руководящие (основополагающие) начала (идеи), которые характеризуют содержание права и объективизируются в нормотворческой и правоприменительной деятельности органов государства.

Под принципами уголовного права, таким образом, следует понимать «закрепленные в уголовном законодательстве основополагающие начала (идеи), которые определяют как в целом его содержание, так и содержание отдельных его институтов»⁴.

В науке уголовного права дискуссия вокруг принципа индивидуализации наказания начала складываться давно. К этому принципу обращались такие русские дореволюционные юристы, как Н.С. Таганцев.

Данная проблема исследовалась в работах многих советских ученых. Однако единодушного мнения о понятии принципа индивидуализации в советской уголовно-правовой науке не было. Наиболее четко и точно, на наш взгляд, он сформулирован И.И. Карпецом: «Индивидуализация наказания в советском уголовном праве – это принцип, заключающийся в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств, который позволяет посредством наказания добиться в конечном счете исправления и перевоспитания преступника,

¹ Кригер Г.А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. 1981. № 2. С. 102.

² Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. Вып. 1. С. 141.

³ Долгополов К.А. Принципы назначения уголовного наказания // Современное право. 2011. № 12. С. 99.

⁴ Уголовное право России. Общая часть : учеб. / под ред. А.И. Рапога. М., 2009. С. 911.

а также предупредить совершение новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами»⁵. Данное определение указанного принципа актуально поныне и с некоторыми оговорками применительно к российской уголовно-правовой доктрине.

Позицию И.И. Карпеца в целом разделяют Н.Ф. Кузнецова и Б.А. Куринов, которые определяют этот принцип следующим образом: «индивидуализацией наказания называется определение судом конкретной меры наказания лицу, виновному в совершении того или иного преступления, осуществляемое на основе закона и социалистического правосознания судей, исходя из степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего»⁶.

На наш взгляд, индивидуализация наказания в российском уголовном праве – это принцип, заключающийся в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного (до, в момент и после совершения преступления), смягчающих и отягчающих обстоятельств, обстоятельств, влияющих на условия жизни семьи, позволяющий посредством конкретной меры наказания добиться в конечном счете исправления преступника, а также предупредить совершение новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами.

Будучи строго индивидуальным, наказание тогда достигает своих целей, когда оно целесообразно и справедливо. Если оно не справедливо, оно не способствует исправлению виновного, а, наоборот, может озлобить, ожесточить его, то есть не достигнет цели частного предупреждения⁷.

Очень важно назначить лицу, совершившему преступление, такое наказание, которое было бы понятно ему, явилось бы средством его исправления. Для достижения этого оно должно соответствовать его индивидуальной вине.

Уголовный кодекс предоставляет суду широкие возможности для проведения в жизнь принципа индивидуализации наказания. Это и возможность отказаться от назначенного наказания в силу небольшой общественной опас-

ности деяния, и возможность назначения наказания ниже низшего предела санкции, установленной законом, и учет смягчающих и отягчающих обстоятельств, и назначение условного осуждения, и целый ряд других указанных в законе возможностей.

Несмотря на то, что принцип индивидуализации наказания проходит красной нитью почти через каждую норму Общей части УК РФ, наиболее четко и полно он выражен в статьях Уголовного кодекса, посвященных общим началам назначения наказания.

О том, что следует понимать под общими началами назначения наказания, в юридической литературе существует несколько точек зрения. Чаще всего под общими началами назначения наказания рассматривают правила (требования, положения, критерии), которыми обязан руководствоваться суд при назначении наказания в каждом конкретном случае⁸ или просто должен руководствоваться суд при назначении наказания⁹.

Нам более удачным видится следующее определение: «общие начала назначения наказания – это закрепленные в нормах уголовного права руководящие идеи, которыми должен руководствоваться суд при разрешении каждого конкретного уголовного дела с целью правильного определения вида и размера наказания в отношении каждого подсудимого»¹⁰.

Уже само наименование – общие начала – свидетельствует о том, что «они дают предписание, пригодные для всех типичных случаев»¹¹. Отсюда нельзя не признать, что в общих началах предусмотрены типичные правила назначения наказания, применение которых не зависит от специфики конкретного уголовного дела.

⁸ См.: Прохоров Л.А. Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности. Омск, 1980. С. 11; Скрябин М.А. Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним. Казань, 1988. С. 7; Кривенков О.В. Общие начала назначения наказания по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 13, 16.

⁹ Ткаченко В. Общие начала назначения наказания // Рос. юстиция. 1997. № 1. С. 10; Гаверов Г.С. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976. С. 8.

¹⁰ Татарников В.Г. Понятие общих начал назначения наказания и их содержание // Проблемы совершенствования борьбы с преступностью. Иркутск, 1985. С. 43. Ближкие решения см.: Уголовное право: Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2011. С. 237; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. О.Ф. Шишова. М., 1998. Т. 1. С. 182; Курс уголовного права: Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2011. Т. 2. С. 76.

¹¹ Беляев В.Г. Применение уголовного закона. Волгоград, 1998. С. 111.

⁵ Карпец И.И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. С. 10.

⁶ Кузнецова Н.Ф., Куринов Б.А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания // Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 92.

⁷ Карпец И.И. Наказание. Социально-правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 160.

Общие начала назначения наказания закреплены в ст. 60 Уголовного кодекса РФ, причем в первых двух частях данной статьи закреплены положения, отражающие уголовно-правовые принципы справедливости и экономии репрессии. Принцип же индивидуализации наказания раскрыт в ч. 3 ст. 60 УК РФ: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи».

При индивидуализации наказания суд обязан учитывать степень общественной опасности совершенного деяния, то есть сравнительную опасность конкретного преступления по отношению к другим преступлениям того же характера и вида. Степень общественной опасности есть признак, характеризующий конкретное преступное деяние и обстоятельства его совершения. По мнению В. Ткаченко, степень общественной опасности – это количественная сторона преступления и зависит она от размера причиненного вреда конкретному объекту либо интересу¹².

При характеристике степени общественной опасности преступного деяния важное значение имеют такие обстоятельства, как:

1) субъективная сторона деяния; 2) квалифицирующие признаки состава преступления; 3) степень осуществления преступного намерения; 4) форма участия лица в преступлении; 5) особенность места времени и способа совершения преступления и др.¹³

При назначении наказания суд должен, даже обязан не только указать, что он учитывает степень опасности преступления, но и раскрыть содержание этого признака, то есть назвать те обстоятельства, которые его определяют.

Наиболее широко индивидуализация наказания проявляется все же в учете личности подсудимого и обстоятельств, смягчающих и отягчающих его наказание. Изучение личности при рассмотрении дела играет особую роль для назначения наказания. Поскольку целью наказания, кроме восстановления социальной справедливости, является исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, судом тщательно должны быть исследованы как биологические, так и социальные особенности личности. Порой на вид и размер наказания влияют пол, возраст, состояние здоровья виновного. Важное значение имеют цель и мотив совершенных преступных действий, данные, характеризующие виновного.

¹² Ткаченко В. Общие начала назначения наказания. М., 2009. С. 10.

¹³ Становский М.Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 154–155.

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

МУСАЕВ Халид Абдурашимович

Аннотация: автором анализируются существующие в доктрине уголовного права точки зрения относительно понимания обстановки совершения преступления как признака объективной стороны состава преступления и предлагается авторское понимание обстановки совершения преступления.

Annotation: the author analyzes existing in the doctrine of criminal law point of view in relation to the understanding of the situation of committing a crime as a sign of the objective side of the crime and the author's understanding of the situation of committing a crime.

Ключевые слова: состав преступления, объективная сторона преступления, факультативные признаки.

Key words: constitutes a crime, the objective side of the crime, the optional signs.

Обстановка совершения преступления в национальном уголовном праве отнесена к числу факультативных признаков объективной стороны состава преступления. При этом учет обстановки совершения преступления играет важную роль при квалификации совершенного преступления.

Обстановка совершения преступления представляет собой форму взаимосвязи физической и социальной сред в механизме преступления, формирующая (наряду с другими) объективные закономерности его функционирования, развития преступного умысла или отказа от преступления¹. Обстановка совершения преступления для преступника выступает фактором, способствующим его преступным действиям либо затрудняющим их осуществление – согласно словарю по уголовному праву: «обстановка совершения преступления – это объективные условия, при которых происходит преступление»².

Обстановка совершения преступления является предметом изучения не только уголовного права, но и других отраслей правовой науки: криминалистики, криминологии, уголовного процесса, административного права, теории оперативно-розыскной деятельности и т.д. Каждая из них, отражая наиболее общие закономерности формулирования законодательных конструкций правонарушений, выде-

ляет свои особенности, характерные черты условий их совершения.

В доктрине уголовного права в определении обстановки совершения преступления существует несколько подходов. Во-первых, под ней понимаются а) «конкретные, специфические, объективные условия, в которых совершаются общественно опасные посягательства»³, б) «условия, в которых проявляется общественная опасность действия или бездействия», в) «разнообразные обстоятельства, при которых и в соотношении с которыми учиняется преступное деяние»⁴. Во-вторых, она определяется как «совокупность признаков объективного характера, которые повышают или понижают общественную опасность преступления»⁵. В-третьих, она понимается и как одно из условий, которое используется преступником для достижения своих целей или представляет собой такое стечение событий и обстоятельств, свидетельствующих как о большей, так и о меньшей общественной опасности преступления и преступника⁶.

В.Н. Кудрявцев понимает обстановку совершения преступления в узком и широком смысле. В первом случае он ограничивает ее комплексом вещей, явлений и процессов, происходящих во внешнем мире, а во-вторых –

¹ Букаева Н.Н. Обстановка совершения преступления, получение и использование информации о ней при расследовании уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 9.

² Наумов А.В. Обстановка совершения преступления // Слов. по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. С. 292.

³ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Е.А. Смирнова. Киев: КВШ МВД СССР, 1973. С. 115.

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. С. 543–544.

⁵ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Н.А. Беляева. М.: Юрид. лит., 1977. С. 166.

⁶ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригер. М.: МГУ, 1988. С. 121.

«в более широком смысле обстановка совершения преступления включает место, время и другие конкретные условия ее совершения»⁷. Развивая свой взгляд относительно содержания данного понятия, В.Н. Кудрявцев указывает, что «обстановка совершения преступления не сводится к совокупности непосредственных физических условий, в которых действовал преступник. Это понятие охватывает более широкий круг явлений и включает также общую историческую и социально-политическую обстановку, конкретные условия жизни и деятельности данного коллектива, в которых было совершено преступление»⁸.

Другие ученые обозначают обстановку совершения преступления как «положение, условие кого-нибудь, чего-нибудь – обстоятельство, при наличии которого в реальной действительности совершается общественно опасное деяние»⁹, и как «совокупность признаков объективного характера, которые повышают или понижают уровень общественной опасности преступления»¹⁰, и как «одно из условий, которое используется виновным для достижения своих целей, или представляет собой стечение обстоятельств и событий, которые могут свидетельствовать о большей или меньшей общественной опасности преступления или преступника»¹¹.

Одним из дискуссионных вопросов в науке уголовного права является вопрос об элементах обстановки совершения преступления. Так, устоялось понимание того, что типичными элементами обстановки являются люди, различающиеся своим психофизическим состоянием и социально-правовым статусом, либо разнообразные общности людей, естественные или искусственные материальные объекты (древесная растительность, транспортные средства, производственные механизмы, технологическое оборудование, здания и иные подобные сооружения и т.п.), а также обусловленные их функционированием процессы, животные и их биологическое состояние, природно-климатические факторы в виде экстремальных проявлений стихийных сил (землетрясе-

ние, наводнение, пожар и т.д.), либо повторяющихся периодически процессов (смены дня и ночи, времен года и др.)¹².

При этом по-разному решается вопрос об отнесении места и времени совершения преступления к элементам обстановки. Если обратиться к некоторым нормам уголовного закона (ст. 61, 63, 105, 106, 177, 214, 215, 216, 256, 258 УК РФ), то можно увидеть, что в их тексте содержатся многозначные формулировки («в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств», «в связи с осуществлением лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга», «в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках», «в беспомощном состоянии», «во время или сразу после родов», «после вступления в законную силу соответствующего судебного акта», «на общественном транспорте или в иных общественных местах», «на объектах атомной энергетики», «при ведении горных, строительных или иных работ», «в местах нереста», «в запретной зоне», «на территории заповедника, заказника или в зоне экологического бедствия или в зоне экологической, чрезвычайной ситуации», в военное время и др.), в которых дана характеристика не только обстановки, но и места и времени совершения преступления.

Трудно не согласиться с М.Ш. Шайдаевым, подчеркивающим, что понятия «место совершения преступления», «время совершения преступления» и «обстановка совершения преступления» тесно взаимосвязаны. Их соотношение характеризуется отношением частного и целого. Место и время всегда выступают необходимыми компонентами, частью обстановки, относятся к ее элементам, поскольку последняя не может быть территориально и временно не определена. Следовательно, место и время совершения преступления выполняют специфическую функцию – являются пространственно-временными ограничителями, используя метрические свойства которых, законодатель выделяет, конкретизирует, формализует те или иные материальные уголовно-правовые явления, в том числе и обстановку совершения преступления¹³.

⁷ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 172.

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Уголовное право: Часть общая. Часть Особенная / под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999. С. 105.

¹⁰ Галиакбаров Р.Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 1999. С. 83.

¹¹ Уголовное право Российской Федерации / под ред. В.П. Кашепова. М.: Былина, 1999. С. 78.

¹² Объективная сторона преступления (факультативные признаки): учеб. пособие / под ред. А.В. Наумова, С.И. Никулина. М.: МЮИ МВД России, 1995. С. 55.

¹³ Шайдаев М.Ш. Обстановка совершения преступления в зоне вооруженного конфликта и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 37.

Необходимость пространственно-временной конкретизации обстановки совершения преступления может быть обусловлена присущими ей особенностями, в частности, повсеместностью, безграничностью, количественным и качественным составом ее элементов, относительно высокой степенью подвижности состояний ее структуры и, следовательно, непостоянством ее свойств, что, естественно, осложняет установление соответствующих качественных характеристик обстановки.

Наиболее наглядно взаимосвязь обстановки, места и времени совершения преступления проявляется в ст. 270 УК РФ, устанавливающей ответственность за неказание капитаном судна помощи, терпящим бедствие. Ее диспозиция содержит указание на обстановку (бедствие), место (море или иной водный путь). В ней подразумевается и время совершения преступления (до момента устранения существующей для людей опасности). Причем конкретное содержание обстановки является гипотезой, условием применения данной статьи – «если эта помощь могла быть оказана без серьезной опасности для своего судна, его экипажа и пассажиров».

Обстановка совершения преступления наряду с местом и временем, входящим в ее содержание, дополнительно характеризуется наличием прочих условий, оказывающих влияние на степень общественной опасности преступления. К числу других элементов обстановки совершения преступления с точки зрения их типичности для большинства форм конкретной обстановки и степени уголовно-правовой значимости относятся человек, материальные предметы, природно-климатические и некоторые иные факторы¹⁴.

Вместе с тем, указанные элементы носят обобщенный характер, на уровне же конкретного преступления они свое уголовно-правовое значение могут проявлять различным образом. Так, материальные предметы всегда присутствуют в обстановке совершения преступления и представлены они в ней порой весьма многочисленно. Поэтому в данном случае задача состоит в том, чтобы из числа материальных предметов, входящих в обстановку совершения преступления, выделить только такие, которые самостоятельно или в сочетании с другими ее элементами придают качест-

венное своеобразие, а через нее приобретают уголовно-правовое значение.

Природно-климатические факторы, как элементы обстановки совершения преступления, характеризуются прежде всего действием стихийных сил природы. К ним в первую очередь относятся такие экстремальные явления, как землетрясение, наводнение, пожар, сильный мороз или жара, снегопад или дождь, туман, а также явления, которые происходят с закономерной периодичностью – смена темного и светлого времени суток, смена времен года и т.д.

Обстановка совершения преступления обычно формируется из нескольких в уголовно-правовом отношении значимых элементов, однако становление ее уголовно-правовых свойств и внешних форм зависит от их количественных и качественных характеристик, а также от меры влияния соответствующих элементов на формирование свойств обстановки.

Однако, с позиций уголовного права, первостепенное значение имеет установление в конкретной обстановке главного ее элемента, в значительной мере определяющего сущность, содержание обстановки, поскольку лишь ее существенные свойства способны влиять на преступность деяния.

Соответственно главному элементу происходит формирование и иных конкретных элементов обстановки. В тех случаях, например, когда обстановка образуется главным образом за счет человеческого элемента, речь надо вести о публичной обстановке. На основе главного элемента в уголовном законе определяется, например, такой вид обстановки, как совершение преступления в военное время (боевой обстановки, районе боевых действий).

Можно заключить, что в обобщенном виде обстановка является ограниченным пространственно-временными рамками совершенного преступления системным образованием (совокупностью комплексов), складывающейся в результате взаимодействия элементов реального мира (человека, материальных предметов, природно-климатических и иных факторов), количественные и качественные характеристики которых определяют ее основные свойства и внешнюю форму. Объективно обстановку нельзя отнести исключительно к уголовно-правовым явлениям, поскольку ее истоки коренятся в естественной социальной среде, однако ряд присущих ей свойств, оказывающих воздействие на преступление или лицо, его совершившее, придает ей непосредственно

¹⁴ Василяди А.Г. Обстановка совершения преступления и ее уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МВШМ МВД СССР, 1988. С. 41.

уголовно-правовое значение. Кроме того, ее нельзя относить целиком к какому-то отдельному элементу состава преступления, так как ее структура может быть рассредоточена в нескольких из них.

Таким образом, можно определить, что *обстановка совершения преступления – это система взаимодействующих элементов, протекающих в определенных пространственно-временных условиях, в которых совершается общественно-опасное деяние, и оказывающих влияние на степень общественной опасности совершенного деяния.*

Отметим еще одно обстоятельство. Время, место, обстановка совершения преступления относятся к числу факультативных признаков объективной стороны преступления. Однако деление признаков на обязательные и факультативные носит весьма условный характер и может иметь определенное значение при

изучении учения о составе преступления в Общей части уголовного права. В уголовно-правовой литературе отмечается, что выведение указанных элементов за пределы объективной стороны состава преступления означает их выведение за границы преступления вообще. Разумеется, место, время и обстановка не являются признаками самого деяния, однако они – признаки преступления и характеризуют его¹⁵. И далее, каждое преступление причиняет вред соответствующему объекту, совершается в определенное время, на определенном месте и т.д., и все это – признаки объективной стороны преступления. Отсюда можно заключить, что, применительно к конкретному составу преступления, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой Особенной части УК РФ, стоит говорить об обязательности всех признаков, содержащихся в такой уголовно-правовой норме.

¹⁵ Уголовное право России : учеб. / под ред. Н.М. Кропачева, В.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 403–404.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА, А ТАКЖЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, НЕПОСРЕДСТВЕННО СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ

ШМЫКОВ Дмитрий Валерьевич

Аннотация: в данной статье исследуются причины и условия совершения преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов. Рассматриваются обстоятельства, способствующие распространению порнографических материалов или предметов.

Annotation: in this article explores the causes and conditions of crimes, connected with the circulation of pornographic materials. Reviews the circumstances contributing to the dissemination of pornographic materials or objects.

Ключевые слова: порнография, распространение, причины и условия совершения.

Key words: pornography, distribution, causes and conditions of.

При исследовании причинного комплекса распространения порнографических материалов или предметов в криминологии принято выделять обстоятельства общего порядка и обстоятельства, способствующие совершению конкретных преступлений¹. Анализируя общественные явления, криминологи, как правило, выделяют следующие основные сферы жизнедеятельности: экономическую, социальную, политическую, идеологическую (нравственно-духовную), правовую; при этом учитывают, что каждая из названных сфер представляет собой диалектическую взаимосвязь, систему и органическое единство деятельности и отношений ее участников². Применительно к каждой из указанных сфер с учетом ресурсных, психологических, организационно-управленческих факторов складывается и действует совокупность причин и условий, а в широком смысле слова следует говорить о причинных факторах совершения преступлений вообще и каждого отдельного преступления в частности.

Представляется целесообразным использовать апробированный в криминологии подход и при анализе рассматриваемых нами дея-

ний. Следует лишь уточнить, что четкое разграничение факторов общего порядка и обстоятельств, способствующих совершению того или иного отдельного преступления, применить к конкретной ситуации бывает крайне сложно, а порой, невозможно. Конкретное социальное явление в одних случаях может выступать в качестве фактора общего порядка, а в других – обстоятельством, способствующим совершению конкретного преступления. Поэтому разделение факторов, характеризующих причинный комплекс на общие и специальные, является достаточно условным. Более точным в изучении преступлений против нравственности является предложенный нами комплексный подход – уголовно-правовой и криминологический, а в рамках криминологического изучения рассматриваемого явления (порнографии) – системный анализ.

К **обстоятельствам общего характера**, способствующим совершению анализируемого деяния, можно, на наш взгляд, отнести:

Во-первых, **обстоятельства макросреды по сферам общения индивида:** семья, школа, трудовой (учебный) коллектив, ближайшее окружение, которые обуславливают неблагоприятное формирование личности, содержание взаимоотношений в обществе, сложившиеся в конкретный исторический период времени³.

Предшествует преступному поведению ненормальная обстановка, внутренний разлад на фоне неустроенности, неправильное воспи-

¹ См., например: Криминология : курс лекций / под ред. В.Н. Бурлакова [и др.]. СПб., 1995. С. 244 ; Криминология / под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. Ростов н/Д, 2002. С. 199–200 ; Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: Криминологический анализ. М. : Норма, 2006. С. 23 ; Омигов В.И. Криминология : учеб. для вузов. Общая и Особенная части. Пермь, 2007. С. 416–417 и др.

² См.: Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. С. 643–651.

³ См.: Омигов В.И. Криминология. С. 96–105.

тание детей, дурной пример родителей и взрослых членов семьи, эгоизм, стяжательство, антиобщественное, а порой, и аморальное, преступное поведение взрослых и др. Также отрицательно сказывается отрыв обучения от воспитания, подавление инициативы и самостоятельности учащихся, отсутствие культурно-воспитательной работы, слабая дисциплина, корыстная дискриминация учеников в зависимости от положения их родителей, формализм учителей в деле образования и воспитания, неорганизованность досуга и др.

Во-вторых, *влияние нравственных, психологических и идеологических факторов*. Воспитание нравственности – составная часть воспитательной работы с населением вообще, включающая в себя и получение образования, специальности, и привитие культуры, нравственных ценностей, установок, выработанных человечеством за всю историю его развития. Воспитание – это творческое осмысление и внедрение в повседневную жизнь человека всего того, что делает человека Человеком⁴.

Наличие порнографических материалов в обществе зачастую свидетельствует о том, что у человека проявляются низменные инстинкты, привычки, агрессивное поведение.

Разобщение людей и разжигание розни между ними есть антинравственная политика, прямо ведущая к преступлениям. Упрочение или разрушение нравственных устоев зависит прежде всего от позиции интеллигенции. Нравственное состояние общества и господство тех или иных принципов – лицо интеллигенции, что прежде всего говорит о ее огромной ответственности перед людьми, в том числе и за состояние преступности. Одни только правоохранительные органы не в силах укреплять нравственные устои общества⁵.

В-третьих, *неэффективность деятельности правоохранительных органов*. Необходимо отметить, что до настоящего времени в России не сложился четкий механизм противодействия распространению порнографии. Правоохранительные органы в борьбе против распространения порнографических материалов не имеют действенных рычагов воздействия в связи с тем, что законодательная база, регулирующая привлечение к ответственности за незаконный оборот порнографических материалов, не совершенна.

К числу *обстоятельств, непосредственно способствующих совершению рассматриваемых преступлений*, следует отнести:

Во-первых, *сложность автоматизированного поиска, идентификации и фиксации порнографических материалов*.

Специализированными подразделениями МВД России проводится регулярный мониторинг сети Интернет с целью выявления порнографических изображений. Низкая эффективность этой работы связана с трудностями автоматизации поиска порнографических сайтов в глобальной сети. Учитывая, что порнографией следует считать не просто натуралистическое изображение физиологических элементов половых актов, половых органов или непристойных форм сексуального поведения, а только то, целью которого является возбуждение половых инстинктов, создать усредненную математическую модель такого изображения невозможно. Следовательно, невозможно и задать параметры для программного поиска в Сети заведомо порнографических изображений. Пока эта проблема не разрешена, поиск обычно осуществляется вручную, что сказывается на эффективности работы.

Резко снижает возможности выявления порнографии и специфика совершения этого преступления, что затрудняет поиск порнографических материалов в Сети и их фиксацию. Шифрование, устройства хранения ключевой цепи, одноранговые объекты Сети, чат-реле, диалоговые конференции и прочие возможности Интернета позволяют создателям и сбытчикам порнографии широко распространять свои контенты, запутывая следы и затрудняя установление владельцев сайтов. Например, в феврале 2005 года в Екатеринбурге был задержан распространитель порнофильмов, к съемкам в которых привлекали детей от 7 до 14 лет. Обнаружить преступника местным правоохранительным органам помогло подразделение британской полиции, специализирующееся на расследовании компьютерных преступлений. Оно выявило в Интернете сайт с рекламой детской порнографии. Было установлено, что провайдер сайта находится в Казахстане. Через Интерпол английские полицейские обратились за помощью в правоохранительные органы Казахстана, которые в свою очередь установили, что сайт создан на территории России с компьютера, установленного в одной из квартир Екатеринбурга, а снимавшиеся в фильмах дети – иностранцы⁶.

⁴ См.: Криминология : учеб. / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М. : Юрист, 1995. С. 73–74.

⁵ См.: там же. С. 76.

⁶ См.: Борисова Т.А. В Екатеринбурге задержан распространитель детского порно // Новый регион. Екатеринбург, 2005. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

Также сложность заключается в том, что зачастую порнографические материалы продают в качестве эротической продукции, для подтверждения этого факта необходимо проведение судебной экспертизы, в связи с этим имеются сложности при возбуждении уголовного дела. Согласно действующему УПК РФ судебная экспертиза проводится при наличии возбужденного уголовного дела, а статус субъекта – «подозреваемый, обвиняемый».

Следующее обстоятельство, затрудняющее выявление порнографии, как в реальной действительности, так и во Всемирной сети, – это установление личности моделей и их возраста (наиболее виктимна группа подростков 12–16 лет, чей возраст установить визуально бывает весьма затруднительно).

При формулировании в законе возраста жертвы как «заведомо несовершеннолетнего» даже точное определение возраста не является основанием для возбуждения дела, пока не будет установлена «заведомость» – фактор субъективной оценки, широко используемый защитой и затрудняющий начало уголовного преследования.

Во-вторых, *повышенная латентность рассматриваемого вида преступной деятельности.*

Данная особенность рассматриваемых деяний также является одним из обстоятельств, способствующих их совершению, так как создает у лиц, занимающихся созданием и распространением порнографических материалов, иллюзию безнаказанности, что нередко выступает побудительным мотивом к нарушению уголовно-правовых запретов. Если виновные не избалованы в кратчайшие сроки после совершения первого преступления, то они не прекращают свою преступную деятельность, наоборот, она становится более изощренной и, как правило, многоэпизодной.

В-третьих, *низкий уровень подготовки профессиональных кадров органов внутренних дел.* Криминогенное значение имеет также низкий уровень профессиональной подготовки определенной части сотрудников органов внутренних дел, что влечет крупные упущения в возбуждении и расследовании уголовных дел

о распространении порнографических материалов или предметов.

В-четвертых, *недостатки технико-юридического конструирования норм, предусматривающих ответственность за распространение порнографических материалов или предметов.*

Наличие нечетких формулировок, противоречивость соответствующих законодательных установлений создают значительные сложности в применении данных положений на практике⁷.

Таким образом, совершение преступлений, предусмотренных ст. 242 и 242¹ УК РФ, является результатом взаимодействия образовавшихся под воздействием неблагоприятных жизненных условий негативных, нравственно-психологических свойств личности и внешних объективных обстоятельств, образующих криминогенную ситуацию. На уровне неблагоприятных условий нравственного формирования личности создаются предпосылки, рассматриваемые как возможность совершения преступления конкретным лицом. На уровне конкретной ситуации сложившаяся у лица криминогенная мотивация реализуется.

Подводя итог изложенному выше, необходимо отметить, что все активнее в России раскрытием и расследованием преступлений, связанных с распространением порнографических материалов или предметов, занимаются подразделения «К» БСТМ России. Оборот порнографических материалов проходит через интернет-ресурсы, что в свою очередь свидетельствует о мимикрии преступности в начале XXI века. Более того, преступления, связанные с порнографическими материалами или предметами, принимают трансграничный характер.

Указанные факторы достаточно объективно отражают всю совокупность противоречий развития общественных отношений в стране. Знание причин и условий совершения анализируемых деяний позволит на более качественном уровне разработать комплекс эффективных мер уголовно-правового регулирования, общего и специального их предупреждения.

⁷ См., например: Криминология : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2007. С. 384 ; Колосовский В.В. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 102 и др.

ЗАЩИТА ЛЮДЕЙ В СЛУЧАЕ БЕДСТВИЙ (ВОПРОСЫ КОДИФИКАЦИИ)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович

Аннотация: в данной статье анализируются вопросы защиты прав человека в случае бедствий. Автор рассматривает процесс кодификации данной проблемы в рамках деятельности Комиссии международного права с момента включения ее в свою повестку дня до настоящего времени.

Annotation: the issues of Human Rights protection in adversity are analyzed in this article. The author researches the codification process of this problem in frames of the UN International Law Commission activity from the beginning of agenda to preset times.

Ключевые слова: права человека, бедствие, кодификация, Комиссия международного права ООН.

Key words: Human Rights, Adversities, Codification, the UN International Law Commission.

Тема «Защита людей в случае бедствий» была включена в программу Комиссии международного права ООН (далее – КМП) в 2007 году. С тех пор Комиссия заслушала пять докладов Специального докладчика и в предварительном порядке в 2012 году на 64-й сессии приняла тексты проектов статей о защите людей в случае бедствий, состоящих из следующих положений¹:

- цель разрабатываемого документа;
- определения бедствия;
- связь с международным гуманитарным правом;
- обязанность государств сотрудничать;
- гуманитарные принципы при реагировании на бедствия;
- уважение и защита достоинства человеческой личности;
- уважение прав человека, пострадавшего в результате бедствий;
- роль пострадавшего государства по обеспечению защиты людей и оказанию им помощи;
- обязать пострадавшее государство обращаться за помощью к другим государствам и международным организациям;
- согласие пострадавшего государства на внешнюю помощь;
- условия оказания внешней помощи;
- содействие внешней помощи;
- прекращение внешней помощи.

Пятый доклад был заслушан в июле 2012 года, после него Комиссия передала проекты ста-

тей Редакционному комитету. Как отметил Специальный докладчик, в Шестом комитете правительства положительно отреагировали на проекты статей, принятые Комиссией к настоящему времени².

Одним из важных вопросов при разработке данной темы явилось определение понятия бедствия. В ранее принятых международно-правовых документах давалась или конкретная узкая трактовка (например, Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 года), или более широкое определение бедствия. По мнению членов Комиссии, наиболее удачной, то есть отправной точкой для закрепления понятия бедствия, применимого ко всем случаям в жизни, оказалась Конвенция Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операции по оказанию помощи 1998 года³. В данной Конвенции было дано следующее определение: «Бедствие означает нарушение функционирования общества, которое создает серьезную, широкую угрозу для жизни и здоровья людей, имущества или окружающей среды, независимо от того, вызвано ли оно аварией, силами природы или деятельностью человека и возникло внезапно или в результате сложного, длительного процесса» (п. 6 ст. 1).

В процессе разработки Проекта статей об ответственности государств Комиссия между-

¹ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. А/65/10, п. 331.

² Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. А/67/10. Доклад Комиссии международного права, шестьдесят четвертая сессия, VII–VIII. 2012.

³ United Nations Treaty Series. Vol. 2296. No. 40906.

народного права при обосновании обстоятельств, исключающих противоправность государства, также обратилась к термину «бедствие». Однако в ст. 24 Проекта не была дана трактовка данного понятия. В ней было сформулировано положение о том, что «противоправность деяния государства, не соответствующего международному обязательству этого государства, исключается, если исполнитель данного деяния не имел в этой ситуации бедствия иного разумного способа спасти свою жизнь или жизнь лиц, вверенных его попечению»⁴.

На основе анализа многочисленных правовых источников члены Комиссии пришли к выводу о том, что определение бедствия можно ограничить последствиями события, необязательно охватывая происхождение этого события⁵.

В конечном счете, в предварительном порядке на 64-й сессии КМП (2012) в Проекте было сформулировано следующее определение бедствия: «Бедствие означает катастрофическое событие или серию событий, приводящих к массовой гибели людей, большим человеческим страданиям и бедам или масштабному материальному или экологическому ущербу, серьезно нарушая тем самым функционирование общества»⁶.

Как известно, принцип сотрудничества государств является функциональным принципом международного права. Как императивная норма международного права он представляет собой не столько право, сколько обязанность всех государств сотрудничать друг с другом, которая прочно утвердилась в многочисленных международных документах⁷. Действие данного принципа в особенности остро должно проявляться в случаях бедствий, когда возникает необходимость солидарности и сотрудничества между государствами, международными организациями и индивидами. Сотрудничество должно выражаться в оказании гуманитарной помощи, предоставлении персонала по оказанию помощи, оборудованию и предметов снабжения для оказания помощи, а также научных, медицинских и технических ресурсов (ст. 5). Защита физических лиц в случае бедст-

вий требует концентрированных усилий международного сообщества государств. В проекте статей обязанность сотрудничать коснулась не только между государствами, но также с ООН, другими компетентными межправительственными организациями, Международной федерацией общества Красного Креста и Красного Полумесяца, Международным Комитетом Красного Креста и неправительственными организациями.

Вместе с тем система и интенсивность сотрудничества в случае бедствий требуют уважения суверенитета государства, невмешательства в его дела. Как было отмечено в докладе члена Комиссии, каждое государство несет основную ответственность за оказание помощи жертвам стихийных бедствий, подобных чрезвычайных ситуаций, имеющих место на его территории. Сотрудничество является элементом этой главной обязанности государств, которая касается не только правительств, органов власти, но и компетентных международных организаций и гражданского общества⁸.

Оказавшись в случае бедствия в уязвимом положении, люди особо нуждаются в гуманном обращении с ними. И не случайно в проекте статей было включено положение о проявлении гуманности, нейтралитета и беспристрастности. В международном праве эти принципы приобрели императивное содержание, прежде всего, в праве вооруженных конфликтов, то есть в международном гуманитарном праве⁹. Однако в проекте статей было закреплено положение о том, что «настоящие проекты статей не применяются к ситуациям, в которых применены нормы международного гуманитарного права» (ст. 4). Между тем проявление гуманизма относится к общечеловеческим ценностям. При любых ситуациях, когда люди нуждаются, оно должно сопровождаться такими принципами, как нейтралитет, беспристрастность, отсутствие дискриминации.

При оказании гуманитарной помощи в случае бедствия принцип нейтралитета требует, чтобы предоставление помощи осуществлялось независимо от любого политического, религиозного, этнического или идеологического контекста¹⁰.

⁴ См.: Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 385.

⁵ См.: Документ Генеральной Ассамблеи ООН. A/CN.4/615.

⁶ См.: Документ Генеральной Ассамблеи ООН. Шестьдесят седьмая сессия. Дополнение. № 10 (A/67/10).

⁷ См.: Международное публичное право / отв. ред. К.А. Бякишев. М., 2004. С. 113–114.

⁸ См.: Второй доклад о защите людей в случае бедствий. Документ Генеральной Ассамблеи A/CN.4/615. 61-я сессия Комиссии международного права. 2009.

⁹ См.: Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 1994.

¹⁰ См.: Доклад Комиссии международного права ООН. A/CN.4/643 и CORR1.

Понятие беспристрастности включает такие качества, как непредвзятость, справедливость, отсутствие пристрастия, предубеждения¹¹. При реагировании на бедствия людей отношение к ним со стороны оказывающих помощь должно сопровождаться проявлением полного уважения на основе высокой морали, в особенности в отношении остро нуждающихся.

Следует отметить, в исследуемом документе его разработчики отразили основополагающий принцип международного права – защиту прав человека, уважение человеческого достоинства, которые закреплены в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международных пактах о правах человека 1966 года и в других международно-правовых документах о правах человека. Совершенно справедливо, что пострадавшие в результате бедствий нуждаются в особом отношении к ним, в проявлении к ним уважения, защиты их прав и лишь в отдельных случаях могут быть допущены ограничения¹². В соответствии со ст. 29 Всеобщей декларации прав человека каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Поскольку ситуация бедствия может наступить на территории определенного государства или ряда государств, то пострадавшие государства обязаны оказать помощь и содействия потерпевшим лицам.

Пострадавшее государство играет главную роль в руководстве, контроле, координации и надзоре применительно к оказанию такой чрезвычайной помощи (ст. 9 Проекта). Данное положение вытекает из суверенных прав государства, в обязанности которого входит забота о своих границах, а также обо всех лицах, находящихся в пределах его территории.

Если состояние бедствия превышает возможности государства по оказанию неотложной помощи терпящим бедствие лицам, оно обязано обратиться за помощью к другим государствам, Организации Объединенных На-

ций, другим межправительственным и неправительственным организациям. Сотрудничество государств является основополагающим принципом международного права. Реализация данного принципа приобретает особую актуальность в режиме чрезвычайной ситуации, в случае бедствия.

Потерпевшее государство может устанавливать условия оказания внешней помощи, которые должны учитывать выявленные потребности лиц, пострадавших от бедствий, качество, масштабы и виды необходимой помощи.

В такой ситуации обращение за помощью – дополнительный элемент выполнения пострадавшим государством своих главных обязанностей в соответствии с международными договорами о правах человека и нормами обычного международного права¹³.

Предложение об оказании помощи пострадавшему государству может исходить от других государств и международных организаций. Возникает вопрос о том, требуется ли в ситуации бедствия согласие пострадавшего государства на оказание внешней помощи.

Члены Комиссии международного права при обсуждении этого положения высказались за поддержку принципа, который был сформулирован в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 46/182, в которой было отмечено, что «гуманитарная помощь должна предоставляться с согласия пострадавшего государства»¹⁴.

Однако право пострадавшего государства отказаться от внешней помощи не может быть признано неограниченным, поскольку в соответствии с принципом государственного суверенитета на государстве лежит обязанность сохранять жизнь, здоровье людей, находящихся на его территории при любых ситуациях, в особенности в случаях чрезвычайного положения и бедствия.

Докладчик КМП при обсуждении данного вопроса весьма уместно сослался на резолюцию Института международного права, принятую 13 сентября 1989 года на сессии в Сантьяго-де-Компостела, в которой было предусмотрено следующее:

– государства, на территории которых существуют такие ситуации бедствия (когда жизни или здоровью населения грозит серьезная опасность) не должны произвольно отклонять предложения о гуманитарной помощи.

¹¹ См.: Современный толковый словарь русского языка. М., 2004. С. 41.

¹² См.: Мингазов Л.Х. Ограничение прав и основных свобод человека // Междунар. и внутрисос. защита прав человека / под ред. Р.М. Валеева. М., 2011. С. 420–437.

¹³ См.: Документ ООН A/CN.4/643 и CORR1.

¹⁴ Резолюция ГА ООН 46/182 от 19 декабря 1991 г. Приложение, п. 2.

Тем не менее, в предварительном порядке в ст. 15 Проекта было закреплено положение о том, что пострадавшее государство и помогающее государство, а также другие помогающие субъекты в отношении прекращения внешней помощи и порядка ее прекращения консультируются между собой и при желании прекратить помощь направляют соответствующее уведомление.

Таковы основные положения Проекта статей «Защита людей в случае бедствий» по состоянию к началу 2013 года, подготовлен-

ного в предварительном порядке Комиссией международного права ООН.

Последующие обсуждения данного документа и принятие его резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН окажут существенное влияние на преобразование его в международно-правовой документ в области защиты прав человека в случае бедствия, а в последующем на совершенствование национальных законодательных актов в данной сфере.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ (ИКАО)

ГАПТРАХМАНОВА Альфия Возихровна

Аннотация: общеизвестным фактом является то, что процесс развития гражданской авиации напрямую оказал влияние на воздушное право, что нашло свое отражение, в первую очередь, в содержании международного воздушного права. Определяющее влияние стандартов и рекомендаций ИКАО по обеспечению безопасности полетов гражданской авиации на нормы национального права в данной области отношений сохраняет интерес не только научных, но и политических кругов.

Annotation: well-known fact is that the development of civil aviation is directly influenced by air law, as reflected primarily in the maintenance of international air law. Determining influence ICAO standards and recommendations to ensure the safety of civil aviation in the national law in the field of the continued interest not only scientific, but also political circles.

Ключевые слова: международное воздушное право, безопасность полетов гражданской авиации, Чикагская конвенция, Международная организация гражданской авиации, стандарты ИКАО.

Key words: international air law, the safety of civil aviation, the Chicago Convention, the International Civil Aviation Organization, ICAO standards.

В доктрине международного права проблемы обеспечения авиационной безопасности связывают, как правило, с актами, направленными против судов гражданской авиации, экипажа и пассажиров, находящихся на борту, с террористической угрозой. Безусловно, это ключевой момент в данной области. Вместе с тем вопросы, связанные с совершением террористических актов на борту воздушных судов и в международных аэропортах, достаточно подробно рассмотрены отечественными учеными, тогда как существует еще целый ряд факторов, из которых складывается современная система авиационной безопасности и которым, на наш взгляд, в доктрине уделено недостаточное внимание.

Необходимо отметить, что развитие авиации напрямую отразилось на содержании международного воздушного права. Так, в его нормативном массиве стала формироваться самостоятельная, относительно однородная группа норм, функциональная предназначенность которых предопределила их место в системе международного воздушного права в качестве самостоятельного института, тесно взаимодействующего с другими институтами этой отрасли международного права¹.

Развитие международных отношений в современных условиях невозможно себе представить без гражданской авиации, поскольку последняя оказывает исключительно позитивное влияние на социально-экономическое и политическое развитие государств, способствует интеграции международного сообщества, культурному сближению народов, а также развитию производительных сил в мире.

Однако без установления международно-правовых стандартов в области обеспечения авиационной безопасности и имплементации их во внутригосударственную систему обеспечения безопасности полетов практически немислимы осуществление и организация воздушных сообщений.

Под влиянием этой объективной потребности возникли международные институты и механизмы для содействия коллективным поискам решений вопросов сотрудничества в области международной гражданской авиации на основе оптимального сочетания интересов членов международного авиационного сообщества. К одному из таких институтов относится Международная организация гражданской авиации (далее – ИКАО)².

¹ См.: Бордунов В.Д. Системные свойства международного воздушного права // Советское государство и право. 1988. № 7. С. 102–109.

² См.: Бордунов В.Д. Правовой механизм деятельности международных авиационных организаций. М.: Наука, 1989. С. 3.

Безопасность полетов всегда была решающим соображением во всей деятельности авиации. Главным образом это отражено в целях и задачах ИКАО, сформулированных в ст. 44 Конвенции о международной гражданской авиации, широко известной как Чикагская конвенция, которая возлагает на ИКАО ответственность за обеспечение безопасного и упорядоченного развития международной гражданской авиации во всем мире³.

Международная организация гражданской авиации выполняет функции главного координатора усилий государств по созданию безопасных и эффективных условий деятельности гражданской авиации на международной арене. Прежде всего это обусловлено тем, что обеспечение безопасности, надежности и регулярности полетов на любом современном самолете невозможно без его постоянной связи с землей, без обслуживания его на протяжении всего маршрута полета наземными службами управления воздушным движением, центрами полетной информации, службами метеообеспечения, а также без наличия современных аэродромов в транзитных пунктах, оснащенных аэронавигационными средствами посадки. На сегодняшний день международные воздушные трассы пересекают все страны и континенты, поэтому безопасность полетов может быть решена только тогда, когда во всех странах, через которые они проложены, наземные службы и сооружения, предназначенные для обеспечения обслуживания полетов, будут работать в одинаковом технологическом режиме. Решением этой задачи занимается, и довольно успешно, ИКАО.

Организацией выработан огромный свод унифицированных правил международной аэронавигации, которые широко используются государствами – членами ИКАО в своей национальной практике. Благодаря этому самолеты авиакомпаний всех стран могут уверенно летать без каких-либо технических затруднений и осложнений. Усилия ИКАО по унификации правил международной аэронавигации устранили опасность появления многочисленных и разнообразных национальных правил международных полетов, что неизбежно сильно усложнило бы практическое осуществление международных воздушных сообщений⁴.

В юридическом смысле представляет интерес природа правового режима и роль регламентов ИКАО в обеспечении принципа безопасности международной гражданской авиации.

Конвенция ИКАО 1944 года устанавливает определенную сбалансированность между обязанностью государств поддерживать максимально возможное единообразие своих национальных правил с регламентами ИКАО и с их правом в ряде случаев не придерживаться таких правил. Этот баланс построен на том, что как члены ИКАО все государства обязались «сотрудничать в обеспечении максимально достижимой степени единообразия правил».

Возможно, применение регламентов ИКАО государствами – членами связано со многими проблемами, например из-за того, что гражданская авиация достаточно уверенно и быстро набирает темпы своего развития, и в данном случае именно по этой причине приходится достаточно часто вносить поправки в регламенты ИКАО. Для ряда государств необходимость в имплементации регламентов ИКАО вообще не возникает, поскольку нормы их национального законодательства уже содержат в себе те минимальные требования безопасности, которые являются признанными и входят в систему международных стандартов ИКАО. Именно по этой причине для некоторых государств процесс принятия Советом ИКАО того или иного регламента имеет лишь относительное значение, так как эти страны уже применяют идентичное принимаемому регламенту национальное правило, и надо сказать, что нередко национальные правила содержат более строгие предписания, чем стандарты ИКАО⁵.

В практике выполнения полетов в разных государствах устранение существующих различий осуществляется путем разработки и внедрения стандартов и рекомендаций ИКАО. Чикагская конвенция не содержит определения стандартов и рекомендаций, однако этот пробел был восполнен Ассамблеей ИКАО еще на первой сессии в 1947 году, в одной из ее резолюций. Согласно положениям резолюции стандарты ИКАО означают требования к физическим характеристикам, конфигурации, материалу, летным качествам, персоналу или процедурам, единообразное применение которых признано необходимым условием обеспе-

³ См.: Безопасность полетов : учеб. пособие / С.И. Снисаренко [и др.]. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. С. 6.

⁴ См.: Котов А.И., Бордунов В.Д., Малеев Ю.Н. Правовое регулирование международных полетов гражданских воздушных судов. М., 1988. С. 77–98.

⁵ См.: Васильев Н.И. Международные авиационные регламенты: юридическая природа и практическое применение : автореф. канд. юрид. наук. М., 1981.

чения безопасности и регулярности международных полетов. Государства – члены ИКАО должны соблюдать их в соответствии с Чикагской конвенцией 1944 года⁶.

Рекомендации ИКАО содержат те же требования, но при этом в конвенции оговаривается, что государства – члены ИКАО должны стараться их соблюдать. Таким образом, стандарты ИКАО отличаются от рекомендаций только силой своего обязательного воздействия на государства.

Стандарты и рекомендации ИКАО можно разделить на группы.

Первая группа стандартов и рекомендаций направлена на повышение безопасности международных полетов путем установления минимальных уровней требований, которым должен удовлетворять персонал, а также эксплуатируемая им авиационная техника и оборудование.

Вторая группа стандартов и рекомендаций направлена на обеспечение безопасности выполнения самих полетов путем введения единообразия с целью предотвращения возможности возникновения аварийных ситуаций в результате каких-либо ошибок в процедурах обслуживания воздушного движения или ошибок, связанных с эксплуатацией авиационной техники и оборудования. Эта же группа стандартов устанавливает также единообразие в параметрах аппаратуры и оборудования, используемых для осуществления самолетовождения на международных авиалиниях в любой части земного шара, а также единство процедур при управлении воздушным движением во всех странах мира.

Проведение в жизнь стандартов и рекомендаций ИКАО является добровольным делом каждого суверенного государства, однако Чикагская конвенция обязывает каждое государство немедленно уведомлять ИКАО о различиях между его собственной практикой и практикой, установленной международным стандартом, если такие различия имеются. Эти различия незамедлительно сообщаются Советом ИКАО всем государствам – членам ИКАО.

Международные стандарты и рекомендации, а также поправки к ним принимаются Советом ИКАО, затем представляются каждому государству – члену ИКАО для одобрения. Действия стандартов или рекомендаций при-

обретают законную силу по отношению к государству – члену ИКАО только тогда, когда это государство само выразит желание принять эти нормы в качестве своих национальных⁷.

Сейчас время для авиационной техники бежит очень быстро, и в последние десятилетия достаточно остро стоит проблема обеспечения авиационной безопасности. Государства в той или иной степени испытывают давление со стороны общественного мнения при очередном чрезвычайном происшествии, связанном с авиационной катастрофой. Поэтому проблема обеспечения безопасности полетов воздушных судов гражданской авиации и возможность ее правового регулирования стоит во главе угла авиационной политики, проводимой правительствами многих стран.

Рост числа происшествий с воздушными судами гражданской авиации вызвал серьезную озабоченность всего международного сообщества, и эта проблема не раз специально обсуждалась в целом ряде международных организаций. Так, Генеральная Ассамблея ООН в резолюции от 25 ноября 1970 года обозначает международную гражданскую авиацию, как «жизненно важное звено в деле развития и поддержания дружественных отношений между государствами». В резолюции содержится призыв ко всем государствам осуществлять согласованные действия как на двусторонней основе, так и через соответствующие международные организации, для того чтобы обеспечить безопасность и нормальное осуществление международных воздушных сообщений судов гражданской авиации.

Усилия международного сообщества, направленные на урегулирование вопросов, связанных с безопасностью и нормальным осуществлением международных воздушных сообщений гражданской авиации, за последнее время приобрели более значительное внимание со стороны множества государств. Все четче проявляется тенденция межгосударственной интеграции в этой области отношений. В этой связи за последнее время было принято множество нормативных актов, относящихся к проблемам безопасности в гражданской авиации, цель которых сводится к установлению более качественного контроля над процессом организации воздушного движения в целом.

⁶ Резолюция Ассамблеи ИКАО А1-31 (современная версия в Резолюции А33-14, (приложение А)).

⁷ См.: Афанасьев В.Г. Международные отношения в области гражданской авиации. М.: Междунар. отношения, 1983. С. 78–79.

Роль и перспектива развития отношений международного сообщества в области правового обеспечения безопасности полетов гражданской авиации по средствам международно-правовых стандартов ИКАО

являются сегодня одним из важнейших направлений на пути построения единой политики в создании общих концептуально новых подходов к решению проблемы авиационной безопасности.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ РЕФЕРЕНДУМОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

ДЕМИЧЕВ Дмитрий Михайлович

Аннотация: в статье исследуются отдельные аспекты подготовки, проведения, порядка голосования, подведения итогов республиканских и местных референдумов. Раскрывается практика их проведения в советское и постсоветское время в Республике Беларусь. Проводится сравнительный анализ законодательства о референдумах в различных странах. Вносятся конкретные предложения по совершенствованию некоторых норм Избирательного кодекса Республики Беларусь, регулирующих порядок назначения и проведения референдумов.

Annotation: the article considers particular aspects of planning, holding, voting procedure, summing-up of republican and local referenda. It also reveals special features of their organization and holding in soviet and post-soviet years in the Republic of Belarus. The article makes a comparative analysis of legislation on referenda in different countries. The author provides certain ideas on improving some standards in the Electoral Code of the Republic of Belarus that regulate the procedure of referenda.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь, прямая (непосредственная) демократия, референдум, виды референдумов, формула референдума, избирательное законодательство, Избирательный кодекс, инициативная группа.

Key words: Constitution of the Republic of Belarus, direct democracy, referendum, kinds of referenda, issues of referendum, electoral legislation, Electoral Code, action group.

В мировой конституционно-правовой практике референдум наряду с выборами рассматривается как важнейшее средство прямой, непосредственной демократии и, естественно, он имеет существенные преимущества перед представительной демократией, поскольку народ на референдуме выражает свою волю непосредственно, а не через представителей.

Правовое регулирование вопросов, связанных с проведением референдумов, в различных государствах осуществляется по-разному. В соответствии с Основным Законом ФРГ предусматривается возможность проведения референдума, народного опроса и народной инициативы¹. В Соединенных Штатах Америки нет федерального законодательства о референдуме, так как здесь считается проведение референдумов нецелесообразным, во-первых, вследствие подмены референдумом представительных органов; во-вторых, из-за возможного некомпетентного решения вопросов на референдуме и подмены профессионализма популизмом; в-третьих, из-за дороговизны. По конституционному законодательству Италии и Франции референдумы проводят-

ся при необходимости внесения изменений в Конституцию. Так, ст. 138 Конституции Италии предусматривает, что законы, изменяющие Конституцию и другие конституционные законы, выносятся на народный референдум, если в течение 3-х месяцев после их опубликования этого потребует 1/5 часть одной из палат Парламента, или 50 тыс. избирателей, или 5 областных советов. При этом закон, вынесенный на референдум, не считается принятым, если он не одобрен большинством признанных действительными голосов².

Референдум – это голосование граждан того или иного государства, какой либо территории, имеющих избирательные права, для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни.

Референдум в переводе с латинского (referendum) означает «то, что должно быть сообщено». Голосование на референдумах проводится тайно, посредством бюллетеня, в котором сформулирован(ы) вопрос(ы) референдума и варианты голосования – «за» и «против» либо «да» и «нет». Гражданин, участвующий в голосовании, оставляет в бюл-

¹ Основной Закон ФРГ от 29 мая 1949 г. (с изм. и доп. от 24 июня 1968 г.) // Конституции зарубежных стран. Минск : Право и экономика, 2007. С. 55–56.

² Конституции зарубежных государств : учеб. пособие. М. : БЕК, 1996. С. 274–275.

летене тот вариант, который он поддерживает, вычеркивая другой. Но есть и иные варианты, когда голосующему предлагается выбор из нескольких возможных решений. В таких случаях он может выбрать одно из решений или дать положительный ответ на несколько вариантов. Такая практика чаще встречается, в частности, в Швейцарии.

Вопрос, выносимый на референдум, либо совокупность предлагаемых вариантов обычно называют *формулой* референдума.

В зависимости от того, на какой территории проводится референдум, он может быть общегосударственным или территориальным (местным).

В конституционно-правовой практике Республики Беларусь различается несколько видов референдумов: а) императивный и консультативный; б) конституционный и законодательный; в) обязательный и факультативный; г) общегосударственный и местный.

Императивным считается референдум, результат которого является окончательным и обязательным. Решение референдума приобретает силу закона с момента голосования и может быть изменено или отменено только новым волеизъявлением народа.

При *консультативном* референдуме выявляется общественное мнение, которое учитывается органами государственной власти в принятии какого-либо законодательного акта или иного решения. Консультативный референдум именуют также *опросом* народа или населения.

Разделение референдума на *конституционный* и *законодательный* основано на правовом характере принимаемых актов: конституции или закона.

Обязательным референдум считается тогда, когда орган, его назначающий, обязан при наличии определенных конституцией условий назначить его проведение. При *факультативном* референдуме компетентный государственный орган по своему усмотрению решает вопрос о назначении референдума.

Идеи референдума были заложены еще в Конституции СССР 1936 года. Так, ст. 49 Основного Закона СССР предусматривала, что Президиум Верховного Совета СССР производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик³.

В утвержденной постановлением Чрезвычайного XII Съезда Советов Белорусской ССР Конституции БССР от 19 февраля 1937 года (ст. 31) было закреплено, что Президиум Верховного Совета БССР имел право проводить всенародные опросы (референдумы)⁴. Принятая в 1978 году Конституция Белорусской ССР также содержала положения о референдуме. Так, ст. 97 устанавливала, что «Законы Белорусской ССР принимаются Верховным Советом Белорусской ССР или народным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета Белорусской ССР». Кроме того, ст. 102 Конституции предусматривала вынесение важных вопросов государственной жизни на народное обсуждение⁵.

Согласно установлениям Конституции СССР 1977 года по решению четвертого Съезда народных депутатов СССР и в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 16 января 1991 года на всенародное голосование (референдум) был вынесен вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности». В референдуме, состоявшемся 17 марта 1991 года, в целом по СССР приняло участие около 80 % из внесенных в списки голосования, из них 76,4 % высказались за сохранение Союза. В Белорусской ССР за это предложение высказалось около 82 % граждан, принявших участие в референдуме.

Новейшая история суверенной Беларуси также дает примеры проведения референдумов 14 мая 1995 года, 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года.

Так, республиканский референдум, состоявшийся 14 мая 1995 года, проводился в соответствии с постановлением Верховного Совета от 13 апреля 1995 года «О проведении республиканского референдума по вопросам, предложенным Президентом Республики Беларусь, и мерах по его обеспечению»⁶.

На *обязательный* референдум были вынесены следующие вопросы:

⁴ Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск : БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1937. 32 с.

⁵ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. М. : Юрид. лит., 1978. С. 140.

⁶ Народная газета. 1995. 15 апр.

³ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987. С. 293.

1. Согласны ли вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?

2. Поддерживаете ли вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?

3. Поддерживаете ли вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?

Для принятия *консультативного* решения Глава государства вынес на референдум следующий вопрос: «Согласны ли вы с необходимостью внесения изменений в действующую Конституцию Республики Беларусь, которые предусматривают возможность досрочного прекращения полномочий Верховного Совета Президентом Республики Беларусь в случаях систематического или грубого нарушения Конституции?».

Согласно данным Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (далее – Центризбиркома) в голосовании приняли участие 64,8 % избирателей от списочного состава. За одобрение вопроса «Согласны ли вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?» проголосовали 83,3 % избирателей, принявших участие в голосовании (4 017 273 человека). За одобрение вопроса «Поддерживаете ли вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?» проголосовали 3 622 851 человек (75,1 %). За одобрение вопроса «Поддерживаете ли вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?» проголосовали 4 020 001 человек (83,3 %). За одобрение вопроса «Согласны ли вы с необходимостью внесения изменений в действующую Конституцию Республики Беларусь, которые предусматривают возможность досрочного прекращения полномочий Верховного Совета Президентом Республики Беларусь в случаях систематического или грубого нарушения Конституции?» проголосовали 3 749 266 человек (77,7 %).

Таким образом, Глава государства получил поддержку по всем вопросам, вынесенным на указанный референдум.

Состоявшийся 24 ноября 1996 года республиканский референдум по важнейшим проблемам государственной и общественной жизни проходил в сложной и напряженной политической обстановке. В состоянии политиче-

ского противостояния оказались отдельные ветви государственной власти, политические партии и общественные объединения. Со стороны противников референдума была предпринята попытка втянуть в этот конфликт и граждан нашей страны. На референдум были вынесены следующие вопросы:

1. *Вопросы, инициированные Президентом Республики Беларусь:*

– Перенести День независимости Республики Беларусь (День Республики) на 3 июля – День освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне.

– Принять Конституцию Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями (новая редакция Конституции Республики Беларусь), предложенными Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

– Выступаете ли Вы за свободную, без ограничений, покупку и продажу земли?

– Поддерживаете ли Вы отмену смертной казни в Республике Беларусь?

2. *Вопросы, инициированные депутатами Верховного Совета Республики Беларусь:*

– Принять Конституцию Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, предложенными депутатами фракций коммунистов и аграриев.

– Выступаете ли Вы за то, чтобы руководители местных органов исполнительной власти избирались непосредственно жителями соответствующей административно-территориальной единицы?

– Согласны ли Вы, что финансирование всех ветвей власти должно осуществляться гласно и только из государственного бюджета?

По сообщению Центральной комиссии «Об итогах голосования на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года» в списки граждан, которые имели право участвовать в республиканском референдуме, были включены 7 346 397 человек. В голосовании приняли участие 6 181 463 человека, или 84,14 %.

Результаты голосования по каждому вопросу, который вынесен на республиканский референдум Президентом Республики Беларусь, оказались следующими:

1) за одобрение вопроса «Перенести День независимости Республики Беларусь (День Республики) на 3 июля – день освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне» проголосовали 5 450 830 человек, или 88,18 %, против проголосовали 646 708 человек, или 10,46 %. 83 925 бюлле-

теней в части этого вопроса признаны недействительными;

2) за принятие Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями (новая редакция Конституции Республики Беларусь), предложенными Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко проголосовали 5 175 664 человека, или 70,45 %, против проголосовали 689 642 человека, или 9,39 %, 316 157 бюллетеней в части этого вопроса признаны недействительными;

3) за одобрение вопроса « Выступаете ли Вы за свободную, без ограничений, покупку и продажу земли?» проголосовали 948 756 человек, или 15,35 %, против проголосовали 5 123 386 человек, или 82,88 %, 109 321 бюллетень в части этого вопроса признан недействительным;

4) за одобрение вопроса «Поддерживаете ли Вы отмену смертной казни в Республике Беларусь?» проголосовали 1 108 226 человек, или 17,93 %, против проголосовали 4 972 535 человек, или 80,44 %, 100 702 бюллетеня в части этого вопроса признаны недействительными.

Результаты голосования по каждому вопросу, который вынесен на республиканский референдум депутатами Верховного Совета Республики Беларусь, были следующими:

1) за принятие Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, предложенными депутатами фракций коммунистов и аграриев проголосовали 582 437 человек, или 7,93 %, против проголосовали 5 230 763 человека, или 71,2 %, 368 263 бюллетеня в части этого вопроса признаны недействительными;

2) за одобрение вопроса « Выступаете ли Вы за то, чтобы руководители местных органов исполнительной власти избирались непосредственно жителями соответствующей административно-территориальной единицы?» проголосовали 1 739 178 человек, или 28,14 %, против проголосовали 4 421 866 человек, или 69,92 %, 120 419 бюллетеней в части этого вопроса признаны недействительными;

3) за одобрение вопроса « Согласны ли Вы, что финансирование всех ветвей власти должно осуществляться гласно и только из государственного бюджета?» проголосовали 1 989 252 человека, или 32,18 %, против проголосовали 4 070 261 человек, или 65,85 %, 121 950 бюллетеней в части этого вопроса признаны недействительными.

Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1996 года «О республиканском референдуме 24 ноября 1996 года в Республике Беларусь» было определено, что в Республике Беларусь состоялся обязательный республиканский референдум по проекту изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь (новая редакция Конституции Республики Беларусь 1994 года). Президенту Республики Беларусь было предложено совместно с Верховным Советом Республики Беларусь принять необходимые меры по реализации решений, принятых на указанном референдуме. Государственным, общественным и иным органам и организациям, должностным лицам и гражданам Республики Беларусь также предложено руководствоваться в своей деятельности решениями, принятыми на республиканском референдуме⁷.

В настоящее время в Республике Беларусь правовую основу референдума составляют Конституция Республики Беларусь⁸, Избирательный кодекс от 11 февраля 2000 года (с изм. и доп.)⁹ и иные акты законодательства Республики Беларусь, а также постановления Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. Ранее вопросы, связанные с проведением референдумов в Республике Беларусь, регулировал Закон от 13 июня 1991 года «О народном голосовании (референдуме) в Республике Беларусь»¹⁰, который утратил силу в связи с принятием 11 февраля 2000 года Избирательного кодекса Республики Беларусь.

Закрепив положение о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти является народ, Конституция Республики Беларусь установила, что для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни могут проводиться республиканские и местные референдумы. В Конституции Республики Беларусь референдуму посвящена отдельная Глава 2 (Раздел III «Избирательная система. Референдум»). Согласно ст. 112 Избирательного кодекса Республики Беларусь на *республиканский* референдум могут выноситься важнейшие вопросы государственной и общественной жизни Республики

⁷ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1996. № 35. Ст. 632.

⁸ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 1. 1/0 ; 2004. № 188. 1/6032.

⁹ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 25. 2/145 ; 2011. № 127. 2/1861.

¹⁰ Ведомости Верховного Совета БССР. 1991. № 25. Ст. 364.

Беларусь. На *местный* референдум могут выноситься вопросы, имеющие важнейшее значение для населения соответствующих административно-территориальных единиц и отнесенные к компетенции соответствующих местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов.

При этом Избирательным кодексом предусмотрено, что на республиканский референдум не могут выноситься вопросы, которые могут вызвать нарушение территориальной целостности Республики Беларусь; связанные с избранием и освобождением Президента Республики Беларусь, назначением (избранием, освобождением) должностных лиц, назначение (избрание, освобождение) которых относится к компетенции Президента Республики Беларусь и палат Национального собрания Республики Беларусь; о принятии и изменении бюджета, установлении, изменении и отмене налогов; об амнистии, о помиловании.

Такая же практика существует во многих странах. Так, согласно законодательству ФРГ не допускается проведение референдума в отношении законов о налогах и бюджете, об амнистии и помиловании, о полномочиях на ратификацию международных договоров. Согласно Федеральному конституционному закону Российской Федерации от 28 июня 2004 года «О референдуме Российской Федерации» на референдум не могут выноситься вопросы изменения статуса субъектов РФ, закрепленного Конституцией; о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также о проведении досрочных выборов Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; об избрании, о назначении на должность, досрочном прекращении, приостановлении или продлении полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации; о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения и др.¹¹ Статья 75 Конституции Италии предусматривает возможность проведения референдума для отмены, полностью или частично, любого закона или акта Республики, имеющего силу закона, за исключением законов о налогах и бюджете,

об амнистии и помиловании, о полномочиях на ратификацию международных договоров¹².

В Республике Беларусь на местный референдум не выносятся вопросы, перечисленные в ст. 112 Избирательного кодекса Республики Беларусь (то есть вопросы, которые не могут выноситься на республиканский референдум), а также вопросы, связанные с назначением на должность, утверждением в должности или освобождением от должности, относящиеся к компетенции местного исполнительного и распорядительного органа либо его руководителя.

По сложившейся конституционно-правовой практике инициатива референдума может исходить от парламента, главы государства (Франция), группы депутатов парламента (Венгрия – 50 депутатов), группы избирателей Италия – 50 тыс.), группы органов местного самоуправления (Италия – 5 областных советов). В Российской Федерации согласно действующему Федеральному конституционному закону «О референдуме Российской Федерации» инициатива проведения общегосударственного референдума принадлежит не менее чем 2 млн граждан, имеющих право на участие в референдуме, при условии, что на территории одного субъекта Федерации или в совокупности за пределами Российской Федерации находится место жительства не более 50 тыс. из них¹³.

В Республике Беларусь право инициативы на проведение республиканского референдума принадлежит Президенту Республики Беларусь, Палате представителей, Совету Республики и гражданам Республики Беларусь. Инициатива Палаты представителей и Совета Республики на проведение республиканского референдума выражается в виде предложения, которое принимается на их отдельных заседаниях большинством голосов от полного состава каждой из палат, и вносится Президенту Республики Беларусь. Инициатива граждан на проведение республиканского референдума выражается в виде предложения, внесенного не менее 450 тыс. граждан, обладающих избирательным правом, в том числе не менее 30 тыс. граждан от каждой из областей и г. Минска.

В случае, если с инициативой о проведении республиканского референдума выступа-

¹² Конституции зарубежных государств. С. 258.

¹³ См.: Статья 14 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; 2008. № 17. Ст. 1754.

¹¹ СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; 2008. № 17. Ст. 1754.

ют граждане, ими образуется группа по проведению референдума (инициативная группа) из числа лиц, имеющих право участвовать в референдуме, в количестве не менее 100 человек, примерно в равной степени представляющих граждан от каждой области и г. Минска.

Инициативная группа обращается в Центральную комиссию по выборам и проведению республиканских референдумов с заявлением о регистрации инициативной группы и вопроса (проекта решения), предлагаемого ею на референдум. К заявлению прилагаются протокол собрания инициативной группы, на котором было принято решение об образовании группы, выдвижении инициативы о проведении референдума, вопросе (проекте решения), предлагаемом на референдум, избрании председателя группы и координаторов по областям и г. Минску, список участников собрания, подписанный председателем и секретарем собрания, а также список членов инициативной группы, давших согласие на участие в работе инициативной группы, что должно быть подтверждено их собственноручными подписями, подлинность которых подлежит нотариальному засвидетельствованию.

Выносимый на республиканский референдум вопрос (проект решения) должен быть сформулирован инициативной группой четко и ясно с тем, чтобы на него был возможен однозначный ответ. Формулировка вопроса (проекта решения), предлагаемого на референдум, может быть уточнена с согласия инициативной группы, о чем необходимо представить протокол собрания группы.

Документы, представленные инициативной группой о проведении республиканского референдума, и вопрос (проект решения), предлагаемый на референдум, направляются Центральной комиссией на заключение в Министерство юстиции и Прокуратуру Республики Беларусь, которые проверяют соответствие вопроса (проекта решения) требованиям законодательства Республики Беларусь и соблюдение порядка образования инициативной группы.

Вопрос (проект решения), предлагаемый на республиканский референдум с учетом заключения Министерства юстиции и Прокуратуры Республики Беларусь, и состав инициативной группы регистрируются Центральной комиссией.

В регистрации отказывается в случае нарушения требований законодательства Республики Беларусь. Отказ в регистрации инициа-

тивной группы может быть обжалован в месячный срок в Верховный Суд Республики Беларусь. При этом жалоба должна быть подписана большинством состава инициативной группы.

После регистрации инициативной группы Центральная комиссия выдает ей свидетельство о регистрации и образец листа (подписного листа) для сбора подписей граждан под предложением о проведении республиканского референдума, а членам инициативной группы – соответствующие удостоверения.

Материальное обеспечение агитации по инициированию республиканского референдума гражданами и сбору подписей граждан осуществляется *за счет средств инициативной группы*, которая открывает для этого счет в банке. В этих целях инициативная группа может использовать добровольные пожертвования организаций (за исключением государственных), политических партий, других общественных объединений, трудовых коллективов, граждан Республики Беларусь. Контроль за поступлением и расходованием этих средств осуществляется Центральной комиссией.

Кроме того, законодательством предусмотрено, что на подготовку и проведение референдума использование средств иностранных государств, предприятий, организаций, иностранных граждан и международных организаций, предприятий Республики Беларусь с иностранными инвестициями *не допускается*.

Следует особо подчеркнуть, что сбор подписей граждан под предложением о проведении референдума осуществляется только членами инициативной группы *в 2-месячный срок* со дня регистрации инициативной группы. В подписной лист могут быть включены исключительно подписи граждан, проживающих в одном населенном пункте, а в городах с районным делением – в одном районе города.

Принуждение граждан Республики Беларусь с целью получения подписи в подписном листе, а также использование противоправных форм сбора подписей запрещается. В случае обнаружения нескольких подписей одного и того же гражданина достоверной считается только одна подпись, а остальные подписи считаются недостоверными. Ответственность за достоверность содержащихся в подписных листах данных несет член инициативной группы, осуществлявший сбор подписей.

О результатах сбора подписей граждан в подписных листах в поддержку инициативы о проведении республиканского референдума

принимается решение соответствующего районного, городского исполнительного комитета, районной администрации в городе, которое направляется соответственно в областной, Минский городской исполнительный комитет.

Подписные листы должны находиться на хранении в соответствующих районных, городских исполнительных комитетах, районных администрациях в городах.

Проверить достоверность подписей граждан в подписных листах при необходимости в *5-дневный срок* могут также областные, Минский городской исполнительные комитеты. После принятия решений данными комитетами инициативная группа составляет заключительный акт о сборе подписей и представляет его в Центральную комиссию.

В свою очередь Центральная комиссия проверяет соответствие заключительного акта инициативной группы и поступивших решений областных, Минского городского исполнительных комитетов требованиям Избирательного кодекса и иных актов законодательства Республики Беларусь и составляет заключение о соблюдении данной группой требований Избирательного кодекса.

Заключительный акт инициативной группы вместе со своим заключением и протоколом, если отсутствуют основания для отклонения предложения о проведении референдума, Центральная комиссия передает Президенту Республики Беларусь.

Решение Центральной комиссии об отклонении предложения по проведению референдума может быть обжаловано в месячный срок в Верховный Суд Республики Беларусь, при этом жалоба должна быть подписана большинством состава инициативной группы.

Повторное инициирование гражданами проведения референдума по одному и тому же вопросу допускается не ранее чем *через один год* после отклонения предложения о проведении референдума и не ранее чем *через три года* после проведения референдума по этому вопросу¹⁴. Аналогичная норма заложена и в законода-

тельстве других государств. В частности, Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» устанавливает, что проведение повторного референдума, то есть референдума по вопросам, имеющим по смыслу или содержанию ту же формулировку, что и вопросы, голосование по которым проведено на состоявшемся референдуме, не допускается в течение *двух лет* со дня официального опубликования (обнародования) его результатов¹⁵.

В соответствии со ст. 117 Избирательного кодекса Республики Беларусь Президент Республики Беларусь назначает республиканский референдум по собственной инициативе или в *2-месячный* срок после внесения на его рассмотрение в соответствии с Избирательным кодексом предложений палат Национального собрания Республики Беларусь либо граждан.

В указе Президента Республики Беларусь о назначении референдума, как правило, предусматриваются:

- дата проведения референдума;
- юридическая сила решения, принятого референдумом;
- формулировка вынесенного на референдум вопроса (вопросов);
- иные организационные мероприятия по обеспечению проведения референдума¹⁶.

Если на референдум выносятся законопроект, то он прилагается к указу Президента Республики Беларусь о назначении референдума. Дата проведения референдума устанавливается не позднее *трех месяцев* со дня издания указа Президента Республики Беларусь о назначении референдума.

Президент Республики Беларусь вправе отклонить предложение о проведении референдума, если оно не соответствует требованиям Избирательного кодекса и иных актов законодательства Республики Беларусь. Решение Президента Республики Беларусь об отклонении референдума оформляется указом.

Окончание см.: Юридическая наука. 2013. № 4.

¹⁴ См.: Статья 116 Избирательного кодекса Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. (с изм. и доп.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 25. 2/145; 2011. № 127. 2/1861.

¹⁵ См.: Статья 7 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; 2008. № 17. Ст. 1754.

¹⁶ См.: Статья 117 Избирательного кодекса Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. (с изм. и доп.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 25. 2/145; 2011. № 127. 2/1861.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ УСТАНОВЛЕНИЯ В СТРАНАХ СНГ

МАРТЫНЕНКО Игорь Эдуардович

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы установления уголовной ответственности за преступления против историко-культурного наследия. Автор впервые в юридической науке произвел анализ уголовного законодательства 11 государств – участников СНГ. Такой подход позволит выявить недостатки в правовом регулировании вопросов уголовной ответственности, который может быть заимствован законодателем.

Annotation: the problems of establishing criminal responsibility for crimes against the historical and cultural heritage. The author first in jurisprudence has made an analysis of criminal law 11 of the CIS. This approach will identify gaps in the regulation of the right to deal with criminal liability that may be borrowed by the legislator.

Ключевые слова: культура, наследие, уголовная ответственность, СНГ.

Key words: culture, heritage, criminal liability and CIS.

Составной частью законодательства об охране историко-культурного наследия является уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за преступления, посягающие на культурное достояние народа. В своем развитии оно прошло несколько этапов, совпадающих в основном со временем принятия новых кодексов¹.

Современный этап развития уголовного законодательства связан с принятием Модельного уголовного кодекса стран СНГ и введением в действие в странах Содружества новых Уголовных кодексов.

Рассмотрим, как вопросы уголовной ответственности регламентированы в государствах – участниках СНГ.

Азербайджанская Республика

Уголовная ответственность установлена в следующих статьях Уголовного кодекса Азербайджанской Республики.

1. *За нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов по признаку нападения без военной необходимости на объекты, не являющиеся военной целью, ясно видимые и различаемые, в том числе особо охраняемые историче-*

ские объекты, объекты искусства (ст. 116 УК Азербайджанской Республики).

Непосредственный объект – совокупность общественных отношений, обеспечивающих соблюдение норм международного гуманитарного права. По конструкции объективной стороны состав данного преступления формально-материальный. Субъективная сторона – умышленная форма вины. Обязательный признак – состояние вооруженного конфликта.

2. *За нарушение требований по использованию выражений фольклора*, если в результате этих деяний причинен ущерб в значительном размере (ст. 165-2 УК Азербайджанской Республики). Под понятием «значительный ущерб» понимается сумма, составляющая более тысячи манатов.

Квалифицированный состав преступления: совершение того же деяния повторно, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Непосредственный объект – совокупность общественных отношений, возникающих при использовании выражений фольклора. Объективная сторона: действия, выражающиеся в нарушении порядка использования выражений фольклора, определенного Законом «О правовой охране выражений азербайджанского фольклора» от 16 мая 2003 года, действующего с изменениями от 17 мая 2011 года.

Объективная сторона данного преступления характеризуется также обязательным наличием ущерба в крупном размере, причинно-

¹ См.: Щерба С.П., Приданов С.А. Уголовно-правовая охрана предметов и документов, имеющих историческую, научную, художественную или культурную ценность : прак. пособие / под общ. ред. С.П. Щербы. М., 2000. С. 9–12.

следственной связью между деянием и наступившим последствием.

Субъективная сторона – умышленная форма вины в виде прямого или косвенного умысла. Субъект преступления – общий.

3. *За хищение предметов, имеющих особую ценность*: хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, независимо от способа хищения (ст. 183.1 УК Азербайджанской Республики).

Квалифицированный состав преступления: совершение того же деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; совершенное неоднократно; повлекшее уничтожение, порчу или разрушение предметов или документов, указанных в ст. 183.1 УК Азербайджанской Республики.

Непосредственный объект – отношения в сфере собственности. Предмет преступления – предметы, документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в противоправном, корыстном, безвозмездном изъятии и обращении в свою пользу или пользу других лиц предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Состав преступления по конструкции материальный. Преступление считается оконченным с момента фактического изъятия и обращения в свою пользу или пользу других лиц предметов, имеющих особую ценность.

Субъективная сторона – умышленная форма вины в виде прямого умысла. Обязательный признак субъективной стороны – корыстная цель. Субъект преступления – общий.

4. *За контрабанду культурных ценностей, а именно перемещение через таможенную границу Азербайджанской Республики предметов, представляющих культурную, историческую или археологическую ценность, в отношении которых установлены соответствующие правила перемещения через таможенную границу Азербайджанской Республики* (ст. 206.2 УК Азербайджанской Республики).

Квалифицированный состав преступления: совершение того же деяния неоднократно; группой лиц по предварительному сговору; должностным лицом с использованием своего служебного положения; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль; организованной группой.

Объект преступления – общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности.

Объективная сторона – незаконное перемещение через таможенную границу Азербайджанской Республики предметов, представляющих культурную, историческую или археологическую ценность одним из перечисленных в диспозиции ст. 206.2 УК Азербайджанской Республики *способов*: помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманым использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряжено с недекларированием или недостоверным декларированием.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла². Субъект преступления – общий.

5. *За невозвращение на территорию Азербайджанской Республики предметов художественного, исторического и археологического достояния Азербайджанской Республики и зарубежных стран, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным* в соответствии с законодательством Азербайджанской Республики (ст. 207 УК Азербайджанской Республики).

Объект преступления – общественные отношения в сфере охраны и использования памятников истории и культуры. Объективная сторона состоит в деянии в форме бездействия.

Субъект преступления – лицо, на которое соответствующими правовыми актами возлагается обязанность временного вывоза за пределы Азербайджанской Республики культурных ценностей и их возврата в страну.

6. *За умышленное уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, взятых под охрану государства* (ст. 246 УК Азербайджанской Республики).

Данное преступление посягает на отношения по охране культурного и исторического наследия Азербайджанской Республики. Предметом преступления, предусмотренного ст. 246 УК Азербайджанской Республики, являются памятники истории и культуры, взятые под охрану государства.

С объективной стороны данное преступление состоит в уничтожении или повреждении перечисленных в ст. 246 УК Азербайджанской Республики объектов.

² Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть (в схемах и определениях) : учеб. пособие / под ред. М.Н. Иманлы. Баку : Юрид. лит., 2012. С. 220.

Для квалификации содеянного по ст. 246 УК способ уничтожения или повреждения указанных памятников значения не имеет. Оно может быть произведено химическим, механическим и иным способом.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление совершается с прямым умыслом: виновный осознает, что уничтожает или повреждает взятый под охрану государства памятник истории и культуры, предвидит возможность наступления его гибели либо серьезного повреждения и желает этого. Неосторожное совершение таких действий исключает ответственность по данной статье Уголовного кодекса.

Субъектом является любое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Республика Армения

Действующее уголовное законодательство Республики Армения предусматривает следующие составы преступлений, посягающих на памятники истории и культуры и культурные ценности:

- хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 180 УК Республики Армения);
- контрабанда культурных ценностей (ст. 215 УК Республики Армения);
- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 264 УК Республики Армения);
- серьезные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 390 УК Республики Армения);
- незаконное использование отличительных знаков, охраняемых международными договорами (ст. 397 УК Республики Армения).

1. Преступление, предусмотренное ст. 180 УК (*хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, художественную или культурную ценность*), представляет собой специальный состав хищения, совершаемый в различных формах – кражи, разбоя, грабежа, мошенничества либо присвоения по отношению к предмету, подлежащему особой охране уголовно-правовыми средствами.

Исходя из конструкции данной уголовно-правовой нормы, можно сделать вывод, что в качестве видового объекта исследуемого преступления выступают отношения собственности. В результате совершения хищения культурных ценностей вред причиняется как отношениям собственности, так и отношениям

нравственности. Однако вред, причиняемый в результате совершения указанного деяния отношениям собственности, более существен, чем ущерб, наносимый отношениям нравственности. Таким образом, исследуемое преступление необходимо рассматривать в первую очередь как имущественное посягательство³.

Квалифицированный состав преступления. Совершение тех же действий: группой лиц по предварительному сговору; если они по неосторожности повлекли уничтожение или порчу предметов или документов, имеющих особую историческую, художественную или культурную ценность; путем разбоя или вымогательства; организованной группой.

2. При *контрабанде культурных ценностей* видовым объектом выступает совокупность общественных отношений, регулирующих сферу экономической деятельности. Под контрабандой в ст. 215 УК понимается перемещение через таможенную границу Республики Армения культурных ценностей в крупном размере, совершенное одним из следующих способов: помимо таможенного контроля; с сокрытием от таможенного контроля; с обманным использованием таможенных и иных документов.

Квалифицированный состав контрабанды культурных ценностей – совершение тех же действий:

- должностным лицом с использованием должностного положения;
- лицом, освобожденным от определенных форм таможенного контроля, или лицом, уполномоченным на перемещение через таможенную границу отдельных товаров или транспортных средств, освобожденных от установленных форм таможенного контроля;
- с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль;
- организованной группой.

3. Уголовная ответственность по ст. 390 УК Республики Армения установлена за серьезные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, а именно: *превращение в объекты нападения исторических памятников, произведений искусства, мест отправления культа,*

³ Туманян К.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Республике Армения // Охрана армянского культурного наследия в Республике Армения и за рубежом : материалы круглого стола, г. Ереван-Ошакан, 2–6 декабря 2008 г. Ереван : Тигран Мец, 2009. С. 28.

находящихся под особой защитой, отчетливо различимых, считающихся культурным и духовным наследием народов, причинение им большого ущерба, если они не находятся в непосредственной близости от военных объектов и если нет данных об использовании противником этих исторических памятников, произведений искусства, мест отправления культа, для способствования военным действиям.

Объектом данного преступления является установленный международно-правовыми нормами порядок обращения с объектами, пользующимися во время военных действий международной защитой, а также порядок использования средств и методов ведения военных действий.

Обязательный признак – время совершения преступления: период вооруженного конфликта.

Состав преступления формальный. Преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой, косвенный.

4. Уголовная ответственность, согласно ст. 397 УК Республики Армения, наступает за *незаконное использование отличительных знаков, охраняемых международными договорами в случае использования во время вооруженных действий вопреки международным договорам охраняемых международным правом и международными договорами знаков, предусмотренных для культурных ценностей.*

Объектом данного преступления выступает установленный порядок пользования знаками, охраняемыми международными договорами.

Объективную сторону данного преступления составляют конкретные действия, совершенные с целью маскировки военных объектов под культурные ценности. Состав данного преступления формальный: преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой.

Республика Беларусь

Уголовная ответственность установлена за совершение преступлений, предметом посягательств в которых выступают историко-культурные ценности Республики Беларусь, другие культурные ценности.

1. Статья 136 УК Республики Беларусь «Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов», действующая в редакции Закона от 3 июля 2011 года № 282-3, предусматривает ответственность за:

– *превращение в объект нападения либо уничтожение культурных ценностей, находящихся под защитой, при отсутствии военной необходимости, а равно хищение таких ценностей в крупных масштабах или совершение в отношении их актов вандализма* (п. 8 ст. 136 УК Республики Беларусь);

– *использование культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, либо непосредственно прилегающих к ним мест для поддержания военных действий, а равно превращение этих ценностей либо непосредственно прилегающих к ним мест в объект нападения* (п. 8-1 ст. 136 УК Республики Беларусь).

Объектом данного преступления является определенный международно-правовыми нормами порядок обращения с объектами, пользующимися во время военных действий международной защитой, а также порядок использования средств и методов ведения военных действий.

Обязательный признак – время совершения преступления: период вооруженного конфликта. Состав преступления – формальный. Преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой, косвенный.

Признаки указанного преступления оценочны. Не ясно, включает ли категория «крупный масштаб» количественный или стоимостный критерий оценки размера похищенного. Субъект преступления – общий.

2. Статья 138 УК Республики Беларусь в редакции Закона от 3 июля 2011 года № 282-3 предусматривает ответственность за *умышленное использование вопреки международным договорам во время военных действий охраняемых знаков для культурных ценностей либо пользование знаком международной организации.*

Объектом данного преступления выступает определенный порядок пользования знаками, охраняемыми международными договорами.

Объективную сторону данного преступления составляют конкретные действия, совершенные с целью маскировки военных объектов под культурные ценности. Состав данно-

го преступления – формальный: преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой. Содержание умысла: лицо осознавало, что вопреки международным договорам во время военных действий использует знаки, охраняемые международными договорами.

Обязательный признак – время совершения преступления: период вооруженного конфликта.

Субъект преступления – общий.

3. В соответствии с ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь уголовная ответственность наступает за *перемещение в крупном размере через таможенную границу Республики Беларусь товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к такому перемещению*, совершенное одним из следующих способов: помимо или с сокрытием от таможенного контроля; с обманным использованием документов или средств идентификации; сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием.

Квалифицированный состав контрабанды культурных ценностей представляет собой перемещение культурных ценностей одним из способов, совершенное (ч. 3 ст. 228 УК Республики Беларусь): группой лиц по предварительному сговору; лицом, ранее судимым за контрабанду; должностным лицом с использованием своих служебных полномочий; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль.

Особо квалифицированный состав контрабанды – совершение преступления организованной группой – содержится в ч. 4 ст. 228 УК Республики Беларусь.

Закон связывает возможность наступления уголовной ответственности с крупным размером контрабандно перемещаемых культурных ценностей. В примечании к ст. 228 УК Республики Беларусь указывается, что контрабанда в ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь признается совершенной в крупном размере, если стоимость перемещаемых одним лицом или группой лиц товаров и ценностей превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Такая конструкция уголовно-правовой нормы приводит к тому, что в большинстве случаев по факту незаконного перемещения культурных ценностей через таможенную гра-

ницу Республики Беларусь возбуждается производство об административном таможенном правонарушении, а не уголовное дело.

4. *Невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей* (ст. 230 УК Республики Беларусь).

Объектом преступления, выражающегося в умышленном невозвращении на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, является государственный и общественный интерес, заключающийся в состоянии защищенности историко-культурных ценностей, временно вывозимых за пределы страны, с обязательством их обратного ввоза в оговоренный срок от угрозы их невозвращения в Беларусь.

Предметом данного преступления являются только историко-культурные ценности Республики Беларусь (то есть памятники).

С объективной стороны преступное деяние, предусмотренное ст. 230 УК, в отличие от контрабанды, может быть совершено только путем *бездействия*, суть которого состоит в невыполнении обязанностей, вытекающих из договора о возвращении историко-культурных ценностей.

Местом совершения преступления признается территория соответствующего государства⁴.

С субъективной стороны данное преступление предполагает только умышленную форму в виде прямого умысла.

Под субъектом данного преступления понимают гражданина, достигшего 16-летнего возраста, вменяемого, являющегося: либо собственником историко-культурных ценностей, осуществившим временный вывоз названных предметов за границу с условием их возврата; либо уполномоченным собственником этих историко-культурных ценностей на их временный вывоз за границу; либо сотрудником юридического лица, осуществившего временный вывоз за границу Республики Беларусь историко-культурных ценностей, на которого были возложены обязанности по возвращению этих предметов в установленные сроки на территорию Республики Беларусь.

5. *Присвоение найденного клада*. В соответствии со ст. 215 УК Республики Беларусь уголовная ответственность наступает за при-

⁴ Вершков В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 10.

своеие в особо крупном размере найденного клада.

Состав данного преступления – материальный. Преступление признается оконченным, когда найденный клад из вещей, представляющих культурную ценность, стоимость которого составляет крупный размер, присвоен виновным и он имеет реальную возможность распоряжаться или пользоваться им по своему усмотрению.

С субъективной стороны данное преступление совершается с прямым умыслом. Обязательный признак – корыстная цель. Субъект преступления – общий.

6. В ст. 344 УК Республики Беларусь установлена ответственность за умышленные уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности.

Объект преступления – общественные отношения в сфере нравственности.

Предмет преступления:

– историко-культурные ценности (то есть памятники, включенные в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь);

– материальные объекты, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности (то есть вновь выявленные объекты).

Объективную сторону данного преступления составляют действия, выражающиеся в разрушении, уничтожении или повреждении памятников истории и культуры (историко-культурных ценностей) либо уничтожении или повреждении предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность.

Состав данного преступления – материальный. Разрушение, уничтожение и повреждение одновременно включают и деяние, и преступное последствие.

Субъективная сторона данного преступления: вина – умышленная, умысел – прямой либо косвенный. Мотивы в большинстве случаев – корысть и месть.

Особая ценность, уникальность историко-культурных ценностей (памятников) и причинение ущерба в особо крупном размере как признаки основного состава преступления соседствуют в ч. 2 этой статьи с квалифицирующими признаками (повторность, группа лиц), отягчающими ответственность за преступления, предусмотренные ч. 1 этой статьи⁵.

⁵ Уголовное право Республики Беларусь. Основная часть / под общ. ред. А.И. Лукашова. Минск : Тесей, 2001. С. 527.

Что касается квалификации действий преступников по умышленному уничтожению или повреждению особо ценных материальных историко-культурных ценностей или особо ценных материальных объектов, здесь возникают проблемы с определением особой ценности и уникальности объекта преступного посягательства. Данные понятия как объект преступного посягательства введены в УК Республики Беларусь Законом от 7 мая 2007 года.

В соответствии с примечанием к гл. 30 УК Республики Беларусь под *особо ценными материальными историко-культурными ценностями* понимаются:

– материальные историко-культурные ценности, которые включены или предложены для включения в *Список всемирного культурного и природного наследия* либо *Список всемирного наследия, находящегося под угрозой*⁶;

– материальные историко-культурные ценности, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, которые имеют международное или национальное значение⁷.

Под *особо ценными материальными объектами* понимаются материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности, которая может быть включена или предложена для включения в *Список всемирного культурного и природного наследия* либо *Список всемирного наследия, находящегося под угрозой*⁸;

– материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, которые могут иметь международное или национальное значение, и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности⁹.

Субъект преступления – общий.

7. В качестве самостоятельного состава преступления действующее уголовное законодательство определяет ответственность за

⁶ Объекты всемирного значения.

⁷ Объекты международного и республиканского значения.

⁸ Вновь выявленные (обнаруженные) объекты, которые имеют всемирное значение.

⁹ Вновь выявленные (обнаруженные) объекты, которым в установленном порядке могут быть признаны как имеющие всемирное или международное значение.

уничтожение, повреждение либо утрату историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, по неосторожности (ст. 345 УК Республики Беларусь).

Объектом данного преступления является общественный порядок и общественная нравственность.

Предмет преступления:

- историко-культурные ценности;
- материальные объекты, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности.

Объективную сторону составляют действия (бездействия), повлекшие уничтожение, повреждение или утрату находящихся под охраной государства объектов, признанных в установленном порядке в качестве историко-культурных ценностей, а также вновь выявленных объектов, которым такой статус может быть присвоен.

Состав преступления – материальный. Преступление признается оконченным с момента наступления указанных последствий.

Субъективная сторона: вина – неосторожная. Квалифицированный состав преступления: совершение тех же деяний, причинивших ущерб в особо крупном размере, а также в отношении:

- особо ценных материальных историко-культурных ценностей;
- особо ценных материальных объектов.

Субъект преступления – общий.

8. В ст. 346 УК Республики Беларусь определена ответственность за *надругательство над историко-культурными ценностями*.

Своей сутью надругательство (в уголовном законодательстве других стран – вандализм) имеет сознательное осквернение, поругание, унижение мест и зданий, которые в сознании людей ассоциируются как святое, исключительно ценное, памятное. Целью надругательства является умышленное искажение смыслового содержания памятника как формы увековечения.

Объектом данного преступления (ст. 346 УК Республики Беларусь) являются общественный порядок и общественная нравственность. Предметами являются:

- историко-культурные ценности (ч. 1 ст. 346 УК Республики Беларусь);
- особо ценные материальные историко-культурные ценности (ч. 2 ст. 346 УК Республики

Беларусь), то есть вновь выявленные объекты, которые могут иметь международное или национальное значение;

- памятники защитникам Отечества (ч. 2 ст. 346 УК Республики Беларусь).

Объективную сторону данного преступления составляют действия, связанные с осквернением памятных зданий и сооружений; глумление, циничное и оскорбительное отношение к историко-культурным ценностям.

Состав данного преступления – формальный, то есть преступление признается оконченным с момента надругательства (осквернения) над историко-культурными ценностями, памятниками истории и культуры.

С субъективной стороны данное преступление совершается с прямым умыслом, то есть виновный сознает, что совершает надругательство (оскверняет) над памятниками истории и культуры и желает этого. Субъект преступления – общий.

Республика Казахстан

Уголовная ответственность установлена за совершение преступлений, предметом посягательства в которых выступают памятники истории и культуры, другие культурные ценности.

1. Так, уголовно наказуемо *умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, причинившие значительный ущерб* (ч. 1 ст. 187 УК Республики Казахстан).

Совершение тех же деяний, повлекшее уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, влечет уголовную ответственность по ч. 2 ст. 187 УК Республики Казахстан. Соответственно предусматривается более строгое наказание.

2. Уголовная ответственность определена за *экономическую контрабанду*, то есть перемещение в крупном размере через таможенную границу товаров, ценностей или других предметов, запрещенных или ограниченных к перемещению через таможенную границу, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу (ст. 209 УК Республики Казахстан). К числу вещей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения, относятся культурные ценности.

С объективной стороны контрабанда характеризуется:

- сокрытием от таможенного контроля товаров или иных ценностей и предметов;
- их перемещением помимо таможенного контроля;
- их недекларированием или недостоверным декларированием;
- обманным использованием таможенных и других документов или средств таможенной идентификации.

Для признания таких действий преступными наступление каких-либо вредных последствий не требуется.

Квалифицированный состав контрабанды – совершение того же деяния: неоднократно; с использованием своего служебного положения; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль; в особо крупном размере; лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, если они сопряжены с использованием им своего служебного положения; организованной группой.

Субъективная сторона – умысел, субъект преступления – общий.

3. Уголовная ответственность установлена за хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 180 Уголовного кодекса Республики Казахстан). Способ совершения хищений значения не имеет.

Кыргызская Республика

Уголовная ответственность за преступления, предметом посягательств в которых выступают объекты историко-культурного наследия, установлена в следующих нормах Уголовного кодекса Кыргызской Республики.

1. Так, статья 175 УК Кыргызской Республики предусматривает наказание за *умышленное уничтожение или разрушение памятников истории и культуры*.

Объективная сторона рассматриваемого преступления включает различные способы воздействия (механический, химический, биологический и др.), которые ведут к уничтожению, разрушению или повреждению памятников истории и культуры, природных объектов, взятых под охрану государства.

По ст. 175 УК Кыргызской Республики квалифицируется уничтожение или разрушение памятников истории и культуры любым способом: например, разбитие на куски (обелиска), разрезание (картины), поджог (деревянных ансамблей архитектуры, представляющих историческую и культурную ценность) и т.д.

Состав преступления является *материальным*. Обязательным признаком его объективной стороны является уничтожение или разрушение (последствие). Для констатации рассматриваемого состава преступления необходимо установить причинную связь между действиями и наступившими последствиями.

Субъективная сторона преступления характеризуется умыслом (прямым либо косвенным): виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит уничтожение либо разрушение памятников истории и культуры и желает или сознательно допускает наступление этих последствий. Мотивы могут быть различными: месть, корысть, иная личная заинтересованность.

2. В ст. 204 «Контрабанда» УК Кыргызской Республики установлена ответственность за *перемещение через таможенную границу Кыргызской Республики культурных ценностей*, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Кыргызской Республики, если это деяние совершено одним из следующих способов: помимо или с сокрытием от таможенного контроля; с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации; сопряжено с недекларированием или недостоверным декларированием.

Данное преступление совершается только умышленно, субъект преступления – общий.

3. В ст. 206 УК Кыргызской Республики установлена ответственность за *невозвращение на территорию Кыргызской Республики предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Кыргызской Республики и зарубежных стран*.

С объективной стороны данное преступление характеризуется преступным бездействием, заключающимся в сознательном невыполнении своей обязанности по возвращению в установленный срок временно вывезенных предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Кыргызской Республики и зарубежных стран.

Субъективная сторона – умысел, субъект преступления – общий.

Республика Молдова

В Республике Молдова уголовная ответственность установлена за совершение следующих действий.

1. *Разрушение или порча памятников истории и культуры* (ст. 221 УК Республики

Молдова). *Объектом преступления* являются охраняемые законом отношения в сфере нравственности. *Предмет преступления* – принятые на государственный учет (включенные в реестр) памятники истории и культуры. *Объективную сторону* преступления составляют действия по разрушению или порче памятников истории и культуры Молдовы. *С субъективной стороны* данное преступление характеризуется умышленной формой вины. Субъект преступления – общий.

2. *Контрабанда культурных ценностей* (ст. 221 УК Республики Молдова).

Квалифицированный состав контрабанды составляют те же действия, совершенные: 1) повторно; 2) двумя или более лицами; 3) должностным лицом с использованием служебного положения; 4) в особо крупных размерах.

Окончание см.: Юридическая наука. 2013. № 4.

РЕАБИЛИТИРОВАН ПОСМЕРТНО...
(личный и профессиональный подвиг выдающегося
мордовского правоведа Тимофея Васильева
(к 116-летию со дня рождения))

МАРТЫШКИН Василий Николаевич

Аннотация: в статье описываются основные этапы жизни и деятельности Т.В. Васильева.
Annotation: in the article mainstages of T.V. Vasilyev's life and activity are.

Ключевые слова: история государства и права, Т.В. Васильев, репрессии.
Key words: history of state and law T.V. Vasilyev, repressions.

Тимофей Васильев сделал неоценимый вклад в создание Мордовской государственности, по праву считается основоположником судебной системы республики. В последствии стал первым советским юристом-международником в Англии, а затем был незаконно репрессирован за якобы подготовку покушения на И.В. Сталина. Недавно в Саранске прошла международная научно-практическая конференция «Совершенствование российского законодательства: отечественный и зарубежный опыт», посвященная выдающемуся эрзянскому самородку. Мероприятие посетили его дочь – писательница Элеонора (Ламзурь) Кузнецова и внучка – старший научный сотрудник Геологического института РАН Лариса Головина... В работе конференции участвовали видные ученые и представители судебного сообщества, в том числе из Шотландии.

Начало пути

Поэтичный мордвин,
талантливый малоросс¹...

Его прадед, Иван Васильев, родом из мордовского села Подлесная Тавла Кочкуровского района Мордовии. Жители этого села упоминаются в «Саранской Таможенной книге» (1662)².

После отмены крепостного права односельчане из Подлесной Тавлы прибыли в Сибирь. Здесь, у реки Кубидат (Перепел), в 130 километрах от Томска переселенцы в память о малой родине основали крохотной островок

мордовской культуры. Поселение назвали Тавлы (ныне Зырянский район Томской области). Об этом свидетельствуют результаты этнографических экспедиций Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия: «В с. Зырянское и с. Мишутино Томской области мордва переселились из с. Лобаски Ичалковского района Мордовии, а в д. Тавлы Зырянского района из с. Тавлы Кочкуровского района Мордовии»³. Здесь, в Сибирских Тавлах, 19 февраля 1897 года в эрзянской семье Василия Ивановича и Елены Алексеевны родился будущий юрист. Примечательный факт – у прадедов из Мордовской Тавлы Ивана Васильева и Еремея Петрова в Сибирской Тавле родились правнуки, которые стали самыми молодыми народными судьями в РСФСР: Васильев Тимофей Васильевич в Омске, а Петров Михаил Ильич в Томске⁴.

Первым учителем Тимофея был мордвин Ефим Сивилькаев. Впоследствии Васильев писал, что наставник, несмотря на жесткое обращение с учениками, был несравненно лучшим учителем, чем всякий другой непонимающий мордовского языка. Родители сами требовали «учить хорошенько своих детей». Однажды Тимофей подвергся варварским методам «воспитания» – его колотили поленом за то, что он продавал стекло, на котором учился писать трехкопеечной монетой. Работать он начал в 12-летнем возрасте на шахте, затем в кузнеце молотобойцем. Тяжелый труд длился с 6.00 до 18.00 часов. Тем не менее подросток находил

¹ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 12 февраля 1870 г. / Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 363–364.

² Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР.

³ Никонова Л.И., Акимова З.И. Опыт и перспективы исследований Мордовской диаспоры: к вопросу проблем народной культуры в Сибири : сб. науч. тр. Омск, 2012. С. 172–178.

⁴ Мартышкин В.Н., Сушкова Ю.Н. Жизнь в борьбе. Саранск, 2013. С. 20.

время заниматься грамотой у старого забойщика Клима Балды. Смышленного паренька взял письмоводителем Кольонский мировой судья. «Со страхом и трепетом я входил к судье, – вспоминал Т. Васильев. – ”Здравствуйте, садитесь!” – вежливо сказал он. Здесь я впервые увидел человеческое к себе отношение. Я был удивлен, что, обращаясь ко мне, судья говорит: ”ВЫ”. Мне было тогда 18 лет⁵...»

В 1916 году Т.В. Васильев был призван на военную службу в Омский военный округ. Год работы в конторе мирового судьи оказался решающей вехой его жизни. При установлении новой власти в Омске Васильев стал первым советским народным судьей. Его избирали председателем губернского совета народных судей. В этот период в Омский Совет от руководителей Тарского уездного Совета пришла телеграмма: «Положение критическое. Происходят самосуды. Погромы. Судебный аппарат не функционирует»⁶...

Т. Васильев возглавил местный трибунал.

Когда в 1918 году Омск заняли белогвардейцы, Васильев попал в плен, бежал, стал начальником штаба Шунерских красных партизан, принимал участие в Минусинском восстании, которое было жестоко подавлено⁷. В 1919–1920 годах Васильев работал в Енисейском губотделе юстиции. Его можно считать основоположником становления пенитенциарной системы в Красноярске. 28 января 1920 года в газете «Красноярский рабочий» было опубликовано следующее его заявление: «Всем карательным учреждениям Енисейской губернии. Согласно постановления заведующего отделом юстиции Енисейского Губревкома от 21 января, я временно вступил в заведывание карательным подотделом юстиции. Все дела бывшей Енисейской губернской тюремной инспекции переходят в заведываемый мною подотдел. Зав. Карательным подотделом Т. Васильев»⁸.

6 февраля 1920 года в этой же газете под заголовком «В отделе юстиции» сообщалось: «В настоящее время при местном отделе юстиции в подотделе, во главе которого стоит

тов. Васильев, идет интенсивная работа. Параллельно с введением единого народного суда, Советская власть тот же принцип единства положила в основание системы наказаний, налагаемых по судебным приговорам, и организации карательных учреждений, предназначенных для отбытия этих наказаний. Пенитенциарные заведения будут делиться на разряды не по тяжести наказаний, как было раньше, а в зависимости от своего назначения...». В 1921 году Т. Васильев командовал батальоном в Главной военно-политической школе Дальневосточной республики (ДВР). Курировал ее Главком вооруженных сил ДВР В.К. Блюхер⁹. Васильев был от природы наделен организаторскими способностями, даром красноречия и литературными способностями, тем не менее остро чувствовал свои пробелы в образовании. Способного и перспективного красного командира Т.В. Васильева осенью 1921 года командировали на учебу в Военную академию РККА. В Москве он знакомится с секретарем Мордовской секции подотдела нацменьшинств отдела ЦК РКП(б) Д.С. Желтовым, который вовлекает Т.В. Васильева в работу по созданию Мордовской национальной государственности¹⁰.

В 1924 году Тимофей поступил на хозяйственно-правовое отделение факультета советского права Московского государственного университета. Декан юрфака, профессор Андрей Януарьевич Вышинский, впоследствии ставший Генеральным прокурором СССР (1935–1939), настаивая на профессиональной порядочности, часто повторял студентам: «Юрист должен быть чище снега альпийских вершин»¹¹.

Заняв высокую должность, Вышинский предал забвению этот свой наказ. Вместо того чтобы направить усилия органов прокуратуры на обеспечение законности, он, по существу, возглавил эскалацию насилия, произвола и беззакония. В жернова репрессий попал его выпускник Т. Васильев. Кто мог подумать, что студент и преподаватель встретятся через 13 лет при других обстоятельствах (А.Я. Вышинский выносил обвинение по делам Л.Н. Тухачевского, В.К. Путны, Г.Я. Сокольников, Т.В. Васильева и др.)¹².

⁵ Васильев Т.В. Мордовия / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2007. С. 185–189.

⁶ Пьянова О.А. Создание и деятельность революционных трибунов в Западной Сибири. Декабрь 1917 – июнь 1918 г. // Сибирская заимка. 2011. № 1.

⁷ Головина Л.А. Пространство и время Тимофея Васильева. Неопубликованная рукопись.

⁸ История пенитенциарной системы Красноярского края. URL: // <http://www.24.f.sin.su/historu/4.php>

⁹ Блюхер В.К. По военным дорогам отца. Свердловск, 1984.

¹⁰ Тязин Е.Н. Первый председатель Мордовского окружного суда Т.В. Васильев // Правосудие в Республике Мордовия. 2010. № 2.

¹¹ Багаутдинов Ф.Н. Университет. Юрфак. Бажанов. Казань, 2007. С. 253.

¹² Головина Л.А. Указ. соч.

С марта 1924 года Васильев редактировал газету «Якстере Теште» («Красная звезда»), которая была органом Мордовской секции ЦК РКП(б). Там в редакции встретился с Елизаветой Павловной Рябовой, проживавшей в с. Лобаски Ичалковского района Мордовии, – своей будущей женой. Примечательно, что ее отец работал волостным писарем у племянника поэта А.С. Пушкина в с. Большое Болдино Нижегородской губернии.

Марьяна Роща

В июне 1924 года Т. Васильева назначили секретарем отдела национальностей ВЦИК. Несомненно на этом посту ему доводилось встречаться с руководителями Советского государства М.И. Калининым, Я.М. Свердловым, И.В. Сталиным и другими, решая задачи по ликвидации неграмотности мордвы, подготовке учителей, созданию сети национальных школ, вузов, национальных театров. Мордовское землячество создало в г. Москве творческое общество «Сыргозема» («Пробуждение»), которое, наряду с издававшейся газетой «Якстере Теште», стремится к вовлечению живущей в Москве мордвы в активную общественную жизнь, к изучению национальной литературы и искусства.

Т. Васильев активно участвовал в организации работы Мордовского клуба в районе Москвы – Марьиной Роще¹³. Руководителем клуба был ученый А.П. Рябов – брат жены Васильева. Литературные вечера в Марьиной Роще посещали М. Горький, В.Э. Мейерхольд, включивший в свой нашумевший спектакль «Лес» мордовские народные песни. Во время посещения Мордовского клуба А.В. Луначарским, Т. Васильев народному комиссару просвещения СССР представил талантливых участников, в числе которых были представители Серебряного века мордвы скульптор С.Д. Эрзя (Нефедов) и певец И.М. Яушев. Эрзю после выставки работ на международных конкурсах в Венеции, Милане, Париже величали не иначе как «русским Роденом». В адрес хора под руководством Яушева, который часто выступал на Всесоюзном радио с хоровыми и сольными номерами национальных произведений, со всех концов страны приходили благодарственные письма.

¹³ Брыжинский В.С. Зарождение письменной драматургии и самодеятельного театра // Мордва (мокша и эрзя) / сост. С.С. Маркова. Саранск, 2004. С. 254–667.

Особенно большой успех выпал на долю спектаклей «Кавто Киява» («Двумя путями»), «Амон кедензэ палсинь» («А я его руки целовал»), «Баршинань шкасто («Во времена Барщины»)»¹⁴. Эти пьесы были написаны в 1924 году, и первый коллективный сборник оригинальных мордовских пьес «Эрзянь пьесат» («Эрзянские пьесы») Васильева, Окина, Чеснокова (М. ЦИЗ, 1924)¹⁵ так быстро разошелся, что в 1931 году составлял библиографическую редкость.

И. Сибиряк вспоминает, что «почти все руководители партии и государства тех лет – М.И. Калинин, М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов, А.М. Коллонтай, Я.Э. Рудзутак, Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов, С.М. Киров и многие другие – встречались с мордовскими студентами. Частыми гостями бывали А.В. Петровский, Н.К. Крупская, Мария, Анна и Дмитрий Ульяновы, Е.Д. Стасов, Р.С. Землячка, писатели и поэты Демьян Бедный, В. Маяковский, С. Есенин, Н. Асеев, В. Хлебников, В. Вересаев, Д. Фурманов...»¹⁶

Поэтические строки о встрече с мордовской песней в Марьиной Роще посвятил в своих воспоминаниях венгерский поэт, писатель, переводчик Дюла Ийеш. В мордву он искал корни своих предков мадьяр: «Предки Мадьяр!.. Сразу же после прибытия в Москву я стал интересоваться родственниками – мордвини при желании можно увидеть и в Москве. Их здесь более четырех тысяч и занимают они целый район, на окраине в Марьиной Роще»¹⁷.

Т. Васильев обращал внимание зрителей Мордовского клуба на то, что мордва оставила заметный след в истории страны. Один только род Мордвиновых дал государству и министров, и сенаторов, и послов, и адмиралов, и выдающихся деятелей науки и искусства. В качестве примера приводил Николая Семеновича Мордвинова, проживавшего в Инсарском уезде (ныне Мордовия). С 1802 года он первый в истории России морской министр¹⁸. В 1826 году единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам¹⁹. Тимофей Васильев особо

¹⁴ Брыжинский В.С. Анатолий Рябов в Московском обществе «Сыргозема» / А.П. Рябов. Саранск, 1994. С. 10–13.

¹⁵ Мордовская литература. Литературная энциклопедия / под ред. А.В. Луначарского. Т. 7. ОГИЗ РСФСР, 1934. С. 494.

¹⁶ Сибиряк (Поздьяев) И.С. Как я был репрессирован в Мордовии // Мемуары. URL: [www.http://zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak.1.htm](http://zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak.1.htm)

¹⁷ Ийеш Д. Россия 1934. М.: Хроникер, 2005. С. 46–49.

¹⁸ Архив графов Мордвиновых : в 10 т. СПб., 1901–1903.

¹⁹ Абрамов В.К. Мордвиновы // Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 21.

подчеркивал, что выдающимися деятелями становились не только представители феодальных родов, но и выходцы из мордовских крестьян. Например, Патриарх всея Руси Никон, знаменитый церковный реформатор, скульптор С.Д. Эрзя, М. Горький, мать которого была эрзянкой. Мордовского происхождения были первый профессиональный историк России, профессор Харьковского университета М.Н. Петров, крупнейший историк страны академик В.О. Ключевский, ректор Томского университета И.А. Базанов, народная певица Л.А. Русланова (Лейкина).

Все они внесли немалый вклад в развитие Российского государства и его культуры. В.Н. Татищев, писавший свою историю на основании летописей, подчеркивал, что во время похода Всеволода Большое Гнездо на столицу Великой Болгарии с мордовскими князьями был заключен мир: «Мордва же мир со Всеволодом учинили и привозили в войско всякие припасы продавать»²⁰. Этот факт свидетельствовал не просто о независимости Мордовской земли от Болгарского царства, но и о ее политическом единстве и значительной военной мощи, которая принималась Всеволодом, объединившим тогда силы Руси для войны с одним из самых крупных государств Восточной Европы.

Мордовская идея

С той поры раздумья о судьбах мордовского народа и создании его государственности в рамках РСФСР приобретают у Тимофея Васильева осознанный характер. В докладной записке в Правительство страны Васильев указал: «Необходимо обратить особое внимание на мордовский народ, ибо благодаря вековому угнетению он является в несколько раз более отсталым во всех отношениях по сравнению с великорусским крестьянством. В Советском союзе одна только мордва до сих пор не имеет своего автономного объединения»²¹...

Но у этой идеи были и противники.

Например, местные чиновники Пензенского губкома партии 7 августа 1925 года «осудили такое настроение ответственных работников мордвы, полагая неправильным и идущим вразрез с линией партии»²².

В.И. Ленин в одной из своих работ, поддерживая идею национального самоутверждения, в том числе по вопросу правового статуса народов России, заметил: «...обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения»²³. Безусловно, были и объективные трудности, так как мордва проживала на территории Пензенской, Симбирской, Самарской, Нижегородской, Тамбовской губерний. На заседании оргбюро ЦК РКП(б), где слушался вопрос о Мордовской автономии, присутствовал Иосиф Сталин. Он заявил, что «при таком территориальном расселении этого народа придется ограничиться выделением мордвин в самостоятельные административные единицы (районы, уезды) в тех губерниях, где они живут компактной массой»²⁴. «Мордовский вопрос» Пензенское ГПУ расценило как «контрреволюционный». Продвигавших его партийных и советских активистов окружили осведомителями. Письма Т. Васильева подвергались перлюстрации. В январе 1926 года он получил назначение на должность помощника прокурора Башкирии. В 1927 году вернулся в столицу, работал в Московской губернской коллегии защитников. Но все это время он не забывал о своей главной идее – постоянно доказывал необходимость мордовской государственности, участвовал в подготовке соответствующих документов. ЦК ВКП(б) оценил самоотверженный труд Т. Васильева и его единомышленников. 6 августа 1928 года он избран первым председателем Мордовского окружного суда. Соответствующее решение принял Пленум окружного исполкома Мордовского округа Средне-Волжской области. Васильев рассматривал наиболее сложные дела, проводил заседания судебных пленумов. 19 октября 1928 года под его председательством на Пленуме было вынесено решение по линии коренизации судебного аппарата: «Предложить народным судьям районов с преобладающим мордовским населением при рассмотрении дел, в которых участвуют представители мордовского населения, производить судоговорение на мордовском языке»²⁵. Трудолюбие Т. Васильева не осталось без внимания. Руководство Средне-Волжской области предложило ему работу в Самарском област-

²⁰ Татищев В.Н. История Российская. М., 1962. Т. 3. С. 129.

²¹ Васильев Т.В. Указ. соч. С. 15.

²² Головина Л.А. Страницы семейного архива / Т.В. Васильев // Мордовия. Саранск, 2007. С. 8–28.

²³ Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. М. Т. 45. С. 358.

²⁴ Абрамов В.К. Мордовское национальное движение. Саранск, 2010. С. 99.

²⁵ Васильев Т.В. Указ. соч. С. 139.

ном суде, а с 5 декабря 1929 года Васильев зачислен в орготдел ВЦИК, работает в Москве в Институте Советского строительства и права (Институт государства и права РАН). В 1931 году Центриздат выпустил ставшую итогом многолетних размышлений Т. Васильева книгу «Мордовия» (переиздана в 2007 году), которая не потеряла актуальности до сегодняшних дней. С любовью к мордовскому краю, народу описывает и анализирует Т. Васильев историю, обычаи, культуру, язык, искусство и право древней мордвы. Например, в главе «От права обычного к необычному праву» правовед обращает внимание на то, как имущественные споры разрешал суд старейшин – атят. Мудрые люди выносили устное и окончательное решение, никакой апелляционной инстанции не существовало. Главным преимуществом атыта было отсутствие коррупции и произвола. При прочтении этого фундаментального монографического исследования в очередной раз убеждаешься, что стержнем российского воспитания всегда являлся патриотизм. Он относится к числу тех идеалов, утрата которых делает общество нежизнеспособным. По мнению русского философа Николая Бердяева, патриотизм есть прежде всего обнаружение любви к своей родине, своей земле, своему народу. Полное отсутствие патриотизма – ненормальное, дефектное состояние»²⁶.

Великобритания

В 1931 году Тимофея Васильева назначили первым руководителем юридической службы Торгпредства СССР в Великобритании. Работать ему посчастливилось под началом видных дипломатов. Одним из них был Г.Я. Сокольников (настоящая фамилия Бриллиант), владевший шестью европейскими языками, закончившим юридический факультет Парижского университета (Сорбонна). В 1922 году Сокольников – первый нарком финансов, теоретик новой экономической политики (НЭПа). Его заслугой было спасение страны от голода, оживление экономики – через два года советская валюта ценилась дороже доллара и английского фунта стерлинга²⁷.

Работа юриста-международника в торгпредстве была сродни службе дипломата – нужно быть предельно взвешенным в своих

суждениях. Ради этого Т. Васильев овладел в совершенстве английским языком. Русский дипломат и разведчик Н.С. Леонов сказал: «Главным профессиональным качеством для дипломата и разведчика является именно любовь к Родине. Все остальное часто бывает делом наживным, все трудности можно преодолеть, а вот патриотизм – необходимое качество. Если его нет, вы будете или серой мышью, мало кому нужной, которая жует свое собственное зернышко, или еще хуже, потенциальным предателем»²⁸.

На юридическую службу торгпредства, возглавляемую Тимофеем Васильевым, легла огромная ответственность по подготовке торгового соглашения. Необходимо было знать все тонкости морского и торгового права. Советский посол в Великобритании Иван Майский вспоминал, что переговоры были очень трудными и продолжались 15 месяцев²⁹.

Налицо была явная дискриминация в отношении СССР. Положение еще более ухудшилось, когда 12 марта 1933 года ОГПУ арестовало 25 служащих английского концерна «Метрополитен-Виккерс». Тем не менее, 16 февраля 1934 года торговое соглашение между СССР и Великобританией было подписано. В этом есть огромная заслуга юриста-международника Тимофея Васильева.

В английских судах ему приходилось быть тонким дипломатом, чтобы защитить интересы своей державы. Однажды представитель местной фирмы не согласился с вердиктом и заявил, что нельзя признавать серьезным и обоснованным доводы советских юристов, ведь в этой стране все судьи вышли из сапожников. «Да, верно, – заявил в ответ Васильев. – Я один из таких сапожников. Я бывший кузнец, получивший затем образование в Московском государственном университете. А сейчас я стал студентом Лондонского университета, чтобы лучше изучить язык и право той страны, где мне доверено работать»³⁰. Председатель строго заметил представителю фирмы: «У суда нет оснований сомневаться в компетентности доктора Васильева, он достойно защищает интересы своей страны». Эти слова стали широко известны в коммерческих и дипломатических кругах...

²⁶ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 1997.

²⁷ Корчагин Ю.Г. Григорий Сокольников. URL: <http://www.lers.ru?part=arti%20cles&art=16&-page=45>

²⁸ Смолев В.И. Актуальность патриотического воспитания // Право и безопасность. 2012. № 1. С. 93.

²⁹ Майский И.М. Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960. С. 144.

³⁰ Головина Л.А. Указ. соч. С. 22.

В 1934 году Тимофея Васильевича заочно избрали членом ЦИК Мордовской АССР. А в 1935 – он приехал в Саранск на пять дней. Сделал сообщение об Англии на сессии ЦИК, на собраниях народных судей и студенчества.

В том же году написал в английском журнале «Monthly Review», что мордва получила счастье благодаря пролетарской революции, руководимой Лениным и Сталиным³¹.

Т.В. Васильев во время посещения Мордовии непременно заезжал в Лобаски Ичалковского района – к родителям жены. Летом туда приезжали односельчане Рябовых: И.М. Горбунов (постоянный представитель Мордовии при ВЦИК СССР), П.В. Галаев (директор НИИ Мордовской культуры), И.М. Яушев (окончивший Московскую консерваторию). А.И. Рябова (жена В.П. Рябова) вспоминала, что «с появлением Ларьки (так звали И.М. Яушева в близком кругу) песням, веселью и дружеским застольям, казалось, не будет конца»³². А. Рябов и Т. Васильев тоже обладали прекрасным голосом, а Тимофею даже прочили карьеру певца.

НКВД

В 1936 году в Великобританию с официальной делегацией на похороны короля Георга V прибыл маршал М.Н. Тухачевский. Т. Васильев встретился с ним в Лондоне. Они вспоминали, как в составе 5-й армии Тухачевского в годы Гражданской войны освобождали Омск. Васильев создавал там и в г. Тары военные трибуналы. По возвращении на Родину участники делегации В.К. Путна, военный атташе в Великобритании, маршал Тухачевский, первый полпред в Англии Сокольников вскоре были расстреляны как «враги народа».

И.М. Майский (дипломат, академик АН СССР) рассказывал о методах ведения следствия³³: «Меня допрашивал сам Берия. Бил цепью и плеткой. Требовал, чтобы сознался, что все время работал на Интеллидженс сервис. И я в конце концов признал, что давно стал английским шпионом». В 1956 году И.М. Майский был реабилитирован. Расстрелянный в 1936 году Г.Я. Сокольников реабилитирован 12.06.1988 г. по решению Пленума Верховного Суда СССР³⁴.

Жизнь Т.В. Васильева и его семьи за рубежом только казалась благополучной. В течение 6 лет он находился под неусыпным контролем НКВД. Об этом свидетельствовали донесения из Англии: «Васильев поддерживает связи с местными адвокатами. По Лондонскому университету знаком с профессором. До лета 1937 года очень дружил с бывшим завотделом метимпорта торгпредства, который подзревался в заключении вредительской сделки на покупку заведомо недоброкачественной жести для консервных банок. Васильев в связи с длительным пребыванием за границей совершенно оторвался от Союза и потерял лицо советского гражданина».³⁵

Между тем наш герой достойно защищал интересы своей державы на судебных процессах. Подготовленное им торговое соглашение между Великобританией и СССР оставалось в силе вплоть до окончания Второй мировой войны. Достаточно указать лишь на один факт. Английские власти требовали 1,5 миллиона фунтов в качестве налога с торговой прибыли советских организаций в период с 1930 по 1937 год. Васильеву удалось уладить вопрос за 32 тысячи фунтов. За эту работу его представили к специальной награде. Тем временем из донесения сотрудника НКВД следовало другое: «Т.В. Васильев, как один из руководителей антисоветского национального блока, вел активную подготовительную работу, направленную к свержению Советской власти в Мордовии путем вооруженного восстания. Прошу санкционировать арест»³⁶. Первый нарком НКВД Мордовии В.М. Ванд требовал от своих подчиненных весомых доказательств по этому донесению, но их не было.

Жернова

В 1936 году НКВД СССР возглавил Ежов, который издал оперативный приказ о массовых репрессиях³⁷.

Вместо того чтобы опротестовать эту чудовищную директиву, Генеральный прокурор СССР Вышинский дал шифрограмму прокуро-

³⁵ Наблюдательное производство по уголовному делу № 2973, 22.02.1938 г.

³⁶ Там же.

³⁷ Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» // А.В. Яровой, Н.М. Арсентьев, В.А. Юрченков. От ВЧК до ФСБ: история и современность управления ФСР РФ по Республике Мордовия. Саранск, 2003. С. 144–148.

³¹ Наблюдательное производство по следственному делу № 2973 (4327) от 22.02.1938 г. // Арх. ФСБ по РМ.

³² Головина Л.Г. Указ. соч.

³³ Майский И.М. Указ. соч.

³⁴ Чигир О.С. Григорий Яковлевич Сокольников: личность и деятельность : автореф. дис. Рязань, 2009.

рам субъектов: «Ознакомьтесь в НКВД с оперативным приказом Ежова от 30 июля 1937 года за номером 00447. Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются. Требую активного содействия успешному проведению операции и сохранении секретности в аппарате прокуратуры о проводимой операции»³⁸.

О масштабах репрессий в отношении так называемых «антисоветских элементов» свидетельствует докладная записка в ЦК КПСС: «Только за контрреволюционные преступления по стране осуждены 3 млн 777 тыс. 380 человек...» При этом в отношении 2 млн 900 тысяч человек были вынесены приговоры внесудебными органами (коллегиями ОГПУ, тройками НКВД или особого совещания), в том числе к расстрелу приговорено 642 тыс. 980 человек³⁹. Ежов подверг аппарат НКВД той же кровавой чистке: было репрессировано 20 тыс. сотрудников. Не избежал репрессий и Ванд, арестованный в 1937 году. На его должность назначили С.М. Вейзагера, который тут же предъявил бывшему руководителю обвинение «в либерализме и близорукости», в том, что не смог своевременно вскрыть и обезвредить буржуазную националистическую организацию, куда якобы входил проживающий за границей мордвин Васильев.

Однако усилия Вейзагера по выявлению «врагов народа» тоже были признаны недостаточными. Его арестовали 21 ноября 1937 года во время командировки в Москве, обвинили в шпионаже и расстреляли. На следующий день новым руководителем НКВД МАССР назначили полковника Николая Красовского. При нем репрессии достигли своего пика. Внутреннюю тюрьму НКВД арестанты стали называть «домом пыток Красовского». По его указанию бывшего наркома Ванда подвергли изощренным издевательствам, хотели вырвать у старого чекиста признания, что он шпион и один из руководителей подготовки покушения на Сталина, Калинина, Ворошилова, Буденного. Впоследствии Ванда расстреляли в тюрьме... Тем временем НКВД СССР требует: «Срочно пришлите протоколы допроса арестованных, избобличающих Т.В. Васильева в участии в контрнационалистической организации. Без этих материалов мы не можем дать санкцию на арест и не имеем возможности ставить вопрос об отзыве его из-за границы...».

Красовский отдает приказ о массовых арестах. Молох репрессий не знал территориальных границ и национальностей. По сфабрикованному делу об антисоветской организации «Идель-Урал» («Волга-Урал») было осуждено 178 человек⁴⁰: 135 к расстрелу, 43 – в исправительно-трудовые лагеря (далее – ИТЛ).

В скорбной жатве 1937–1938 годов был уничтожен цвет партийно-хозяйственных кадров и творческой интеллигенции коренного народа республики. Только по делу террористической организации «Мордовский блок правых троцкистов и националистов» арестовали 179 человек. В том числе 5 секретарей обкома партии, 27 руководителей ЦИК, СНК и обкома ВКП(б), 12 наркомов и их заместителей, 34 секретаря райкома партии и 10 председателей райисполкомов. Репрессии коснулись прокурора республики, председателя Верховного Суда МАССР, зам. командующего Приволжским военным округом, ректора пединститута и других должностных лиц и общественных деятелей⁴¹.

Кампания по выявлению «врагов народа» коснулась и мордовских писателей: С.Ф. Атянин был расстрелян, Я.П. Макушкин осужден на 15 лет тюремного заключения. Литератора В.И. Виарда арестовали только за то, что посмел прийти в НКВД и справиться о судьбе товарища. После пыток его заставили выпить стакан собственной крови⁴². За интерес к творчеству «кулацкого поэта» С.А. Есенина писатель В.В. Горбунов год провел в тюрьме, а его коллега С.З. Платонов семь лет отбыл на Колыме. Автор поэмы «Эрмезь» (история мордвы XIII века) Я.Я. Кулдыркаев в общей сложности провел в лагерях 20 лет. Директора НИИ Мордовской культуры П.В. Галаева расстреляли за пропаганду творчества мордовского скульптура Эрзи, жившего за границей⁴³. Его преемником стал Илларион Сергеевич Сибиряк – бывший красноармеец и сотрудник Пензенского губчека. Но работники НКВД не проявили снисхождения к бывшему коллеге, на допросах

⁴⁰ Тязин Е.Н. Создание органов госбезопасности на территории Мордовской АССР и их развитие в 1934–1941 // Материалы междунар. науч.-практ. конф. Саранск. 7–8.12.2006 г. С. 408–410.

⁴¹ Букин Н.С. Становление Мордовской Советской национальной государственности. Саранск, 1990. С. 203–304.

⁴² Ивашкин В.С. Знать и помнить // На перекрестке мнений. Саранск, 1990. С. 203–204.

⁴³ Абрамов В.К. Мордовский народ (1937–1949). Саранск, 1996. С. 350; Репрессии 1930-х годов в Мордовии и их последствия // Материалы респ. конф. 27 мая 1998 г. в г. Саранске. Саранск, 2004. С. 118–120.

³⁸ Правда. 1989. 1 сент.

³⁹ Антонов Н.И. Финно-Угорский мартиролог жертв политических репрессий в СССР. Саранск, 2006. Вып. 2. С. 5.

ему почти оторвали челюсть, совали иголки под ногти, выдавили глаза, отбили внутренние органы... И. Сибиряк двое суток не приходил в сознание и затем несколько недель мочился кровью. Все это требовалось, чтобы арестованный признался в связи с польской разведкой и оговорил сослуживцев⁴⁴. Некоторые арестованные готовы были признать даже абсурдные обвинения: подготовка туннеля из Мордовии до Хельсинки с целью выхода МАССР под протекторат буржуазной Финляндии... Под пытками у братьев Рябовых были получены признания, что они якобы готовили убийство Сталина – сначала во время отдыха вождя в Сочи, затем на съезде Советов в Доме Союзов. Гостевой билет на мероприятие им якобы вручил первый секретарь Дубенского райкома К.А. Нуязин (впоследствии расстрелян), а пистолет для совершения теракта передал... Тимофеем Васильев!

Позже чудом спасшийся очевидец рассказывал жене Васильева – Елизавете Павловне, как выбивались эти показания: «У Анатолия Рябова было разбито лицо, выбит глаз. Не выдержав пыток, он сошел с ума. На расстрел его вывел, обнимая, младший брат Владимир»⁴⁵. Согласно тексту обвинительного заключения (дела № 2073 и № 2673, «террористическими группами руководил и готовил для теракта против тов. Сталина, других руководителей ВКП(б) и совправительства М.Д. Прусаков – 1-й секретарь Мордовского обкома ВКП(б) и Н.Г. Сурдин – председатель ЦИК МАССР, связанные с германским шпионом Вандом (нач. Мордовского НКВД), а также с польской и финской разведками через ученых Рябовых и других...»⁴⁶.

Арест

Судьба юриста-международника была предрешена. Его отозвали вместе с семьей из Англии. Начальник 7-го отдела ГУГБ НКВД Шпигельглаз сообщал в Москву о готовящемся отъезде Васильевых: «17 ноября на советском пароходе через Ленинград». Т. Васильева арестовали в Москве 8 февраля 1938 года. Прощаясь, он сказал дочери на английском языке: «Я приеду вечером, произошло недоразумение,

Ламзурь, жди меня». Мордовского правоведа спецконвоем доставили в Саранск и в ужасных условиях содержали в одиночной камере 8 месяцев. Истязания не сломили твердую волю патриота. Он неизменно настаивал на своей невиновности. Даже под пытками отказывался признать, что является агентом иностранных разведок и связан с главарями вредительской организации (то есть с бывшими руководителями республики).

Но для узника «дома пыток Красовского» особенно мучительно было слышать душераздирающие вопли чужих родственников арестованных по делу. Многие из них кончали жизнь самоубийством, сходили с ума. Чтобы уберечь от этого жену, 6-летнюю дочь и 13-летнего сына Т. Васильев был вынужден подписать заранее заготовленный сотрудником НКВД протокол допроса... В соседней камере тем временем сидел по знаменитой ст. 58 УК РСФСР уроженец Кочкуровского района села Старые Турдаки Илларион Сибиряк, которому чудом удалось переправить на волю письмо Сталину: «Я никогда не видел столько врагов, сколько видел в Саранской тюрьме. Троцкисты, националисты, террористы, правые, левые, меньшевики, кулаки, подкулачники, белогвардейцы, вредители, диверсанты, шпионы различных государств. Откуда столько набралось врагов в нашей маленькой Мордовии, счет которых шел на многие тысячи? Это все честные советские люди, которые благодаря произволу и беззаконию оказались за решеткой»⁴⁷. Например, арестовали прокурора Республики П.И. Абмаева и его заместителя М.Д. Осипова «За создание вредительской группы в системе прокуратуры Мордовии и суда». Били их до беспамятства на допросах, которые длились сутками. Из тюрьмы Абмаев вышел без единого зуба, выглядел дряхлым стариком, а ему было всего 43 года⁴⁸.

Далее автор описывает судебный процесс над «врагами народа»: «Выездная сессия 23 мая 1938 г. заседала в кабинете наркома внутренних дел Мордовии Красовского. Здесь были его заместители, начальники отделов, следователи наркомата, то есть все наши вчерашние мучители. Я успел только сказать суду, что ни по одному пункту обвинения виновным себя не признаю. Что касается моих показаний в уголовном деле, то все они добыты у меня

⁴⁴ Сибиряк И.С. Я ни в чем не виновен // Советская Мордовия. 1994. 4 дек.

⁴⁵ Головина Л.А. Указ. соч. С. 24.

⁴⁶ Юрченков В.А., Арсентьев Н.М., Яровой А.В. Указ. соч. С. 144–148.

⁴⁷ Сибиряк И.С. Указ. соч.

⁴⁸ Плеханова В.Б., Преснякова Л.И. Прокуратура Республики Мордовия на страже закона. Саранск, 2011. С. 29.

под пытками. В ответ на это председательствующий Матулевич сказал, что суд разберется, а я должен выйти в соседнюю комнату. Через 3-5 минут меня вызвали и объявили приговор: 10 лет лагеря и 5 лет ссылки с полной конфискацией имущества. Так я оказался "врагом народа". Заканчивалось письмо словами: «Прошу Вас как великого вождя и учителя советского народа обратить внимание на произвол, чинимый в Саранской внутренней тюрьме НКВД и строго наказать виновных. Я ни в чем не виновен: ни перед народом, ни перед партией, ни перед вами, дорогой учитель и вождь. И. Сибиряк».

23–24 мая 1938 года выездная военная коллегия, рассмотревшая уголовное дело без участия прокурора, защитников, без допроса свидетелей, приговорила 70 членов «вредительского блока» к расстрелу, остальных 25 – к длительным срокам лишения свободы. «Расстрельный» приговор без права обжалования приводили в исполнение немедленно. Жен «врагов народа» в количестве 51 человек приговорили к отбыванию наказания в ИТЛ и ссылке. Жены расстрелянных «националистов» ученых Рябовых и руководителя МАССР Сурдина наказание (по 5 лет лагерей каждой) отбывали в Карлаге (Казахстане) и на Колыме. На следующий день после освобождения Анны Рябовой началась война. Вере Сурдиной до отбытия наказания оставалось три дня. Но после 22 июня 1941 года ей как жене «врага народа» срок увеличили.

НКВД СССР потребовал этапировать Т. Васильева («шпиона в пользу финской, английской и германской разведок») в Москву – в распоряжение 2-го отдела НКВД СССР. Содержать предписано «как особо опасного преступника» в отдельной камере Бутырской тюрьмы⁴⁹. Во время дальнейших допросов и на судебном заседании Т.В. Васильев заявил, что его объяснения в Саранской тюрьме – это вымысел. Никакой он не шпион, а тот самый «признательный» протокол подписал вынужденно... К его словам не прислушались: Военный трибунал Московского военного округа приговорил 42-летнего Васильева к расстрелу по статьям «Измена Родине» и «Контрреволюционная деятельность». Приговор привели в исполнение 31 июля 1939 года⁵⁰.

Возмездие

А почти через месяц Военный трибунал войск НКВД Московского округа вынес приговор в отношении 17 соучастников конвейерного способа фальсификации уголовных дел о «врагах народа». Цитируем: «С конца 1937 года и до второй половины 1938 года под руководством бывшего наркома НКВД МАССР Красовского Н.В. и его ближайшего помощника Пронина Д.И. (в дальнейшем оба арестованы) и при прямом участии группы бывших работников аппарата НКВД МАССР создавались провокационные дела, проводились массовые незаконные аресты, применялись противозаконные извращенные методы следствия и фальсифицировалось следствие по делам, находившимся в производстве наркомата. В своих вражеских и преступных целях Красовский и Пронин организовали так называемый "штаб" из оперативных сотрудников, на который была возложена задача составления заведомо ложных протоколов в отсутствие арестованных. В них вписывались тяжкие антигосударственные преступления, которые на самом деле арестованные не совершали. Искусственно в показании обвиняемых записывались террористические, вредительские и диверсионные акты, факты которых в извращенном виде брались из составленного так называемого "справочника" происшествий по МАССР за несколько лет. Затем с помощью вымогательства и пыток сотрудники НКВД заставляли арестованных подписывать фальсифицированные протоколы допроса»⁵¹.

Письмо И. Сибиряка дошло до адресата и возмездие свершилось: за незаконные методы ведения следствия из 17 сотрудников НКВД МАССР троих приговорили к расстрелу, 14 человек к лишению свободы на длительные сроки. Эти лица реабилитации не подлежат.

Но и в годы репрессий немало российских судей твердо отстаивали права и законные интересы граждан. По воспоминаниям судьи Михаила Ильича Петрова (односельчанина Т.В. Васильева), во время прохождения судебной практики в Западно-Сибирском краевом суде ему на изучение дали кассационную жалобу заведующего Мариинским Домом культуры.

⁴⁹ Наблюдательное производство по делу № 2973 от 22.02.1938 г.

⁵⁰ Ламзурь Рябова-Васильева «Лемсна и тевсна-седисонк» («Имена и дела в сердце») // Мокшень правда. 1999. 5 окт.

⁵¹ Приговор № 77 от 8–11 сентября 1939 г. Военного трибунала войск НКВД Московского военного округа. Дело № 120 // Память: жертвы политических репрессий. Саранск, 2000. С. 797–804.

Суд назначил ему наказание 10 лет лишения свободы за совершение деяния, относящееся к государственным преступлениям. Состав вмененного ему преступления был таков: накануне выборов в Верховный Совет в Мариинске баллотировались: в Совет Союза – Караваева (звеньевая колхоза) и в Совет национальностей – член Военсовета СибВО Антонюк. Художник, нарисовавший портреты указанных кандидатов в Верховный Совет, спросил заведующего домом культуры, куда девать эти портреты. Тот ответил: «Вот эту (показал на портрет Караваевой) повесить, а этого (портрет Антонюка) – повесить к стенке».

В проекте кассационного определения по жалобе директора Дома культуры практикант Петров написал, что в худшем случае со стороны осужденного это был неудачный каламбур слов и предложил переqualифицировать действия осужденного со ст. 58 на ст. 74 УК РСФСР, предусматривающую ответственность за совершение хулиганства, определив меру наказания в виде одного года принудительных работ, а так как он уже отбыл 4 месяца тюремного заключения, то он засчитал один день тюремного заключения за три дня принудительных работ и предложил освободить его из мест лишения свободы. В дальнейшем краевым судом было принято решение об освобождении данного лица из мест лишения свободы. А заведующий Домом культуры так и не узнал, что же спасло его от десяти лет неволи...⁵²

О расстреле Т.В. Васильева его семья узнает только через 18 лет. А тогда, в 1938 году, Елизавета Павловна начинает борьбу за своего мужа. Сохранился черновик ее письма к И.В. Сталину от 20 декабря 1939 года: «Васильеву сейчас 41 год, из них 21 принадлежат партии большевиков. Люди в моем положении не могут лгать, прося защиты у Вас. Я прошу Вас восстановить поруганную честь человека, готового пожертвовать жизнью за дело партии. Я имею смелость обратиться прямо к Вам, ибо надеюсь, что Вы ускорите разбор дела оклеветанного человека. Я ничего не знаю о судьбе моего мужа. Закончено ли его дело, сослан ли он куда-нибудь и жив ли. Если бы я знала, что он жив, то половина бремени спала бы с моих плеч».

22 августа 1956 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила судебные

решения в отношении Т.В. Васильева по вновь открывшимся обстоятельствам, и дело за отсутствием состава преступления прекратили⁵³.

Выдающегося юриста реабилитировали посмертно. То же самое было сделано в отношении остальных граждан, незаконно репрессированных по делу «Мордовского Блока» и «Идель-Урал».

До конца своей жизни Елизавета Павловна так и не узнает о месте захоронения мужа и своих братьев. Вот выдержки из ее письма в компетентные органы: «Всякая смерть тяжела, любая утрата горестна. Но когда человек гибнет во имя высокой цели, в его смерти есть величие, есть какое-то оправдание, есть утешение для тех, кто остался жить. Но во имя какой цели умер наш Тимофей? Он не заслужил себе даже могилы, на что имеет право каждый живущий...»⁵⁴

Лишь в 1997 году, в годовщину 100-летия Тимофея Васильева, его дочь Элеонора Кузнецова получила письмо, в котором сообщалось, что отец кремирован в крематории Донского кладбища и захоронен в общей могиле № 1. Дети и внуки смогли поклониться праху Т. Васильева и установить табличку с датами жизни и смерти...

Последнее пересечение нитей судьбы. Они воевали, работали, встречались в жизни и сошлись в одной могиле – Васильев, Путна, Уборевич, Тухачевский, Блюхер, Мейерхольд... Промысел Божий соединил в одном пространстве мучеников и мучителей⁵⁵. Здесь же на Донском кладбище последнее пристанище наркома внутренних дел Н.И. Ежова, а на соседней аллее стоит памятник В.М. Блохину – лицо которого – последнее, что увидели они перед смертью. (Блохин В.М. – начальник комендатуры ОГПУ, организовывал приведение приговоров в исполнение)⁵⁶.

Не обрели еще ни могильного камня, ни креста, ни памятного знака цвет и гордость мордовской интеллигенции – сотни расстрелянных в мае 1938 года. Лишь небольшая часовенка, у которой пробивается земной слезой родник, стоит в глухом овраге Саранска. И хотя имена их упомянуты в энциклопедии Мордовии (Н.Н. Важаев, Ф.М. Чесноков, Т.П. Ми-

⁵³ Верховный суд Республики Мордовия: вехи становления / Г.А. Курьшев [и др.].

⁵⁴ Мартышкин В.Н., Сушкова Ю.Н. Указ. соч. С. 121.

⁵⁵ Головина Л.А. Указ. соч.

⁵⁶ Петров Н.В., Скоркин А.В. Кто руководил НКВД в 1934–1941 гг. М., 1999.

⁵² Петров М.И. Ровесник Октября. Неопубликованная рукопись.

ронов, А.П. Рябов, В.П. Рябов и много других, чьи труды и жизни неотделимы от истории Республики Мордовия), хочется верить, что будут они, наконец, и погребены достойно, чтобы потомки смогли поклониться родным могилам.

За свою короткую жизнь Т. Васильев прошел путь от неграмотного деревенского подростка до блестящего лондонского юриста. Но Тимофей Васильевич Васильев никогда не

забывал, что является мордвином, он всегда ощущал связь со своими корнями. Старался поведать миру об истории, обычаях и самобытности своего народа. Как говорила его вдова Елизавета Павловна, «Здание Мордовии построено, а в нем и Тимофея кирпич есть». Личный и профессиональный подвиг Т.В. Васильева – выдающийся образец служения своему Отечеству⁵⁷.

⁵⁷ Мартышкин В.Н. Тимофей Васильев – патриот, правовед, просветитель // Правосудие в Республике Мордовия. 2013. № 7. С. 62.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беспалько Виктор Геннадиевич – профессор кафедры организации таможенных исследований Института правоохранительной деятельности ГКОУ ВПО «Российская таможенная академия», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: viktor_bespalko@mail.ru

Борисов Сергей Викторович – доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент.

E-mail:svb8@yandex.ru

Валеев Револь Миргалимович – профессор кафедры международного и европейского права ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор юридических наук.

E-mail: internationallaw@rambler.ru

Гаптрахманова Альфия Возихровна – аспирант кафедры международного и европейского права юридического факультета ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

E-mail: gapt_alfiya@mail.ru

Глухов Александр Викторович – доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: AVGlukhov3962@mail.ru

Демичев Дмитрий Михайлович – заведующий кафедрой теории и истории права Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: demichev_d@bseu.by

Долгополов Кирилл Андреевич – доцент кафедры уголовного права и процесса НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт», кандидат юридических наук.

E-mail: nadal06@mail.ru

Забзалюк Дмитрий Евгеньевич – профессор кафедры теории и истории государства и права Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: Great_master@mail.ru

Калашников Сергей Валерьевич – профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления», доктор юридических наук, профессор.

E-mail: info@kgpd.ru

Козлов Денис Валерьевич – старший преподаватель кафедры международного права юридического факультета ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», кандидат юридических наук.

E-mail: DVKozlov1980@mail.ru

Комлева Елена Владимировна – Институт философии и политологии Дортмундского технического университета (Германия, Дортмунд).

E-mail: komleva_ap@mail.ru

Лошкарев Никита Вадимович – аспирант ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет».

E-mail: 89171017666@mail.ru

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент (Республика Беларусь).

E-mail: martinenko@tut.by

Мартышкин Василий Николаевич – заместитель председателя Верховного Суда Республики Мордовия, почетный работник судебной системы, заслуженный юрист Республики Мордовия.

E-mail: kimmaga@mail.ru

Мусаев Халид Абдурашимович – аспирант кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет».

E-mail: pavel_volosuk@mail.ru

Свирин Юрий Александрович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений», доктор юридических наук.

E-mail: usvirin@mail.ru

Серёгин Андрей Викторович – доцент кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», кандидат юридических наук.

E-mail: andrei-seregin@rambler.ru

Соловьев Сергей Геннадьевич – заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет), доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета Комитета по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

E-mail: soloviev@feml.susu.miass.ru

Степанченко Валерий Иванович – депутат, руководитель фракции «Справедливая Россия» в Законодательном собрании Ямало-Ненецкого автономного округа, кандидат юридических наук.

E-mail: yunina77@mail.ru

Третьякова Екатерина Сергеевна – доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: es-tret@mail.ru

Халиков Аслям Наилевич – профессор Института права ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», доктор юридических наук.

E-mail: han010@yandex.ru

Цалиев Александр Михайлович – Председатель Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

E-mail: constsudalania@mail.ru

Шматенко Андрей Андреевич – аспирант Юридического института (Санкт-Петербург), руководитель правового управления ООО «СиЭлСи Консалтинг».

E-mail: shmat86@mail.ru

Шмыков Дмитрий Валерьевич – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса НП ВПО «Прикамский социальный институт», кандидат юридических наук.

E-mail: dimao999op@mail.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

Статья представляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски автоматические постраничные, кегль 12, поля: 2,0 см.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках (при необходимости издательство оказывает услуги по квалифицированному переводу текста на английский язык). Подробнее в разделе «Перевод текста».

Материалы, не отвечающие вышеперечисленным требованиям, не принимаются к публикации!

Статьи следует направлять по адресу электронной почты: jur-science@mail.ru

Все рукописи в обязательном порядке рецензируются. С Порядком рецензирования рукописей можно ознакомиться в разделе «Рецензирование».

После принятия статьи к публикации автору направляется по электронной почте счет на оплату соответствующих услуг.

Стоимость публикации составляет 200 рублей за одну страницу текста (включает в себя стоимость авторского экземпляра журнала, а также почтовые расходы). Авторы из стран СНГ дополнительно оплачивают 100 рублей за международную пересылку.

Статьи докторов юридических наук, а также зарубежных авторов (кроме стран СНГ) публикуются бесплатно (в пределах 14 страниц).

Автору высылается один бесплатный экземпляр журнала. При необходимости автор вправе заказать дополнительные экземпляры журнала (стоимость одного дополнительного экземпляра – 500 рублей (включая почтовые расходы), при международной пересылке – 600 рублей).

При публикации статьи в журнале автор передает издательству право на распространение статьи (включая информацию об авторе) любым способом (размещение на сайте журнала, в научных электронных библиотеках, в справочно-правовых системах и т.п.) без выплаты автору вознаграждения.

Данное предложение является публичной офертой в соответствии со ст. 437 Гражданского кодекса Российской Федерации.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии Журнала, имеющий наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Редакция имеет право привлекать внешних рецензентов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков).

5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Рецензия в обязательном порядке должна быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в Высшую аттестационную комиссию.

8. Сроки рецензирования рукописей:

8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в соответствии с п. 2 Порядка в течение семи дней с момента получения рукописи редакцией.

8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи Главным редактором.

8.3. В сроки, указанные в п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

8.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.

9. Содержание рецензии:

9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

9.1.1. соответствие содержания статьи ее названию;

9.1.2. актуальность темы исследования;

9.1.3. научная новизна полученных результатов;

9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).

9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и Редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.

9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;

9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;

9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;

9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.

10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п. 9.3.2–9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.

12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.

13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение трех лет с момента их подписания рецензентом.

Концепция»

Издательство «Концепция»

приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц и оказывает услуги по изданию монографий, учебников, учебных пособий, сборников материалов конференций, методических рекомендаций, периодических изданий и иной литературы, в том числе:

- ❖ Подготовка издания к печати, а также: профессиональное редактирование и корректура рукописей (в том числе диссертаций), оформление библиографических ссылок согласно требованиям ГОСТ; присвоение индексов ISBN, УДК, ББК, оформление титульного листа и выходных данных по ГОСТ, подготовка оригинал-макета книги.
- ❖ Печать различных видов изданий на современном оборудовании: доступны различные типы печати, широкий выбор бумаги, различные варианты переплета, обложки. По желанию клиента издательство работает с минимальными тиражами (от 1 экз.).
- ❖ Включение научной литературы (в том числе монографий) в систему Российского индекса научного цитирования с размещением текста в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru).
- ❖ Доставка книг по России и странам ближнего зарубежья.

Наша концепция: «От черновика до книги – один шаг».

Наш телефон: 8 (4912) 99-21-97

E-mail: conception.rzn@gmail.com

Корректор *Смурова Надежда Васильевна*
Верстка *Твердоступ Марина Вячеславовна*

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ТРОО «Бизнес – Наука – Общество»
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 6

Подписано в печать 02.09.2013. Формат 61x86¹/₈ Бумага офсетная. Печать трафаретная. Печ. л. 18,67. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 500 экз. Заказ № 0327.